

№ 9 / 2019

История

государства и права

ISSN 1812-3805

9 771812 380772 >

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

№ 9 / 2019

НАУЧНО-ПРАВОВОЕ ИЗДАНИЕ. Федеральная служба по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Рег. ПИ № ФС77-30776 от 25 декабря 2007 г. Издаётся с 1998 г., выходит ежемесячно.

Главный редактор:

Исаев И.А., д.ю.н., профессор

Редакционный совет:

Аронов Д.В., д.и.н., профессор;

Бабич И.Л., д.и.н.;

Жильцов Н.А., к.ю.н., к.пед.н., профессор,

почетный работник юстиции России;

Мельников С.А., д.ю.н., профессор;

Мигущенко О.Н., д.ю.н., доцент;

Нигматуллин Р.В., д.ю.н., профессор,

заслуженный юрист Республики Башкортостан;

Рассказов Л.П., д.ю.н., д.и.н., профессор;

Ромашов Р.А., д.ю.н., профессор,

заслуженный деятель науки РФ;

Сафонов В.Е., д.ю.н., профессор;

Туманова А.С., д.ю.н., д.и.н., профессор;

Хабибуллин А.Г., д.ю.н., профессор,

заслуженный юрист РФ;

Чердаков О.И., к.и.н., д.ю.н., профессор

Редакционная коллегия:

Бодунова О.Г., к.ю.н., доцент;

Зенин С.С., к.ю.н., доцент;

Клименко А.И., д.ю.н., доцент;

Недобежкин С.В., к.ю.н., доцент;

Сигалов К.Е., д.ю.н., доцент

Главный редактор

Издательской группы «Юрист»:

Гриб В.В., д.ю.н., профессор, чл.-корр. РАО,

заслуженный юрист РФ

Заместители главного редактора

Издательской группы «Юрист»:

Бакин А.И.,

Белых В.С.,

Ренов Э.Н.,

Платонова О.Ф.,

Трунцевский Ю.В.

Научное редактирование

и корректура:

Швечкова О.А., к.ю.н.

Телефон редакции: (495) 953-91-08

Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

Репрессия и защита: из истории суда

Попаденко Е.В., Красильникова Е.В.

Становление суда присяжных в российской провинции (на примере Вологодской губернии).....3

Полуда О.Н. «Преступление» и «проступок» в России XIX века: теория, закон и практика.....11

Кошкин Н.С. К вопросу о понятии геноцида20

Михайлов Д.О. Исторические корни судебного штрафа в России.....26

Хатуяева В.В. Историческая ретроспектива становления и развития мировой юстиции в России31

Из истории органов внутренних дел

Иванов В.А., Колошинская Н.В. Проблемы формирования некоторых форм взаимодействия органов госбезопасности и внутренних дел при подавлении преступности в РСФСР в начале 1920-х годов.....37

Меняйло Д.В., Кириченко Ю.Н., Карпинская А.А. Роль женщины в истории органов внутренних дел46

Гарина О.В. Деятельность государственной автомобильной инспекции управления милиции Управления народного комиссариата внутренних дел Орловской области в годы Великой Отечественной войны51

Философия права и правовая наука в исторической ретроспективе

Ромашов Р.А. Проблема понимания «национальных скреп» в контексте сравнительно-исторического анализа российского политогенеза.....58

Латынин О.А. Догматическая юриспруденция и философия права: диалог идей (методологические заметки)66

Сигалов К.Е. Гносеологические и ментальные основания правопонимания73

Адрес редакции / издателя:

115035, г. Москва,

Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7.

E-mail: avtor@lawinfo.ru

Центр редакционной подписки:

(495) 617-18-88 (многоканальный).

Формат 170x252 мм. Печать офсетная.

Бумага офсетная № 1. ISSN 1812-3805.

Физ. печ. л. 10. Усл. печ. л. 10.

Номер подписан в печать 29.08.2019.

Номер вышел в свет 04.09.2019.

Тираж 3000 экз. Цена свободная.

Подписные индексы:

Роспечать — 47643 (на полуг.);

Объединенный каталог. Пресса России — 85492 (на полуг.).

Отпечатано в типографии

«Национальная полиграфическая группа».

248031, г. Калуга, ул. Светлая, д. 2.

Тел.: (4842) 70-03-37.

Журнал включен в базу данных

Российского индекса научного цитирования

(РИНЦ).

Полная или частичная перепечатка материалов без письменного разрешения авторов статей или редакции преследуется по закону.

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

Учредитель:

Издательская группа «Юрист».

HISTORY OF STATE AND LAW

No. 9 / 2019

RESEARCH AND LAW JOURNAL. The Federal Service for Supervision in the Sphere of Mass Communication, Communications and Protection of Cultural Heritage.
Reg. PI No. FC77-30776 from December 25, 2007. Published since 1998. Published monthly.

Editor in Chief:

Isaev I.A., LL.D., professor

Editorial Board:

Aronov D.V., doctor of historical sciences, professor;

Babich I.L., doctor of historical sciences;

Zhil'tsov N.A., PhD (Law),

PhD in pedagogical sciences, professor,

Honorary Worker of Justice of Russia;

Mel'nikov S.A., LL.D., professor;

Migushenko O.N., LL.D., associate professor;

Nigmatullin R.V., LL.D., professor,

Honored Lawyer of the Republic of Bashkortostan;

Rasskazov L.P., LL.D.,

doctor of historical sciences, professor;

Romashov R.A., LL.D., professor,

Honored Scientist of the RF;

Safonov V.E., LL.D., professor;

Tumanova A.S., LL.D.,

doctor of historical sciences, professor;

Khabibulin A.G., LL.D., professor,

Honored Lawyer of the Russian Federation;

Cherdakov O.I., PhD in historical sciences,

LL.D., professor

Editorial Staff:

Bodunova O.G., PhD (Law),

associate professor;

Zenin S.S., PhD (Law), associate professor;

Klimenko A.I., LL.D.,

associate professor;

Nedobezhkin S.V., PhD (Law),

associate professor;

Sigalov K.E., LL.D., associate professor

Editor in Chief of Jurist Publishing Group:

Grib V.V., LL.D., professor, corresponding

member of the RAE, Honored lawyer of the RF

Deputy Editors in Chief

of Jurist Publishing Group:

Babkin A.I.,

Bely'kh V.S.,

Renov E.N.,

Platonova O.F.,

Truntsevskij Yu.V.

Scientific editing and proofreading:

Shvechkova O.A., PhD (Law)

Tel.: (495) 953-91-08.

Authors shall not pay for publication of their articles.

Repression and Protection:

From the History of Court

Popadenko E.V., Krasilnikova E.V.

The Establishment of a Jury Trial in a Russian Province (on the Example of Vologda Governorate) 3

Poluda O.N. 'Crime' and 'Offense' in Russia of the XIXth Century: The Theory, Law, and Practice .. 11

Koshkin N.S. On the Concept of Genocide..... 20

Mikhaylov D.O. Historical Roots of a Court Fine in Russia 26

Khatuaeva V.V. The Historical Retrospect of the Establishment and Development of Lay Justice in Russia 31

From the History of Internal Affairs Agencies

Ivanov V.A., Koloshinskaya N.V. Issues of the Establishment of Some Forms of Cooperation between State Security and Internal Affairs Agencies in Suppression of Crime in the RSFSR in the Early 1920s 37

Menyaylo D.V., Kirichenko Yu.N., Karpinskaya A.A. The Role of a Woman in the History of Internal Affairs Agencies 46

Garina O.V. Activities of the State Automobile Inspectorate of the Police Directorate of the Directorate of the People's Commissariat for Internal Affairs of the Orel Region during the Great Patriotic War 51

Philosophy of Law and the Legal Science in the Historical Retrospect

Romashov R.A. The Issue of Interpretation of National Ties in the Context of a Comparative and Historical Analysis of the Russian Politogenesis..... 58

Latynin O.A. Dogmatic Jurisprudence and Philosophy of Law: A Dialogue of Ideas (Methodological Notes)..... 66

Sigalov K.E. Gnoseological and Mental Grounds of Legal Consciousness 73

Address publishers / editors:

Bldg. 7, 26/55, Kosmodamianskaya Emb.,
Moscow, 115035.

E-mail: avtor@lawinfo.ru

Editorial Subscription Centre: (495) 617-18-88
(multichannel).

Size 170x252 mm. Offset printing.

Offset paper № 1. ISSN 1812-3805.

Printer's sheet 10.

Conventional printed sheet 10.

Passed for printing 29.08.2019.

Issue was published 04.09.2019.

Circulation 3000 copies.

Free market price.

Subscription:

Rospechat' — 47643 (for 6 months);

United Catalogue. Russian Press — 85492
(for 6 months).

Printed by National Polygraphic Group Ltd.

Bldg. 2, street Svetlaya, Kaluga, 248031.

Tel.: (4842) 70-03-37.

Journal is included in the database
of the Russian Science Citation Index.

Complete or partial reproduction of materials without
prior written permission of authors or the Editorial
Office shall be prosecuted in accordance with law.

Recommended by the Higher Attestation Commission
of the Ministry of Education and Science of the Russian
Federation for publications of basic results
of candidate and doctor theses.

Founder:
Jurist Publishing Group

DOI : 10.18572/1812-3805-2019-9-3-11

Становление суда присяжных в российской провинции (на примере Вологодской губернии)

*Попаденко Елена Викторовна,
доцент кафедры уголовного права
Вологодского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент
popadenkoev@yandex.ru*

*Красильникова Елена Валерьевна,
доцент кафедры уголовного права
Вологодского государственного университета,
кандидат юридических наук
skrivelse-kev@yandex.ru*

В статье анализируется процесс становления и развития института суда с участием присяжных заседателей на территории Вологодской губернии; рассматриваются проблемы судопроизводства с участием присяжных заседателей в Вологодской губернии, а также система требований, предъявляемых к присяжным заседателям, и результаты их деятельности.

Ключевые слова: судебная реформа 1864 г., суд присяжных, Вологодская губерния, цензы, социальный состав, первые процессы.

The Establishment of a Jury Trial in a Russian Province (on the Example of Vologda Governorate)

*Popadenko Elena V.
Senior Lecturer of the Department of Criminal Law of the Vologda State University
PhD (Law)
Associate Professor*

*Krasilnikova Elena V.
Senior Lecturer of the Department of Criminal Law of the Vologda State University
PhD (Law)*

The article analyzes the process of formation and development of jury court institution in Vologda governorate. The problems of court procedure involving the jurors are viewed for Vologda governorate, as well as system of requirements to the jurors and the results of their activity.

Keywords: judicial reform of 1864, jury court, Vologda governorate, qualifications, social composition, the first trials.

Одним из итогов судебной реформы 1864 г. стало появление в России суда с участием присяжных заседателей, который в соответствии с Уставом уголовного судопроизводства 1864 г. (далее — УУС) представлял собой особое присутствие окружного суда, в состав которого входило трое судей: председатель и два его заместителя (товарища) — и 12 присяжных заседателей. Однако введение суда на территории

Российской империи шло медленно. В частности, этот процесс на территории Вологодской губернии затянулся на несколько лет: в июне 1865 года в г. Вологде состоялось совещание, где были представлены сведения судебной статистики о распределении нагрузки на судей различных судебных учреждений Вологодской губернии, но реальные шаги по введению Судебных уставов были сделаны только в 1872 г., когда было

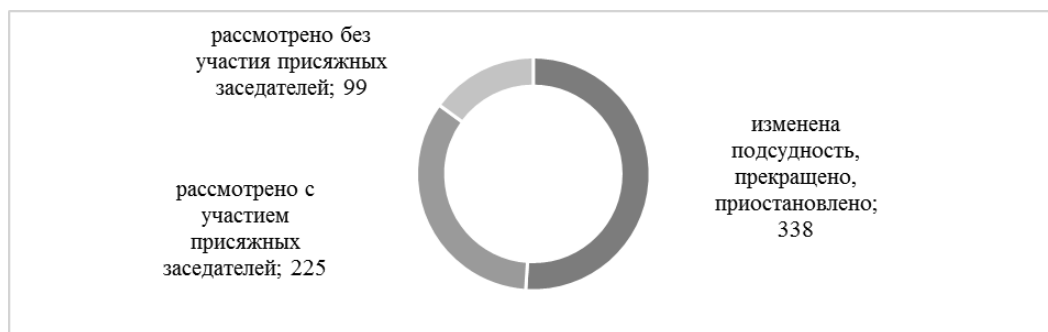

Рис. 1. Количество уголовных дел, рассмотренных Вологодским окружным судом в 1875 г.

Примечание: Диаграмма составлена по: Свод статистических сведений по делам уголовным, производившимся в 1875 году, в судебных учреждениях, действующих на основании Уставов 20 ноября 1864 г. СПб., 1876. С. 157–158.

принято высочайше утвержденное мнение Государственного совета от 12 декабря 1872 г. «О введении в действие Судебных Уставов 20 ноября 1864 года в губерниях Пермской и Вологодской»¹, открытие Вологодского окружного суда состоялось 1 июня 1874 г., а первое уголовное дело с участием присяжных заседателей было рассмотрено 9 сентября этого же года.

В соответствии со ст. 201 УУС к подсудности окружных судов с участием присяжных заседателей относилось рассмотрение уголовных дел о преступлениях и проступках, за которые могло быть назначено наказание в виде лишения или ограничения прав состояния, т.е. потеря дворянства, лишение почетных титулов, чинов, знаков отличия; запрещение находиться на государственной и общественной службе (для дворян); лишение духовного звания (для священнослужителей); запрет участвовать в выборах и быть избранными «в почетные или соединенные с властью должности» (для купцов и почетных граждан). Лишение всех прав состояния, кроме перечисленных ограничений, означало и лишение супружеских,

родительских прав, а также прав собственности. Это составляло значительную массу уголовных дел, рассматриваемых окружными судами. Так, в 1875 году в Вологодском окружном суде 30% уголовных дел рассматривалось с участием присяжных заседателей (см. рис. 1).

При этом 48% из рассмотренных с участием присяжных заседателей уголовных дел приходилось на кражи (см. рис. 2).

К присяжным заседателям предъявлялись достаточно высокие требования. Во-первых, присяжные заседатели избирались только из российских подданных мужского пола в возрасте от 25 до 70 лет любых сословий, кроме духовенства, представители которого согласно ст. 85 Учреждения судебных установлений 1864 г. (далее — УСУ) не подлежали внесению в списки присяжных заседателей. Так, основную массу присяжных заседателей по Вологодскому уезду составляли крестьяне, купцы и лица, состоящие на государственной гражданской службе в различных должностях (см. рис. 3).

Во-вторых, присяжными заседателями могли быть только лица, прожившие не менее двух лет в том уезде, где проводилось избрание в присяжные заседатели. Как отмечали составители уставов,

¹ См.: Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XLVII. Отделение второе. № 51635.

Рис. 2. Уголовные дела, рассмотренные Вологодским окружным судом с участием присяжных заседателей в 1875 г.

Примечание: Диаграмма составлена по: Свод статистических сведений по делам уголовным. С. 157–158.

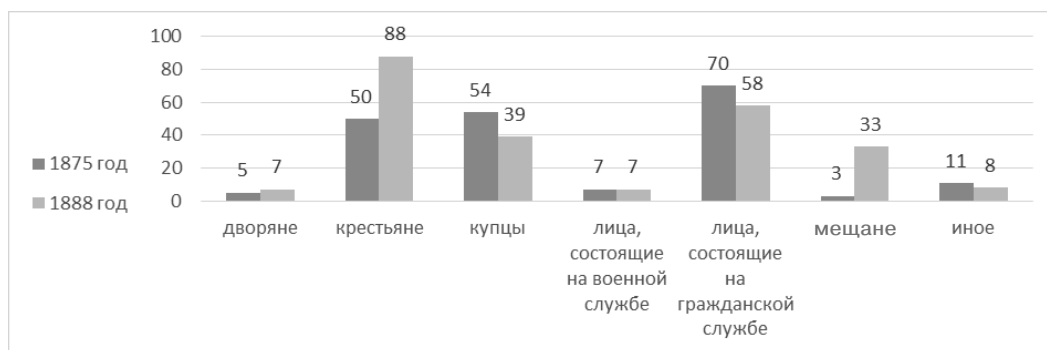

Рис. 3. Социальное положение очередных присяжных заседателей по Вологодскому уезду в 1875, 1888 гг.

ценз оседлости «вызывается необходимостью, чтобы присяжные заседатели, для оценки по совести степени вины подсудимых, были хорошо знакомы с правами, обычаями и общественной жизнью известной местности»².

В-третьих, в списки присяжных заседателей вносились лица, которые владели не менее чем 100 десятинами земли или другим недвижимым имуществом ценой от 500 руб. (в губернских городах — не менее 1 тыс. руб., в столицах — не менее 2 тыс. руб.) или по-

лучали жалование или доход от капитала, занятия, промысла не менее 200 руб. в год, а в Москве и Петербурге — не менее 500 руб. в год. Именно такой имущественный ценз, по замыслу законодателя, препятствовал бы попаданию в присяжные заседатели «лиц бедных, не имеющих достаточного образования и недовольно развитых для того, чтобы исполнять важные и трудные обязанности присяжного заседателя»³.

Имущественный ценз действительно был достаточно высок для Вологодской губернии: численность населения губернии в период с 1875 по 1888 г. коле-

² Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны, изданные Государственной канцелярией. Ч. 3. СПб., 1867. С. 79.

³ Там же. С. 82.

Таблица

Год	Процентное отношение числа грамотных к общей численности населения (в %)		
	Мужчины	Женщины	Всего
1873	18,2	0,7	9,5
1878	25,2	3,0	13,9
1908–1911	39,3	5,3	22,0

Примечание: Таблица составлена по: Вологодский сборник, издаваемый Вологодским губернским статистическим комитетом. 1879. Т. 1; Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1811–1913) : статистические очерки. М., 1956. С. 294.

балась от 1,06 млн⁴ до 1,3 млн⁵ человек, однако отвечала всем предъявляемым к присяжным заседателям требованиям сравнительно небольшая доля населения. Например, на территории Вологодского уезда в списки лиц, имеющих право быть избранными в присяжные заседатели на 1888 г., попало только 1528 человек⁶ при средней общей численности населения 135 тыс. человек, а по Грязовецкому уезду — 689 человек⁷ при средней численности населения 97 тыс., т.е. около 1%.

И это притом, что в списки присяжных заседателей, без учета имущественного положения, вносились все лица, состоящие на государственной гражданской службе с V по XIV класс, на местной службе по выборам дворянских и городских обществ, лица сельского управления. Это правило ст. 84 УСУ, по мнению ряда ученых, составляет слу-

жебный ценз для кандидатов в присяжные заседатели⁸. Однако нам представляется более состоятельной позиция А.А. Демичева, что в данном же случае речь скорее идет о привилегиях определенной группы лиц⁹.

До 1887 года для отправления обязанностей присяжного заседателя не требовалось никакого образовательного ценза. Поскольку только сравнительно небольшую долю составляли люди, знающие грамоту, то отличительной чертой формировавшихся составов присяжных заседателей была общая неграмотность, что не могло не сказываться на качестве принимаемых присяжными заседателями решений. И только в 1887 г. среди требований к присяжным заседателям добавился образовательный ценз. К этому времени в Вологодской губернии наметилась тенденция к постепенному увеличению числа грамотных, что наглядно представлено в приведенной ниже таблице. Однако абсолютное большинство населения гу-

⁴ Обзор Вологодской губернии за 1875 г. Типография Губернского правления, 1876.

⁵ Обзор Вологодской губернии за 1888 г. Типография губернского правления, 1889.

⁶ См.: Общий список лиц, имеющих право быть присяжными заседателями на 1888 год по Вологодскому уезду // Вологодские губернские ведомости. 1887. № 46. 13 ноября. С. 7–9.

⁷ См.: Список лиц, имеющих право быть присяжными заседателями по Грязовецкому уезду на 1888 год // Вологодские губернские ведомости. 1887. № 41. 9 октября. С. 8–10.

⁸ См., например: Коротких М.Г. Генезис суда присяжных в России по судебной реформе 1864 г. // Правоведение. 1988. № 3. С. 85.

⁹ См.: Демичев А.А. Суд присяжных по Судебным уставам 1864 г. // Памятники российского права : учеб.-науч. пособие : в 35 т. Т. 13: Судебная реформа 1864 года в Российской империи / под ред. Р.Л. Хачатурова ; А.А. Демичева. М., 2015. С. 364.

бернии все же не соответствовало данному критерию.

Не могли быть присяжными заседателями лица, состоявшие под судом и следствием, подвергавшиеся тюремному заключению или другим строгим наказаниям по приговорам суда, несостоятельные должники и состоящие под опекой за расточительность, слепые, глухие, умалишенные, не знающие русского языка. Кроме того, не подлежали включению в списки присяжных заседателей лица, занимавшие военные чины, работники суда, прокуратуры и нотариата, чиновники полиции, учителя народных школ и некоторые другие категории подданных. Считалось, что основной род занятий указанных лиц настолько важен, что отвлечение для исполнения обязанностей присяжного заседателя нанесло бы только вред. При этом следует отметить, что военнослужащие, находящиеся в продолжительном, временном или бессрочном отпуске, вполне могли быть привлечены в качестве присяжных заседателей, если они соответствовали другим условиям.

Списки кандидатов в присяжные заседатели ежегодно составлялись особыми временными комиссиями, состоящими из лиц, ежегодно назначаемых для этого уездными земскими собраниями. Например, в состав такой комиссии по Вологодскому уезду, как правило, входили следующие должностные лица: председатель уездной земской управы, городской голова, член вологодского уездного по крестьянским делам присутствия, вологодский уездный исправник, вологодский полицмейстер. Работа Временной комиссии проходила следующим образом. Вначале составлялись общие списки лиц, обладавших необходимым цензом, на их основе комиссия составляла очередные списки, куда вносились лица, подлежащие вызову в окружной суд в течение следующего го-

да с их равномерным распределением по четвертям года. При этом комиссия включала в очередной список только лиц, способных по своим «нравственным качествам и другим причинам, известным комиссии, к исполнению обязанностей присяжного заседателя» (ст. 99 УСУ). Н.П. Ерошкин называет это цензом благонадежности¹⁰. По Вологодскому уезду Вологодской губернии в такие списки в 1875 г. было включено 200 очередных и 60 запасных присяжных заседателей¹¹, в 1888 г. эти цифры составляли 240 и 24 человека соответственно¹².

В целом следует отметить невысокое качество составляемых общих и очередных списков присяжных заседателей, — глядя на них, невозможно было установить правильность внесения той или иной кандидатуры. В списках содержались только фамилия, имя, отчество (а иногда и без отчества) и социальное положение будущего присяжного заседателя. Нередко в списке не указывалось, к какому сословию принадлежит присяжный заседатель. Кроме того, на территории Вологодской губернии отсутствовало какое-либо единообразие в оформлении таких списков. В различных уездах за один и тот же год списки выглядели по-разному. Например, список лиц, имеющих право быть присяжными заседателями по Грязовецкому уезду на 1888 г., был разделен по волостям, тогда как по Вологодскому уезду — по должностным лицам, составившим его.

¹⁰ См.: Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1968. С. 243.

¹¹ См.: Список очередных и запасных заседателей, избранных на 1875 год по Вологодскому уезду // Вологодские губернские ведомости. 1875. 13 января. С. 6.

¹² См.: Список очередных и запасных заседателей, избранных на 1888 год по Вологодскому уезду // Вологодские губернские ведомости. 1887. 18 декабря. С. 6–7.

Судебные уставы 1864 г. не предусматривали вознаграждения или какой-либо компенсации присяжным заседателям. Считалось, что «участие в суде присяжных не есть право, это — общественная обязанность»¹³. В связи с этим, ограждая российских подданных от слишком частого выполнения «общественной обязанности», было введено правило, что никто не мог быть призван для исполнения этой обязанности присяжного заседателя более одного раза в год. Более того, лица, исполнявшие обязанности присяжного заседателя в одном году, имели право отказаться от несения данной повинности в следующем году.

За три недели до открытия судебных заседаний с присяжными заседателями из очередного списка «назначались по жребию при открытых дверях присутствия тридцать заседателей для присутствия в течение всего периода заседаний» (ст. 550 УУС). Судебные заседания Вологодского окружного суда с участием присяжных заседателей, как правило, проходили в течение недели. Избранные по жребию присяжные заседатели извещались о том повестками. Списки дел, назначенных к слушанию, также публиковались в Вологодских губернских ведомостях. Судебные заседания с участием присяжных заседателей проходили не только в Вологде, проводились выездные судебные заседания и в других городах губернии (например, в Тотьме, Усть-Сысольске, Вельске). За неявку в суд без уважительных причин присяжный заседатель мог быть подвергнут штрафу от 10 до 100 руб. в первый раз и от 20 до 200 руб. — во второй. При неявке в суд в третий раз нарушитель предавался суду и подвергался штрафу от 30 до 300 руб. и лишению права участвовать в выборах и быть «из-

бираемым в должности, требующие общественного доверия».

Явившиеся в суд присяжные заседатели могли быть отведены сторонами без объяснения причин отвода, который производился вычеркиванием из списка имен отводимых заседателей (ст. 655 УУС). Так, в 1875 г. по делу А.И. Бурлакова, обвиняемого в подлоге, из общего списка присяжных заседателей как со стороны обвинения, так и со стороны защиты отведено по 6 человек, а из оставшихся путем жребия выбрано 12 комплектных заседателей. В число присяжных заседателей вошли 2 учителя, 7 чиновников, по одному — купец и крестьянин. Старшиной коллегии присяжных заседателей избран С.С. Дружинин — губернский предводитель дворянства¹⁴.

Судебное следствие с участием присяжных заседателей проходило в таком же порядке, что и без их участия. В ходе судебного разбирательства присяжные могли осматривать вещественные доказательства, документы, относящиеся к делу; задавать вопросы участникам процесса; требовать от председательствующего разъяснения непонятных моментов и т.п. В отличие от современного уголовного процесса по Уставам 1864 г. не запрещалось исследовать данные о личности участников процесса. К примеру, по делу Вологодского окружного суда от 13 ноября 1874 г. об изнасиловании, сопряженном с растлением крестьянской девицы О.Л.Ц., товарищ прокурора С.Н. Коптев в своей речи, характеризуя потерпевшую, отмечал: «Она не заигрывала с молодыми парнями, ее не видали на вечеринках в кругу подруг, словом, она была девушка скромница. На суде держала себя робко». В свою очередь защитник

¹³ Владимиров Л.Е. Суд присяжных. Условия действия института присяжных и метод разработки доказательств. Харьков, 1873. С. 51.

¹⁴ См.: Дело о купеческом сыне А.И. Бурлакове, обвиняемом в подлоге, рассматривавшееся в Вологодском окружном Суде // Вологодские губернские ведомости. Часть неофициальная. 1875. 7 января. С. 3.

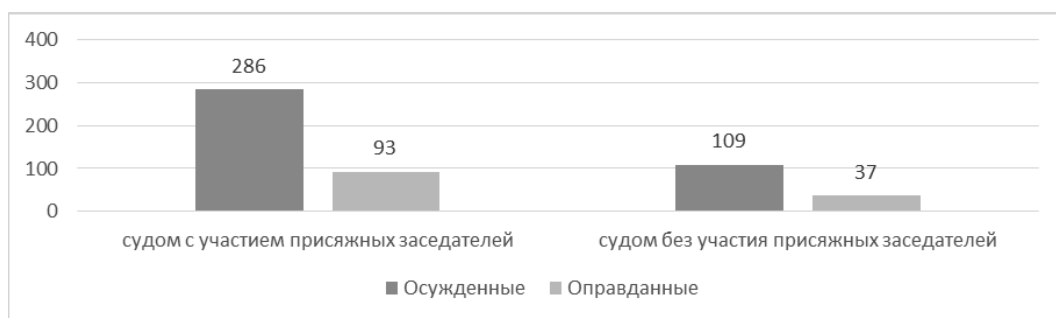

Рис. 4. Результаты рассмотрения уголовных дел Вологодским окружным судом в 1875 г.

Примечание: Диаграмма составлена по: Свод статистических сведений по делам уголовным. С. 157–158.

подсудимого А.А. Саблин, обращаясь к присяжным заседателям, произнес: «Посмотрите на Цветкова — он недурен собой, одевается хорошо, живал в Петербурге — такому молодцу не отказала в любви каждая девушка на деревне, лучше О., которая, как мы видели, вовсе не красива, так что и страсть-то к ней не могла развиться»¹⁵.

По окончании прений сторон председательствующий обращался к присяжным заседателям с напутственной речью и вручал старшине вопросный лист для вынесения вердикта. Так, по делу о краже, совершенной крестьянином д. Низовки Грязовецкого уезда С.И. Миньковым, рассмотренному Вологодским окружным судом 11 ноября 1874 г., суд постановил на решение коллегии присяжных заседателей два вопроса: «Виновен ли С.И. Миньков, 52 лет, в похищении овса в ночь на 10 января 1874 г. из амбара крестьянина Н.И. Пигавкина?», «Виновен ли он же, Миньков, в похищении рам и вывески из питейного заведения д. Низовки Ведерковской волости?»¹⁶.

Выслушав напутственную речь, присяжные заседатели удалялись в совеща-

тельную комнату, откуда нельзя было выйти без разрешения председателя суда, кроме как в зал заседания. Решение присяжных выносилось большинством голосов. А уже на основе вердикта присяжных заседателей суд постановлял приговор. Как правило, вердикт был обязателен для суда, но в 1874 г. в Вологодском окружном суде произошел случай «разногласия коронных судей с судьями присяжными» — довольно редкий в судебной практике. 19 ноября 1874 г. рассматривалось уголовное дело по обвинению в разбое крестьянина Грязовецкого уезда А.В. Поваренкина. На вопрос: «Виновен ли подсудимый Поваренкин в открытом похищении кошелька с 4 рублями денег на большой дороге у крестьянина Тягина, с оружием в руках?» — жюри присяжных ответило: «Да, виновен, но без оружия и заслуживает снисхождения». Однако коронный состав судей единогласно пришел к выводу, что решением присяжных заседателей осужден Поваренкин невинно, и на основании ст. 818 УУС определил передать уголовное дело на рассмотрение нового состава присяжных заседателей¹⁷.

¹⁵ См.: Местный отдел. Вологда // Вологодские губернские ведомости. 1874. 28 ноября. С. 3.

¹⁶ См.: Местный отдел. Вологда // Вологодские губернские ведомости. 1874. 25 ноября. С. 3.

¹⁷ См.: Местный отдел. Вологда // Вологодские губернские ведомости. 1874. 12 декабря. С. 4.

Вообще, статистика показывает, что в Вологодском окружном суде был достаточно небольшой процент вынесения оправдательных приговоров. Например, в 1875 г. оправдательный приговор выносился только в отношении 15% обвиняемых, чьи дела рассматривались с участием присяжных заседателей и 6% — без участия присяжных заседателей (см. рис. 4).

На первый взгляд может показаться, что присяжные заседатели были наиболее благосклонно настроены по отношению к обвиняемым, но на самом деле число дел, рассматриваемых с участием присяжных заседателей, более чем в два раза превышало количество дел, рассматриваемых без участия присяжных заседателей, т.е. относительное число оправдательных приговоров, вынесенных при участии присяжных заседателей и без их участия, практически одинаково.

Таким образом, процесс становления суда с участием присяжных заседателей на территории Вологодской губернии шел достаточно медленно: в отдельных уездах его введение приходится лишь на

начало XX в.¹⁸. Связано это было с обширной пространственно-территориальной протяженностью Вологодской губернии, с низким уровнем культурного развития населения и малым количеством лиц, отвечающих требованиям, предъявляемым к присяжным заседателям. Несмотря на трудности, с которыми столкнулся данный институт на этапе своего становления, многие исследователи отмечают, что суд с участием присяжных заседателей значительно поднял престиж правосудия¹⁹. Первые судебные процессы с участием присяжных заседателей в Вологодской губернии были встречены общественностью с восторгом и вызвали неподдельный интерес.

¹⁸ См.: Высочайше утвержденные Временные Правила о введении Судебных Уставов Императора Александра II в полном объеме в Великоустюжском, Никольском, Сольвычегодском, Яренском и Усть-Сысольском уездах Вологодской губернии от 15 февраля 1899 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XIX. № 16489. Ст. II.

¹⁹ См., например: Боботов С.В., Чистяков Н.Ф. Суд присяжных: история и современность. М., 1992. С. 88.

Литература

1. Боботов С.В. Суд присяжных: история и современность / С.В. Боботов, Н.Ф. Чистяков. Москва : Манускрипт, 1992. 150 с.
2. Владимиров Л.Е. Суд присяжных. Условия действия института присяжных и метод разработки доказательств / Л.Е. Владимиров. Харьков : Университетская типография, 1873. 256 с.
3. Демичев А.А. Суд присяжных по Судебным уставам 1864 г. / А.А. Демичев // Памятники российского права. В 35 томах : учебно-научное пособие. Т. 13. Судебная реформа 1864 года в Российской империи / под редакцией Р.Л. Хачатурова ; А.А. Демичева. Москва : Юрлитинформ, 2015. С. 360–376.
4. Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России / Н.П. Ерошкин. Москва : Высшая школа, 1968. 368 с.
5. Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1811–1913) : статистические очерки / А.Г. Рашин ; под редакцией С.Г. Струмилина. Москва : Государственное статистическое изд-во, 1956. 354 с.

References

1. Bobotov S.V. Sud prisyazhny`kh: istoriya i sovremennost [Jury Trial: The History and Modern Times] / S.V. Bobotov, N.F. Chistyakov. Moskva : Manuskript — Moscow : Manuscript, 1992. 150 s.
2. Vladimirov L.E. Sud prisyazhny`kh. Usloviya deystviya instituta prisyazhny`kh i metod razrabotki dokazatelstv [Jury Trial. Conditions of Operation of the Jury Institution and an Evidence Development Method] / L.E. Vladimirov. Kharkov : Universitetskaya tipografiya — Kharkov : University Printing Office, 1873. 256 s.
3. Demichev A.A. Sud prisyazhny`kh po Sudebny`m ustavam 1864 g. [Jury Trial According to the Judicial Statutes of 1864] / A.A. Demichev // Pamyatniki rossiyskogo prava. V 35 tomakh : uchebno-nauchnoe posobie. T. 13. Sudebnaya reforma 1864 goda v Rossiyskoy imperii / pod redaktsiey R.L. Khachaturova ; A.A. Demicheva. Moskva : Yurlitinform — Russian Law Monuments. In 35 volumes : academic and research guide. Vol. 13. The Judicial Reform of 1864 in the Russian Empire / edited by R.L. Khachaturov ; A.A. Demicheva. Moscow : Yurlitinform, 2015. S. 360–376.

4. Eroshkin N.P. Istoriya gosudarstvenny`kh uchrezhdeniy dorevolyutsionnoy Rossii [The History of State Institutions of Pre-Revolutionary Russia] / N.P. Eroshkin. Moskva : Vy`sshaya shkola — Moscow : Higher School, 1968. 368 s.
5. Rashin A.G. Naselenie Rossii za 100 let (1811–1913) : statisticheskie ocherki [The Population of Russia for 100 Years (1811 to 1913) : statistical sketches] / A.G. Rashin ; pod redaktsiey S.G. Strumilina. Moskva : Gosudarstvennoe statisticheskoe izd-vo — edited by S.G. Strumilin. Moscow : State Statistical Publishing House, 1956. 354 s.

DOI : 10.18572/1812-3805-2019-9-11-19

«Преступление» и «проступок» в России XIX века: теория, закон и практика

*Полуда Оксана Николаевна,
доцент кафедры истории государства и права
Саратовской государственной юридической академии,
кандидат юридических наук
poluda77@gmail.com*

Статья посвящена исследованию теоретических взглядов ученых-правоведов, уголовного законодательства и судебной практики России XIX века. Рассматриваемый период характеризовался модернизационными процессами и непоследовательной общественно-политической практикой. В рамках существующей идеологии перед прогрессивными представителями русского общества и законодателем неизбежно вставал вопрос о гуманизации уголовной юстиции, декриминализации ряда статей уголовного закона. Предполагалось введение прогрессивных уголовно-правовых институтов, способных обеспечить баланс интересов государства и общества. Анализируются политико-правовые тенденции развития институтов «преступления» и «проступка».

Ключевые слова: преступление, проступок, уголовное право, полицейское нарушение, гуманизм, наказание.

'Crime' and 'Offense' in Russia of the XIX Century: The Theory, Law, and Practice

*Poluda Oksana N.
Senior Lecturer of the Department of History of State and Law of the Saratov State Law Academy
PhD (Law)*

The article is devoted to the study of theoretical views of legal scientists, criminal legislation and the jurisprudence of Russia of the XIX century. The period under review was characterized by modernization processes and inconsistent socio-political practices. Within the framework of the existing ideology, the progressive representatives of Russian society and the legislator inevitably faced the issue of humanizing the criminal justice, decriminalizing a number of articles of the criminal law. It was intended to introduce progressive criminal legal institutions capable of ensuring a balance between the interests of the state and society. Political and legal trends in the development of the institutes of crime and misconduct are analyzed.

Keywords: crime, misdemeanor, criminal law, police violation, humanism, punishment.

Современный этап государственно-правового развития России характеризуется динамичными преобразованиями, обусловленными переходом к демократическим принципам организации

всех сфер общественных отношений, дальнейшим построением независимого правового государства, жизненно важной задачей которого является обеспечение безопасности и защищен-

ность личности. Эффективность этого процесса прежде всего зависит от обоснованности и совершенства законодательства и практики его применения. Охрана интересов личности, прав граждан, общества и государства от преступных посягательств осуществляется в настоящее время посредством уголовного законодательства, прошедшего длительное историческое развитие и имеющего свою «историческую почву». Новая правовая действительность требует введения прогрессивных уголовно-правовых институтов. Практическим шагом по обеспечению прав личности в современном государстве стала инициатива Верховного Суда РФ о внесении в Государственную думу проекта федерального закона, направленного на введение в Уголовный кодекс РФ понятия «уголовный проступок»¹.

Председатель Верховного Суда РФ В.М. Лебедев, обращая внимание на необходимость либерализации уголовного закона, полагает, что это позволит более точно дифференцировать меры уголовно-правового характера, исключив негативные для личности последствия судимости за совершение деяний, не наказуемых лишением свободы.

Право — результат развития общества. Преобразования, произошедшие в современной России, требуют приведения и уголовно-правовых норм в соответствие с принципами демократического государства, с потребностями страны и общества. Разумеется, речь не идет о тотальной декриминализации, но все более очевидной становится необходимость переосмысления существовавших ранее подходов, совершенствования уголовно-правовых категорий. В целях точного определения тенден-

ций развития современных институтов уголовного права необходимо обратиться к рассмотрению прежних, ранее действовавших норм, уяснить причины, обусловившие их появление, изменение или отмену. Изучение истории права есть «способ уяснения содержания действующих юридических норм и институтов, а также определение путей их усовершенствования»².

Значительный интерес в данном контексте для современной юридической науки и практики представляет систематизированное уголовное законодательство России XIX в. Главным итогом реформ 60–70-х гг. XIX в. стало капиталистическое развитие государства, что оказало решающее влияние на процесс становления и развития основ новой системы права.

Задачей настоящего исследования является не только формальное уяснение начал дореволюционного уголовного закона, но и критическая его оценка на основании данных юридической науки и судебной практики России.

На протяжении XIX в. выдающиеся правоведы исследовали динамику российского уголовного права, в целом отмечая репрессивный характер царской уголовной политики³. Особое место в их трудах занимала проблема разграничения дефиниций «преступление» и «проступок». По мнению Н.С. Таганцева, са-

¹ См.: Выступление Председателя Верховного Суда РФ В.М. Лебедева на торжественном заседании, посвященном 95-летию со дня основания Верховного Суда РФ. Москва, 23 января 2018 г. URL: http://www.vsr.fu/press_center/video_archive/26387/

² Безверхов А.Г., Коростелев В.С. Проект Уголовного уложения Российской империи 1813 года. Самара, 2013. С. 5.

³ См.: Таганцев Н.С. Русское уголовное право : в 2 т. СПб., 1915; Его же: Уложение о наказаниях, его характеристика и оценка // Журнал гражданского и уголовного права. 1873. № 1. С. 1–33; Спасович В.Д. Новые направления в науке уголовного права. М., 1898; Сергеевский Н.Д. Русское уголовное право. М., 1915; Баршев С.И. Лекции уголовного права. 4-е изд. 1873; Кистяковский А.Ф. Уголовное право. Ч. 1. Киев, 1868; Кенигсон А.В. Проступки и преступления по службе и порядок ответственности должностных лиц. Кишинев, 1910; Фойницкий И.Я. Курс русского уголовного права. СПб., 1900; и др.

мо разнообразие преступных деяний актуализировало множество признаков, могущих служить основой их классификации, но теоретическое и практическое значение имела следующая система: разделение по содержанию деяний, по их наказуемости и по условиям уголовного преследования⁴. Так, по содержанию ученый разграничивал уголовное преступление, проступок (административное нарушение) и гражданский деликт. Н.С. Таганцев отмечал, что «нельзя поставить на одну доску поджигателя, убийцу и лицо, выпустившее, положим, без предварительной цензуры сочинение само по себе и не преступное, но не заключающее полных десяти листов, или хозяина дома, своевременно не зажегшего фонаря на черной лестнице; нельзя проводить аналогию между ними ни по отношению к проявленной ими преступности, ни по отношению к социальному значению их проступка, определяющему наказуемость»⁵.

Н.А. Неклюдов под формальным определением преступления понимал все то, что запрещено законом под страхом наказания; в материальном смысле — это объекты, на которые направлено посягательство (интерес государства, общество и т.д.). «Когда человек только не соблюдает правил, — писал Н.А. Неклюдов, — которые предписаны законом ввиду охраны безопасности объектов, — это проступок (или неправда полицейская)»⁶. Таким образом, исходя из объективной тяжести содеянного, ученый предлагал выделять проступок в самостоятельный вид правонарушения.

Современные исследователи также обращали внимание на консерватизм Уложения о наказаниях, на отсутствие в нем обобщающих формулировок

и т.д.⁷. Определяющее значение для эволюции уголовно-правовых институтов имела систематизация уголовного законодательства России второй половины XIX в.⁸.

Значительный интерес для современного исследователя представляет деятельность правительственных кодификационных комиссий по разработке уголовного Уложения 1845 г., проходившая в период ужесточения политического режима в стране. И.В. Архипов отмечал: «С точки зрения развития юридической науки, оно принимается на стыке двух эпох в развитии уголовного права, когда явственно ощущалось противостояние старых феодальных догм и новых буржуазных принципов уголовного права»⁹.

⁷ См.: Балыбин В.А. Основные тенденции развития уголовного законодательства России. 1861–1881 // Правоведение. 1977. № 3. С. 55–63; Кодан С.В. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года // Источниковедение истории государства и права дореволюционной России. Иркутск, 1983. С. 90–97; Его же. К истории кодификации уголовного законодательства дореформенной России // Историко-юридические исследования правовых институтов и государственных учреждений СССР. Свердловск, 1986. С. 102–116; Алексеев В.И. Нормативное регулирование уголовных наказаний по Уложению о наказаниях 1845 года // История государства и права. 2005. № 1; Агаев Г.А. Ответственность за преступления против порядка управления по Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года // История государства и права. 2005. № 5; Помогалова Н.Н. Ответственность за преступления против собственности по Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.

⁸ См.: Архипов И.В. Систематизация уголовного законодательства России в 30–70-е годы XIX века. Саратов, 1997; Его же. К истории Уложения о наказаниях 1845 г. // Правоведение. 1990. № 6; Его же. Становление системы уголовного права России: проекты М.М. Сперанского и П.И. Дегаля // Человек, общество, право : сб. науч. ст. / под ред. О.Ю. Рыбакова. Саратов, 1996; и др.

⁹ Архипов И.В. Указ. соч. С. 6.

⁴ См.: Таганцев Н.С. Курс уголовного права. СПб., 1902. Т. I. С. 236.

⁵ Там же. С. 237.

⁶ Неклюдов Н.А. Общая часть уголовного права. СПб., 1875. С. 14.

Вопрос о гуманизации уголовного законодательства в целом и декриминализации ряда статей уложения в частности активно обсуждался еще накануне его утверждения чиновниками и общественностью. Специальная комиссия (В.В. Левашов, Д.Н. Блудов, В.Н. Панин и др.) при Государственном совете, созданная в 1844 г. с целью рассмотрения проектов Уложения о наказаниях для империи и Царства Польского, пристальное внимание уделяла системе наказаний, особая полемика велась вокруг вопроса о применении смертной казни¹⁰.

Члены Государственного совета высказывались за исключение из проекта смертной казни для отцеубийц, требовали «большей гуманности и снисходительности к лицам, заблудшим на путь преступления»¹¹.

Разграничение юридической терминологии преступления и проступка требовало от законодателя новых средств борьбы с преступностью, реформы системы наказания сообразно условиям и причинам каждой их категории. Реформа уголовной юстиции являлась неотъемлемым элементом прогрессивного развития страны. Необходимость сокращения уголовной репрессии «во имя идеи правды и справедливости» была очевидной как для юристов-практиков, так и для общественности. В то же время такая уголовная политика противоречила консервативно-охранительному курсу, выбранному Александром III.

В отечественном законе первое указание на необходимость размежевания уголовного преступления и проступка было сделано М.М. Сперанским в разъяснениях к проекту Уголовного уложения, составленного в 1813 г., пред-

ставленных им в 1824 г. в Департамент законов Государственного совета¹².

Книга первая тома XV Свода законов Российской империи (в ред. 1832, 1842, 1857 гг.) содержала уголовно-правовые нормы, где формальное определение преступления или проступка включало «как само противозаконное деяние, так и неисполнение того, что под страхом наказания законом предписано». Из смысла статей следовало, что законодатель проявлял «целесообразную осторожность» при проведении в жизнь новых правовых институтов. «Неточное выражение мысли законодателя», отсутствие устойчивой юридической терминологии в Своде законов объяснялось нежеланием верховной власти — Николая I преодолеть консерватизм уголовного закона. В этом усматривается отсутствие стремления превзойти архаичные принципы карательной политики государства. Наглядно это выражено в системе наказаний нового Уложения 1845 г. Как верно заметил В.И. Алексеев, «законодатель так и не смог преодолеть в наказании устрашительных мер, которые, как известно, не имеют отношения ни к воспитанию, ни к перевоспитанию арестантов»¹³.

Вместе с тем законодатель стремился обеспечить стабильность функционирования уголовно-правовых норм в определении состава общеуголовной преступности. Гарантировать такую стабильность должна была терминологическая преемственность. Свод законов как по форме, так и по содержанию отличался от предшествующего уголовного законодательства, во многом превосходя его. Сохраняя преемственность основных институтов уголовного права (преступление, соучастие, формы вины

¹⁰ См.: Там же. С. 71–72.

¹¹ Есипов В.В. Некоторые спорные вопросы уголовного права. Варшава, 1899. С. 26; См. также: Есипов В.В. Проект закона об условном осуждении. Варшава, 1904.

¹² См.: Краткое обозрение хода работ и предложений по составлению нового кодекса законов о наказаниях. СПб., 1846. С. 6.

¹³ Алексеев В.И. Нормативное регулирование уголовных наказаний по Уложению о наказаниях 1845 года // Там же. С. 34.

и др.), Свод законов вводил ряд новых понятий и терминов. Ю.А. Тихомиров, говоря о правопреемственности, замечает, что «каждому периоду человеческой истории свойственно сохранение правового наследия и его преумножение. Правопреемственность — внутри и вовне государства — обеспечивает непрерывность действия права и ту связь явлений и процессов, которая необходима для устойчивости общества, государства и нормальной жизнедеятельности граждан»¹⁴.

Применительно к исследованию вопроса о попытках разграничения понятий «преступление» и «проступок» отечественным законодателем важно отметить, что «проступок» стал терминологической новацией, продиктованной изменением условий существования общества и государства. Определенное влияние оказали лучшие образцы либеральной западноевропейской правовой мысли.

О терминологической неопределенности, а также хаотичности уголовных норм Свода законов говорили авторы проекта нового Уложения 1845 г. Ошибочным, по их мнению, было решение включить в один том (XV) уголовные преступления и менее тяжкие проступки. Как следствие, «многие статьи о преступлениях и проступках менее важных подвергают виновного не казни или тяжкому наказанию, а взысканиям по сравнению с прочими довольно легкими. В других томах Свода законов, напротив, встречаются нормы о противозаконных деяниях, заслуживающих название уголовных преступлений, как по их сути, так и по наказанию за них»¹⁵.

¹⁴ Тихомиров Ю.А. Курс сравнительного правоведения. М., 1996. С. 247.

¹⁵ Проект Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, внесенный в 1844 году в Государственный Совет, с подробным означением оснований каждого из внесенных в сей проект постановлений. СПб., 1871. С. 35.

Свод законов (1832, 1842 гг.), в силу указанных причин, требовал существенной модернизации, поэтому был поставлен вопрос о подготовке нового Уголовного уложения.

Перед составителями проекта Уложения о наказаниях стояла многосложная задача, предстояло «не отвергая всей системы настоящего уголовного законодательства», иными словами, не меняя концепции уголовного права Свода законов, его форм и характера, адаптировать нормы и институты в новой правовой действительности, наконец, унифицировать уголовное законодательство.

После одобрения Государственным советом и утверждения Николаем I 15 августа 1845 г. уложение вступило в силу с 1 мая 1846 г. Под преступлением понималось «всякое нарушение закона, через которое посягается на неприкосновенность прав Власти Верховной и установленных Ею властей или же на права или безопасность общества и частных лиц». Получил закрепление в новом уголовном законе и проступок, который определялся как «нарушение правил, предписанных для охранения определенных законами прав и общественной или же личной безопасности или пользы»¹⁶. С совершенствованием юридической техники и категориального аппарата Общая часть кодекса содержала более четкие формулировки и определения. По степени важности законодатель стал различить преступления и проступки, относя к первым прежде всего тяжкие деяния против веры, государства, должностные преступления, имущественные, против жизни, здоровья частных лиц. Санкции за проступки — нарушение правил, которы-

¹⁶ Свод законов Российской империи повелением государя императора Николая Первого составленный. Изд. 1857. Свод законов уголовных. Т. XV: Законы уголовные. Кн. I: Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб., 1857. Ст. 1, 2.

ми охранялись права и безопасность частных лиц, ввиду меньшей их общественной опасности предполагались в виде кратковременного ареста, выговора, штрафа, внушения и, очевидно, подлежали юрисдикции органов полиции. Однако Особенная часть уложения не содержала ясного разграничения уголовной, административной и дисциплинарной ответственности.

Кроме того, сложная казуальная система наказаний затрудняла квалификацию деяний. Как пишет В.В. Есипов, «уголовная репрессия, как и всякая другая, чтобы быть действенной, должна быть равной и соответствовать деянию»¹⁷.

Дальнейшие изменения в уголовном законодательстве продиктованы судебной реформой 1864 г., определившей в подсудность мировых судей не особо тяжкие уголовные дела. С изданием в 1864 г. Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями утратилась необходимость дальнейшей правовой регламентации преступления и проступка, так как в ст. 1 устава слово «проступок» применялось для обозначения всех маловажных преступных деяний¹⁸.

В целях скорейшего урегулирования правовой коллизии Второе отделение Его Императорского Величества канцелярии в объяснительной записке о согласовании уложения и устава предложило исключить из нового закона прежнее деление. Эта инициатива была реализована высочайше утвержденным мнением Государственного совета в 1865 г.¹⁹.

Отсутствие терминологического разграничения преступления и проступка значительно упрощало и облегчало редакцию статей уголовного закона. В 1866 году появилась новая редакция Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, которая, по сравнению с законом 1845 г., была существенно сокращена (на 652 статьи), в ней нивелировалось юридическое определение проступка. Так, под «преступлением или проступком» понималось как само противозаконное деяние, так и неисполнение того, что под страхом наказания законом предписано»²⁰. Указанные изменения прямо закреплялись и в Уложении о наказаниях в редакции 1885 г.²¹.

Таким образом, в обновленном уголовном законодательстве термин «проступок» не получил должного нормативно-правового содержания и употреблялся для выражения понятия о преступном деянии в целом.

Но и после введения Судебных уставов 1864 г. в судебной практике существовала юридическая неопределенность относительно квалификации преступления и проступка. В силу этого Уголовный кассационный департамент Правительствующего Сената, к примеру, в решениях 1866 г. вполне определенно разъяснял, что преступления, состоящие в нанесении увечий, ран и других повреждений здоровью, предусмотренны Уложением о наказаниях уголовных и исправительных (ст. 1477–1496) и поэтому подсудны общим судебным местам, а не мировым судам. Юрисдикции последних подлежали только проступки, указанные в Уставе о наказаниях, налагаемых мировыми судьями²².

¹⁷ Есипов В.В. Некоторые спорные вопросы уголовного права. Варшава, 1899. С. 16.

¹⁸ См.: Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны. СПб., 1866. Ч. II. Ст. 1. URL: <http://civil.consultant.ru>

¹⁹ См.: О согласовании Уложения о наказаниях с Уставом о наказаниях, налагаемых мировыми судьями от 27 декабря 1865 г. // ПСЗ РИ-2. 1867. Т. XL. № 42839.

²⁰ См.: Свод законов уголовных. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Кн. I. СПб., 1866. Ст. 1.

²¹ См.: Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. / сост. Д.А. Каплан. Екатеринбург, 1912. Ст. 1.

²² См.: № 2 — По протесту Товарища Прокурора по делу о поручике Яловецком от

В целях унификации законодательства и судебной практики были приняты своевременные и обоснованные решения Уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената 1868 г. за № 10, по делу Ефимова, и 1874 г. за № 46, где категорически объяснялось, что в Уложении о наказаниях термин «преступление» не противопоставляется термину «проступок».

Проведенный анализ уголовного законодательства России XIX в. и обзор судебной практики позволяют сформулировать следующие выводы. Уголовно-правовая концепция развития России в данный период определялась представлениями государственной власти о необходимой преемственности его основных институтов. Консервативные принципы уголовного права получили дальнейшее оформление в Своде законов Российской империи, а в последующем и в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных. Законодатель крайне осторожно относился к новым нормам, которые могли внести существенные изменения в отече-

ственную юридическую науку и практику, «расшатать» устой сословного общества. Такие институты не коррелировались с социально-политической реальностью России второй половины XIX в., с абсолютной монархией. Наиболее заметный отпечаток это наложило на разграничение таких центральных понятий уголовного законодательства, как «преступление» и «проступок». Термин «проступок» предполагал наличие самостоятельного определения, с его формальным и материальным нормативным выражением, исключающим юридическую неопределенность, отражением в законе исчерпывающего перечня деяний, подпадающих под такое понятие, соразмерную с ним «лестницу» наказаний. Обозначенная проблема ставила власть перед необходимостью пересмотра подходов уголовно-правовой политики в сторону ее гуманизации, меньшей репрессивности системы наказаний. В контексте развития буржуазных отношений перед властью и ее юристами стояла двуединая задача: создание не просто нового, а правового государства. Очевидно, полностью распрощаться с дискриминацией уголовно-правовых институтов власть оказалась не готова.

31 августа 1866 г. // Решения Уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената за 1866 г. Екатеринослав, 1910. С. 5–6.

Литература

1. Агаев Г.А. Ответственность за преступления против порядка управления по Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года / Г.А. Агаев // История государства и права. 2005. № 5. С. 41–43.
2. Алексеев В.И. Нормативное регулирование уголовных наказаний по Уложению о наказаниях 1845 года / В.И. Алексеев // История государства и права. 2005. № 1. С. 34–37.
3. Архипов И.В. Систематизация уголовного законодательства России в 30–70-е годы XIX века / И.В. Архипов ; под редакцией Ю.М. Поникидина. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1997. 142 с.
4. Архипов И.В. Становление системы уголовного права России: проекты М.М. Сперанского и П.И. Дегаля / И.В. Архипов // Человек, общество, право : сборник научных статей / под редакцией О.Ю. Рыбакова, Саратов : СГАП, 1996. 62 с.
5. Балыбин В.А. Основные тенденции развития уголовного законодательства России. 1861–1881 / В.А. Балыбин // Правоведение. 1977. № 3. С. 55–63.
6. Баршев С.И. Лекции по уголовному праву / С.И. Баршев. Б.м., 1872.
7. Баршев С.И. Лекции уголовного права / С.И. Баршев. 4-е изд. Б.м., 1873.
8. Безверхов А.Г. Проект Уголовного уложения Российской империи 1813 года / А.Г. Безверхов, В.С. Коростелев. Самара : Самарский ун-т, 2013. 192 с.
9. Есипов В.В. Некоторые спорные вопросы уголовного права / В.В. Есипов. Варшава : В типографии Варшавского учебного округа, 1899. 69 с.
10. Есипов В.В. Проект закона об условном осуждении / В.В. Есипов. Варшава : Варшавскія университетскія извѣстія. 1904. VII. С. 1–31.

11. Кенигсон А.В. Проступки и преступления по службе и порядок ответственности должностных лиц / А.В. Кенигсон. Кишинев : Тип. Бессараб. губ. правл., 1910. 404 с.
12. Кистяковский А.О. Элементарный учебник общего уголовного права. Т. 1. Общая часть / А.О. Кистяковский. Киев : В Унив. тип., 1875. 413 с.
13. Кодан С.В. К истории кодификации уголовного законодательства дореформенной России / С.В. Кодан // Историко-юридические исследования правовых институтов и государственных учреждений СССР : межвузовский сборник научных трудов / ответственный редактор Б.А. Стародубский. Свердловск : СЮИ, 1986. С. 102–116.
14. Кодан С.В. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года / С.В. Кодан // Источниковедение истории государства и права дореволюционной России : сборник статей / ответственный редактор Е.А. Скрипилев. Иркутск : Изд. Иркутского ун-та, 1983. С. 90–97.
15. Неклюдов Н.А. Общая часть уголовного права : конспект / Н.А. Неклюдов. Санкт-Петербург : Рус. кн. торговля, 1875. 192 с.
16. Помогалова Н.Н. Ответственность за преступления против собственности по Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года : автореферат диссертации кандидата юридических наук / Н.Н. Помогалова. Москва, 2003. 25 с.
17. Сергеевский Н.Д. Русское уголовное право. Часть общая : пособие к лекциям / Н.Д. Сергеевский ; предисловие С. Трегубова. 11-е изд. Петроград : Тип. М.М. Стасюлевича, 1915. 397 с.
18. Спасович В.Д. Новые направления в науке уголовного права / В.Д. Спасович. Москва : Тип. т-ва И.Д. Сытина, 1898. 139 с.
19. Таганцев Н.С. Курс уголовного права. Т. 1 / Н.С. Таганцев. Санкт-Петербург : Гос. тип., 1902. 823 с.
20. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. В 2 томах / Н.С. Таганцев. Санкт-Петербург, 1915.
21. Таганцев Н.С. Уложение о наказаниях, его характеристика и оценка / Н.С. Таганцев // Журнал гражданского и уголовного права. 1873. № 1. С. 1–33.
22. Тихомиров Ю.А. Курс сравнительного правоведения / Ю.А. Тихомиров. Москва : Норма, 1996. 427 с.
23. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. / составитель Д.А. Каплан. 3-е изд., испр., доп. и вновь обработ. Екатеринослав : Ротенберг, 1912. 1050 с.
24. Фойницкий И.Я. Курс уголовного права : Часть особ. : Посягательства личные и имущественные / И.Я. Фойницкий. 3-е изд. Санкт-Петербург : Тип. М.М. Стасюлевича, 1900. 421 с.

References

1. Agaev G.A. *Otvetstvennost' za prestupleniya protiv poriyadka upravleniya po Ulozheniyu o nakazaniyakh ugovolny`kh i ispravitelny`kh 1845 goda* [The Liability for Crimes against the Procedure of Administration under the Code of Criminal and Corrective Punishments of 1845] / G.A. Agaev // *Istoriya gosudarstva i prava — History of State and Law*. 2005. № 5. S. 41–43.
2. Alekseev V.I. *Normativnoe regulirovanie ugovolny`kh nakazaniy po Ulozheniyu o nakazaniyakh 1845 goda* [Statutory Regulation of Criminal Punishments under the Code of Punishments of 1845] / V.I. Alekseev // *Istoriya gosudarstva i prava — History of State and Law*. 2005. № 1. S. 34–37.
3. Arkhipov I.V. *Sistemizatsiya ugovolnogo zakonodatelstva Rossii v 30–70-e gody` XIX veka* [Systematization of the Russian Criminal Laws in the 1830s to the 1870s] / I.V. Arkhipov ; pod redaktsiyey Yu.M. Ponikhidina. Saratov : Izd-vo Sarat. un-ta — edited by Yu.M. Ponikhidin. Saratov : publishing house of the Saratov University, 1997. 142 s.
4. Arkhipov I.V. *Stanovlenie sistemy` ugovolnogo prava Rossii: proekty` M.M. Speranskogo i P.I. Degaya* [The Establishment of the Russian Criminal Law System: M.M. Speranskiy and P.I. Degay's Projects] / I.V. Arkhipov // *Chelovek, obshchestvo, pravo : sbornik nauchny`kh statey / pod redaktsiyey O.Yu. Ry`bakova*, Saratov : SGAP — Man, Society, Law : collection of scientific articles / edited by O.Yu. Rybakov, Saratov : SSLA, 1996. 62 s.
5. Balybin V.A. *Osnovny`e tendentsii razvitiya ugovolnogo zakonodatelstva Rossii. 1861–1881* [The Main Tendencies of the Development of the Russian Criminal Laws. 1861 to 1881] / V.A. Balybin // *Pravovedenie — Legal Studies*. 1977. № 3. S. 55–63.
6. Barshev S.I. *Lektsii po ugovolnomu pravu* [Lectures on Criminal Law] / S.I. Barshev. B.m. — without indication of the place of printing, 1872.
7. Barshev S.I. *Lektsii ugovolnogo prava* [Lectures on Criminal Law] / S.I. Barshev. 4-e izd. B.m. — 4th edition. Without indication of the place of printing, 1873.
8. Bezverkhov A.G. *Proekt Ugovolnogo ulozheniya Rossiyskoy imperii 1813 goda* [A Draft of the Criminal Code of the Russian Empire of 1813] / A.G. Bezverkhov, V.S. Korostelev. Samara : Samarskiy un-t — Samara : Samara University, 2013. 192 s.

9. Esipov V.V. Nekotory'e sporny'e voprosy` ugovnogo prava [Some Challenging Criminal Law Issues] / V.V. Esipov. Varshava : V tipografii Varshavskogo uchebnogo okruga — Warsaw : printing office of the Warsaw Educational District, 1899. 69 s.
10. Esipov V.V. Proekt zakona ob uslovnom osuzhdenii [A Draft of a Law on Criminal Sentence] / V.V. Esipov. Varshava : Varshavskiya universitetskiya izv'bstiya — Warsaw : Warsaw University News. 1904. VII. C. 1–31.
11. Kenigson A.V. Prostupki i prestupleniya po sluzhbe i poryadok otvetstvennosti dolzhnostny`kh lits [Official Offenses and Crimes and the Procedure of the Liability of Officials] / A.V. Kenigson. Kishinev : Tip. Bessarab. gub. pravl. — Kishinev : printing office of the Government of Bessarabia Governorate, 1910. 404 s.
12. Kistyakovskiy A.O. Elementarny`y uchebnik obschago ugovnogo prava. T. 1. Obschaya chast [An Elementary Textbook of General Criminal Law. Vol. 1. The General Part] / A.O. Kistyakovskiy. Kiev : V Univ. tip. — Kiev : University Printing Office, 1875. 413 s.
13. Kodan S.V. K istorii kodifikatsii ugovnogo zakonodatelstva doreformennoy Rossii [On the History of Codification of Criminal Laws of Pre-Reform Russia] / S.V. Kodan // Istoriko-yuridicheskie issledovaniya pravovy`kh institutov i gosudarstvenny`kh uchrezhdeniy SSSR : mezhvuzovskiy sbornik nauchny`kh trudov / otvetstvenny`y redaktor B.A. Starodubskiy. Sverdlovsk : SYuI — Historical and Legal Research of Legal Institutions and State Structures of the USSR : inter-university collection of scientific works / publishing editor B.A. Starodubskiy. Sverdlovsk : Sverdlovsk Law Institute, 1986. S. 102–116.
14. Kodan S.V. Ulozhenie o nakazaniyakh ugovny`kh i ispravitelny`kh 1845 goda [The Code of Criminal and Corrective Punishments of 1845] / S.V. Kodan // Istochnikovedenie istorii gosudarstva i prava dorevolutsionnoy Rossii : sbornik statey / otvetstvenny`y redaktor E.A. Skripilev. Irkutsk : Izd. Irkutskogo un-ta — Source Study of the History of State and Law of Pre-Revolutionary Russia : collection of articles / publishing editor E.A. Skripilev. Irkutsk : Publishing house of the Irkutsk University, 1983. S. 90–97.
15. Neklyudov N.A. Obschaya chast ugovnogo prava : konspekt [The General Part of Criminal Law : abstract] / N.A. Neklyudov. Sankt-Peterburg : Rus. kn. trgovlya — Saint Petersburg : Russian Book Sale, 1875. 192 s.
16. Pomogalova N.N. Otvetstvennost za prestupleniya protiv sobstvennosti po Ulozheniyu o nakazaniyakh ugovny`kh i ispravitelny`kh 1845 goda : avtoreferat dissertatsii kandidata yuridicheskikh nauk [The Liability for Crimes against Property under the Code of Criminal and Corrective Punishments of 1845 : author's abstract of thesis of PhD (Law)] / N.N. Pomogalova. Moskva — Moscow, 2003. 25 s.
17. Sergeevskiy N.D. Russkoe ugovnoe pravo. Chast obschaya : posobie k lektsiyam [The Russian Criminal Law. The General Part : guide to lectures] / N.D. Sergeevskiy ; predislovie S. Tregubova. 11-e izd. Petrograd : Tip. M.M. Stasyulevicha — foreword by S. Tregubov. 11th edition. Petrograd : M.M. Stasyulevich's printing office, 1915. 397 s.
18. Spasovich V.D. Novy'e napravleniya v nauke ugovnogo prava [New Areas in the Criminal Law Science] / V.D. Spasovich. Moskva : Tip. t-va I.D. Sy`tina — Moscow : printing office of I.D. Sytin's partnership, 1898. 139 s.
19. Tagantsev N.S. Kurs ugovnogo prava. T. 1 [A Course of Criminal Law. Vol. 1] / N.S. Tagantsev. Sankt-Peterburg : Gos. tip. — Saint Petersburg : State Printing Office, 1902. 823 s.
20. Tagantsev N.S. Russkoe ugovnoe pravo. V 2 tomakh [The Russian Criminal Law. In 2 volumes] / N.S. Tagantsev. Sankt-Peterburg — Saint Petersburg, 1915.
21. Tagantsev N.S. Ulozhenie o nakazaniyakh, ego kharakteristika i otsenka [The Code of Punishments, Its Characteristics and Evaluation] / N.S. Tagantsev // Zhurnal grazhdanskogo i ugovnogo prava — Civil and Criminal Law Journal. 1873. № 1. S. 1–33.
22. Tikhomirov Yu.A. Kurs sravnitel'nogo pravovedeniya [A Course of Comparative Legal Studies] / Yu.A. Tikhomirov. Moskva : Norma — Moscow : Norm, 1996. 427 s.
23. Ulozhenie o nakazaniyakh ugovny`kh i ispravitelny`kh 1885 g. [The Code of Criminal and Corrective Punishments of 1885] / sostavitel D.A. Kaplan. 3-e izd., ispr., dop. i vnov obrabot. Ekaterinoslav : Rotenberg — compiled by D.A. Kaplan. 3rd edition, revised, enlarged and reworked. Ekaterinoslav : Rotenberg, 1912. 1050 s.
24. Foynitskiy I.Ya. Kurs ugovnogo prava : Chast osob. : Posyagatelstva lichny`e i imuschestvenny`e [A Course of Criminal Law : The Special Part : Offenses against Privacy and Property] / I.Ya. Foynitskiy. 3-e izd. Sankt-Peterburg : Tip. M.M. Stasyulevicha — 3rd edition. Saint Petersburg : M.M. Stasyulevich's printing office, 1900. 421 s.

К вопросу о понятии геноцида

*Кошкин Никита Сергеевич,
аспирант кафедры уголовного права и криминологии
Института права Челябинского государственного университета
nik19932@bk.ru*

В статье рассматриваются имеющиеся в теории уголовного права подходы к определению понятия геноцида, а также единство исторических фактов с понятием геноцида. По итогам исследования предложен авторский подход к определению геноцида, а также к отождествлению конкретных исторических фактов с его понятием.

Ключевые слова: геноцид, преступление против безопасности человечества, преступление, уголовное правоотношение.

On the Concept of Genocide

*Koshkin Nikita S.
Postgraduate Student of the Department of Criminal Law and Criminology
of the Law Institute of the Chelyabinsk State University*

The article examines the approaches to the definition of the concept of genocide in the theory of criminal law, as well as the unity of historical facts with the concept of genocide. As a result of the research, an author's approach to the definition of genocide, as well as identification of specific historical facts with the concept of genocide, is proposed.

Keywords: genocide, crime against the security of mankind, crime, criminal legal relationship.

Современная Россия столкнулась с ситуацией, когда уголовное право находится в кризисном состоянии, основные нормы и принципы некоторые участники правоотношений пытаются переосмыслить и переоценить в пользу своих неблагоприятных политических целей, нивелировать то, что уже было разработано человечеством столетиями, тем самым подталкивая все мировое сообщество к хаосу, который был преодолен ранее. Геноцид справедливо считается наиболее опасным преступлением и активно «проявляется» в мире. Подтверждением этому являются: а) возбужденные Следственным комитетом Российской Федерации уголовные дела о геноциде в Южной Осетии¹, Луганске, Донецке и др. населенных пунктах Дон-

басса²; б) события, отраженные в докладе Независимой международной комиссии по расследованию преступлений в Сирии³. В настоящее время предпринимается ряд усилий по формированию новой концепции развития уголовного права, где центральное место занимает поиск новых подходов и принципов для поддержания на более высоком уровне безопасности человечества от актов геноцида. Следует обратить внимание на то, что без правильного определения геноцида это сделать будет невозможно. В связи с чем особую сложность в решении поставленной задачи играет тот факт, что в науке не выработаны единые подходы к определению геноцида, это приводит к различной оценке тех или иных исторических событий, где существенное значение имеет отсутствие

¹ Выступление Председателя Следственного комитета на заседании, посвященном второй годовщине работы Следственного комитета при Прокуратуре Российской Федерации и годовщине событий в Южной Осетии. URL: <http://sledcom.ru/news/item/510275> (дата обращения: 02.08.2019).

² Фочкин О. К трибуналу все готово // Известия. URL: <https://iz.ru/news/663567> (дата обращения: 02.08.2019).

³ ИГИЛ осуществляет геноцид в отношении езидов. URL: <https://news.un.org/ru/story/2016/06/1286931> (дата обращения: 02.08.2019).

должного числа судебных решений по делам о геноциде.

Изначально термин геноцид предложил профессор Р. Лемкин в части IX своей книги «Правление государств “оси” в оккупированной Европе» (*Axis Rule in Occupied Europe*) 1944 г. В ней под геноцидом профессор понимал согласованный план, включающий в себя разные действия, которые нацелены на разрушение основных устоев жизни национальных групп, с целью уничтожения этих групп⁴. Впоследствии Р. Лемкин продолжит работу над понятием геноцида, в том числе и при разработке первого в мире нормативно-правового акта, закрепившего за геноцидом статус преступления. Юридически статус преступления был присвоен геноциду в Конвенции Организации Объединенных Наций «О предупреждении преступления геноцида и наказании за него» 1948 г. (далее по тексту — Конвенция ООН 1948 г.). В соответствии со ст. II Конвенции ООН 1948 г. «под геноцидом понимаются следующие действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую: а) убийство членов такой группы; б) причинение серьезных телесных повреждений или умственного расстройства членам такой группы; в) преднамеренное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение ее; г) меры, рассчитанные на предотвращение деторождения в среде такой группы; е) насильственная передача детей из одной человеческой группы в другую».

СССР подписал Конвенцию ООН 1948 года 16 декабря 1949 г. с оговор-

ками по ст. IX и XII, а в 1954 г. ратифицировал. В 1996 году с принятием Уголовного кодекса Российской Федерации (далее по тексту — УК РФ) геноцид был признан преступлением и помещен законодателем в ст. 357 гл. 34 раздела XII УК РФ. В соответствии со ст. 357 УК РФ геноцидом признаются «действия, направленные на полное или частичное уничтожение национальной, этнической, расовой или религиозной группы как таковой путем убийства членов этой группы, причинения тяжкого вреда их здоровью, насильственного воспрепятствования деторождению, принудительной передачи детей, насильственного переселения либо иного создания жизненных условий, рассчитанных на физическое уничтожение членов этой группы».

Если обратиться к определению геноцида в справочной и энциклопедической литературе, то можно увидеть, что не все источники однозначно определяют данный термин. Так, Н.М. Добрынин геноцид определяет как физическое истребление отдельных групп людей, объединенных в целые народы. В качестве мотивов такого истребления он указывает расовые, национальные или религиозные побуждения⁵. В.Е. Крутских и А.Я. Сухарев под геноцидом понимают преступление, которое посягает на средства и методы ведения войны, установленные обычаями и международным правом, а также на жизнь и здоровье людей, объединенных по национальному, этническому, расовому, религиозному признаку⁶. При этом вышеуказанные авторы отдельно отмечают, что геноцид также может проявляться в уничтожении культурной составляю-

⁴ Lemkin, R. *Axis Rule in Occupied Europe: Laws of Occupation, Analysis of Government, Proposals for Redress*. Washington : Carnegie Endowment for International Peace, 1944. P. 79. URL: <http://www.academia.edu/5846019/> (дата обращения: 07.07.2019).

⁵ Добрынин Н.М. Универсальный энциклопедический словарь для всех и каждого. Современная версия новейшей истории государства / Н.М. Добрынин. Новосибирск : Наука, 2012. С. 96.

⁶ Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева, В.Е. Крутских. 2-е изд., перераб. и доп. М. : ИНФРА-М, 2000. С. 492.

щей общности людей (например, языка как средства коммуникации, религии, мест получения образования и др.)⁷. Оба вышеуказанных варианта определения представляются неправильными, так как само слово «геноцид», исходя из значения составляющих слов *genos* и *caedo*, предполагает лишь физическое уничтожение рода. При этом, как указывает профессор А.Д. Вейсман, *genos* в переводе с греческого определяется как род, происхождение человека, или быть родом из той области, происходить от того предка⁸. С.И. Ожегов и Н.Ю. Шведова отдельно указывают на «биологические» признаки рода, отмечая, что род — это базовая ячейка первобытного общества, которая соединена кровным родством, несколько поколений людей, которые берут свое начало от одного предка⁹. Исходя из этого, расширительное толкование геноцида путем включения в него культурной составляющей (религии, библиотек, музеев, памятников истории) представляется неверным, потому что в этом случае термин «геноцид» имеет «слишком широкое» описание, которое не соответствует самому термину, что нарушает принципы законодательной техники. В этой связи представляется верным под геноцидом понимать умышленные действия, направленные на полное или частичное физическое уничтожение родовой общности людей как таковой.

Помимо вышеуказанного, «определение» геноцида являлось предметом нескольких диссертационных исследований. Так, В.М. Вартамян исследовал историко-теоретические, сравнительно-правовые аспекты геноцида,

с акцентом на уголовном законодательстве РФ¹⁰. При этом он не предложил авторского определения геноцида, несмотря на то, что в исследовании большое внимание уделяется понятию геноцида и его исторической эволюции. В исследовании Г.Л. Москалева, который рассматривал геноцид с позиций российского уголовного права, проблем регламентации и квалификации данного преступления, также не дается авторского подхода к определению геноцида¹¹. Только В.В. Аванесян в своем исследовании дает авторское определение геноцида, закладывая в него собственные критерии. Так, он указывает, что геноцид заключается в умышленных действиях, в результате которых полностью или частично физически уничтожена группа людей либо создана угроза такого уничтожения¹². В качестве главного признака определения общности людей в группе выступает общественно значимый критерий; важным является также и то, что виновный должен заведомо воспринимать группу людей, объединенную общественно значимым критерием, как таковую. При этом наличие данного критерия будут подтверждать такие характеристики, как численность такой группы людей, ее устойчивость, время существования, какая-либо важная роль¹³. С данным определением нельзя согласиться, так как невозможно на основе указанного критерия даже при наличии обозначенных характеристик определить родовую общность людей, а следовательно, и наличие геноцида. Этих характеристик недостаточно.

⁷ Там же.

⁸ Вейсман А.Д. Греческо-русский словарь. Репринт V-го издания 1899 года. Москва: Греко-лат. кабинет Ю.А. Шичалина, 2006. С. 267.

⁹ Ожегов С.И. Словарь русского языка : ок. 57 000 слов / под ред. чл.-корр. АН СССР Н.Ю. Шведовой. 20-е изд., стер. М.: Рус. яз., 1989. С. 556.

¹⁰ Вартамян В.М. Уголовная ответственность за геноцид : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2000. С. 4–5.

¹¹ Москалев Г.Л. Геноцид (ст. 357 УК РФ): проблемы уголовно-правовой регламентации и квалификации : дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2016. С. 18–19.

¹² Аванесян В.В. Геноцид: криминологическое исследование : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 141.

¹³ Там же.

Также на проблему отсутствия единых подходов к определению геноцида указывают историко-правовые исследования в области геноцида. В результате анализа научной литературы, связанной с геноцидом, была выявлена особенность, что понятие многими учеными применяется к историческим фактам, существовавшим до принятия Конвенции ООН 1948 г., т.е. они с точки зрения уголовного права отождествляют данные деяния с преступлением. Однако эти деяния юридически не несут в себе преступления геноцида.

Так, например, Е.Г. Бурячкова, с мнением которой нельзя согласиться, в своей статье отмечает, что человечество знает немалое число примеров, которые являются геноцидом¹⁴. Далее она акцентирует внимание на двух примерах преступления геноцида в истории — уничтожение катаров во Франции в XIII в. и физическое уничтожение коренных народов Намибии¹⁵. При этом автор не указывает, что приводимые примеры в полном смысле не являются геноцидом, а представляют собой прообразы того преступления, что в будущем будет обозначено как геноцид.

Другой пример: Н.М. Мламян, с мнением которой также нельзя согласиться, в своей работе указывает, что геноцид, как показывает история человечества, явление не новое. Однако новые, не менее яркие примеры геноцида вспыхнули в начале XX в., к примеру геноциду подверглось армянское население Турции¹⁶. При этом автор также активно пользуется термином «геноцид», не отмечая, что в уголовно-правовом смысле ука-

занные преступления не были геноцидом, а служили лишь его прообразом.

При этом следует подчеркнуть, что имеются примеры более точного употребления понятия «геноцид» применительно к конкретным историческим событиям. Так, В.Г. Беспалько, с мнением которого следует согласиться, указывает, что пользоваться термином «геноцид» в применении к событиям, связанным с Великим потопом, который Бог наслал на людей в качестве наказания, что описывается в Книге Бытия, нельзя. В этой связи, как отмечает автор, можно говорить лишь о прообразе геноцида¹⁷.

Очевидно, что практика отождествления исторических событий, произошедших до принятия Конвенции ООН 1948 г., с геноцидом является ошибочной и пагубной для науки, поскольку ученые, пытающиеся таким образом явлениям, не являющимся геноцидом, придать статус преступления, искажают существующую действительность.

Для того чтобы признать конкретное деяние преступлением, необходимы основания. Преступление как таковое не может существовать без уголовно-правового правоотношения (которое в уголовном праве отождествляется с уголовной ответственностью)¹⁸. Для того чтобы говорить о наличии преступления, необходимо наличие начавшегося уголовного правоотношения, потому что если нет уголовного правоотношения, то нет и совершенного преступления. Более того, если обратиться к понятию уголовно-правового правоотношения — одному из центральных в уголовном праве, то видно, что такое правоотношение возникает только тогда, как указывал профессор

¹⁴ Бурячкова Е.Г. Геноцид: исторические аспекты // Инновационные технологии в науке и образовании. 2015. № 1. С. 22. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24916462> (дата обращения: 02.08.2019).

¹⁵ Там же.

¹⁶ Мламян Н.М. Геноцид как преступление против человечества // Российский следователь. 2016. № 17. С. 31. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26638695> (дата обращения: 02.08.2019).

¹⁷ Беспалько В.Г. Геноцид и его прообразы в Пятикнижии Моисея // Публичное и частное право. 2011. № 4. С. 67. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17725416> (дата обращения: 10.07.2019).

¹⁸ Уголовное право. Общая часть : учебник / отв. ред. И.Я. Козаченко. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2008. С. 131.

Ю.М. Ткачевский¹⁹, когда есть вступивший в силу приговор суда. Эта позиция согласуется и с требованиями ст. 11 Всеобщей декларации прав человека 1948 г., которая гласит, что «каждый человек, обвиняемый в совершении преступления, имеет право считаться невиновным до тех пор, пока его виновность не будет установлена законным порядком — путем гласного судебного разбирательства, при котором ему обеспечиваются все возможности для защиты». Данное положение Всеобщей декларации прав человека 1948 г. корреспондируется и в ст. 49 Конституции Российской Федерации, принятой на всенародном референдуме 12 декабря 1993 г., а в дальнейшем развивается в ч. 1 ст. 5 УК РФ и ч. 2 ст. 8 УПК РФ.

На необходимость другого основания — нормативного указывает Г.А. Москалев, с мнением которого следует частично согласиться: «Геноцид является преступлением, а, следовательно, одним из необходимых условий для того, чтобы назвать деяние геноцидом, выступает соблюдение общепризнанного принципа уголовного права — нет преступления без указания о том в законе (лат. *nullum crimen sine lege*)»²⁰. Здесь следует особо отметить, что одного только нормативного основания недостаточно, здесь необходимо, как отмечалось выше, начавшееся уголовное правоотношение. Иначе любые деяния станут возможно безосновательно отождествить с преступлением, пусть даже

признаки, содержащиеся в этих деяниях, закреплены на нормативном уровне.

Исходя из вышесказанного, под геноцидом следует понимать умышленные действия, направленные на полное или частичное физическое уничтожение родовой общности людей как таковой. При этом нельзя отрицать необходимость защиты культурной составляющей родовой общности людей, однако это будут уже иные общественные отношения, не вписывающиеся в определение геноцида. Также для того, чтобы устранить существующую неопределенность правильного определения геноцида, необходимо выработать наиболее общее понятие, которое включало бы в себя посягательство и на родовую общность людей как таковую, и на культурную составляющую этой общности. Помимо этого, следует указать, что невозможно именовать геноцидом исторические факты, существовавшие до принятия Конвенции ООН 1948 г. Однако в этих фактах имеются отдельные признаки того явления, которое в 1948 г. получит нормативное закрепление, — геноцида, и не исследовать их, например в рамках историко-правового исследования, было бы кощунственно по отношению к науке, поскольку, если бы не было этих фактов, человечество не пришло бы к осознанию общественной опасности геноцида и его вреда для всего человечества. Здесь же следует указать, что на данном этапе не заканчивается исследование понятия геноцида, поскольку еще имеются не изученные до конца аспекты вышеуказанного явления, рассмотрение которых позволит более полно определить геноцид как понятие.

¹⁹ Привод. по: Уголовное право Российской Федерации. Общая часть : учебник для вузов / под ред. В.С. Комиссарова, Н.Е. Крыловой, И.М. Тяжковой. М. : Статут, 2012. С. 157.

²⁰ Москалев Г.А. Указ. соч. С. 18–19.

Литература

1. Аванесян В.В. Геноцид: криминологическое исследование : диссертация кандидата юридических наук / В.В. Аванесян. Москва, 2010. 235 с.
2. Беспалько В.Г. Геноцид и его прообразы в Пятикнижии Моисея / В.Г. Беспалько // Публичное и частное право. 2011. № 4. С. 66–75.
3. Большой юридический словарь / под редакцией А.Я. Сухарева, В.Е. Крутских. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : ИНФРА-М, 2000. 704 с.

4. Бурячкова Е.Г. Геноцид: исторические аспекты / Е.Г. Бурячкова // Инновационные технологии в науке и образовании. 2015. № 1 (1). С. 22–23.
5. Вартанян В.М. Уголовная ответственность за геноцид : автореферат диссертации кандидата юридических наук / В.М. Вартанян. Ставрополь, 2000. 27 с.
6. Вейсман А.Д. Греческо-русский словарь / А.Д. Вейсман. Репринт V-го изд. 1899 года. Москва : Греко-лат. кабинет Ю.А. Шичалина, 2006. 685 с.
7. Добрынин Н.М. Универсальный энциклопедический словарь для всех и каждого. Современная версия новейшей истории государства / Н.М. Добрынин. Новосибирск : Наука, 2012. 606 с.
8. Мламян Н.М. Геноцид как преступление против человечества / Н.М. Мламян // Российский следователь. 2016. № 17. С. 31–35.
9. Москалев Г.Л. Геноцид (ст. 357 УК РФ): проблемы уголовно-правовой регламентации и квалификации : диссертация кандидата юридических наук / Г.Л. Москалев. Санкт-Петербург, 2016. 221 с.
10. Ожегов С.И. Словарь русского языка : около 57 000 слов / С.И. Ожегов ; под редакцией Н.Ю. Шведовой. 20-е изд., стер. Москва : Русский язык, 1989. 750 с.
11. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть : учебник для вузов / под редакцией В.С. Комиссарова, Н.Е. Крыловой, И.М. Тяжковой. Москва : Статут, 2012. 879 с.
12. Уголовное право. Общая часть : учебник / ответственный редактор И.Я. Козаченко. 4-е изд., перераб. и доп. Москва : Норма, 2008. 720 с.
13. Фочкин О. К трибуналу все готово / О. Фочкин // Известия. 2017. 17 февраля.
14. Lemkin, R. Axis Rule in Occupied Europe: Laws of Occupation, Analysis of Government, Proposals for Redress / R. Lemkin. Washington : Carnegie Endowment for International Peace, 1944. 674 p.

References

1. Avanesyan V.V. Genotsid: kriminologicheskoe issledovanie : dissertatsiya kandidata yuridicheskikh nauk [Genocide: Criminological Research : thesis of PhD (Law)] / V.V. Avanesyan. Moskva — Moscow, 2010. 235 s.
2. Bepalko V.G. Genotsid i ego proobrazy` v Pyatiknizhii Moiseya [Genocide and Its Prototypes in the Torah] / V.G. Bepalko // Publichnoe i chastnoe pravo — Public and Private Law. 2011. № 4. S. 66–75.
3. Bolshoy yuridicheskiy slovar [A Large Dictionary of Law] / pod redaktsiyey A.Ya. Sukhareva, V.E. Krutskikh. 2-e izd., pererab. i dop. Moskva : INFRA-M — edited by A.Ya. Sukharev, V.E. Krutskikh. 2nd edition, revised and enlarged. Moscow : INFRA-M, 2000. 704 s.
4. Buryachkova E.G. Genotsid: istoricheskie aspekty` [Genocide: Historical Aspects] / E.G. Buryachkova // Innovatsionny`e tekhnologii v nauke i obrazovanii — Innovative Technologies in Science and Education. 2015. № 1 (1). S. 22–23.
5. Vartanyan V.M. Ugolovnaya otvetstvennost za genotsid : avtoreferat dissertatsii kandidata yuridicheskikh nauk [The Criminal Liability for Genocide : author's abstract of thesis of PhD (Law)] / V.M. Vartanyan. Stavropol — Stavropol, 2000. 27 s.
6. Veysman A.D. Grechesko-russkiy slovar [A Greek-Latin Dictionary] / A.D. Veysman. Reprint V-go izd. 1899 goda. Moskva : Greko-lat. kabinet Yu.A. Shichalina — Reprint of the Vth edition of 1899. Moscow : Yu.A. Shichalin's Greek-Latin Office, 2006. 685 s.
7. Dobrynin N.M. Universalny` y entsiklopedicheskiy slovar dlya vsexh i kazhdogo. Sovremennaya versiya noveyshey istorii gosudarstva [A Universal Encyclopedic Dictionary for Everyone. The Modern Version of the Contemporary History of the State] / N.M. Dobrynin. Novosibirsk : Nauka — Novosibirsk : Science, 2012. 606 s.
8. Mlamyan N.M. Genotsid kak prestuplenie protiv chelovechestva [Genocide as a Crime against the Humanity] / N.M. Mlamyan // Rossiyskiy sledovatel — Russian Investigator. 2016. № 17. S. 31–35.
9. Moskalev G.L. Genotsid (st. 357 UK RF): problemy` ugovolno-pravovoy reglamentatsii i kvalifikatsii : dissertatsiya kandidata yuridicheskikh nauk [Genocide (Article 357 of the Criminal Code of the Russian Federation): Issues of Criminal Law Regulation and Qualification : thesis of PhD (Law)] / G.L. Moskalev. Sankt-Peterburg — Saint Petersburg, 2016. 221 s.
10. Ozhegov S.I. Slovar russkogo yazy`ka : okolo 57 000 slov [A Dictionary of the Russian Language : about 57,000 words] / S.I. Ozhegov ; pod redaktsiyey N.Yu. Shvedovoy. 20-e izd., ster. Moskva : Russkiy yazy`k — edited by N.Yu. Shvedovoy. 20th edition, stereotyped. Moscow : Russian Language, 1989. 750 s.
11. Ugolovnoe pravo Rossiyskoy Federatsii. Obschaya chast : uchebnik dlya vuzov [The Criminal Law of the Russian Federation. The General Part : textbook for higher educational institutions] / pod redaktsiyey V.S. Komissarova, N.E. Kry`lovoy, I.M. Tyazhkovoy. Moskva : Statut — edited by V.S. Komissarov, N.E. Krylova, I.M. Tyazhkova. Moscow : Statute, 2012. 879 s.
12. Ugolovnoe pravo. Obschaya chast : uchebnik [Criminal Law. The General Part : textbook] / otvetstvenny`y redaktor I.Ya. Kozachenko. 4-e izd., pererab. i dop. Moskva : Norma — publishing editor I.Ya. Kozachenko. 4th edition, revised and enlarged. Moscow : Norm, 2008. 720 s.
13. Fochkin O. K tribunalu vse gotovo [Everything Is Ready for the Tribunal] / O. Fochkin // Izvestiya. 2017. 17 fevralya — News. 2017. February 17.
14. Lemkin, R. Axis Rule in Occupied Europe: Laws of Occupation, Analysis of Government, Proposals for Redress / R. Lemkin. Washington : Carnegie Endowment for International Peace, 1944. 674 s.

Исторические корни судебного штрафа в России

*Михайлов Дмитрий Олегович,
преподаватель кафедры уголовного права
Российского государственного университета
правосудия (РГУП) (Крымский филиал)
kafedra_up@krfrgup.ru*

В предлагаемой к ознакомлению статье автор, используя историческую и сравнительно-правовую методы, пытается отыскать схожие по правовой природе с судебным штрафом механизмы освобождения от уголовной ответственности. Автор делает вывод, что судебный штраф в действующем уголовном праве находит большее отражение в истории уголовного права как механизм внесудебного (административно-правового) разрешения уголовно-правового спора. Автор также делает вывод, что использование опыта СССР (статья 50.1 Уголовного кодекса РСФСР) для обоснования введения нормы о судебном штрафе в действующее уголовное законодательство является спорным и дискуссионным подходом. Предлагается авторская классификация схожих с судебным штрафом механизмов, имевших место в истории уголовного права России.

Ключевые слова: судебный штраф, история уголовного права, судебные карательные приказы, передача на поруки, виды уголовной ответственности, дисциплинарная власть.

Historical Roots of a Court Fine in Russia

*Mikhaylov Dmitriy O.
Lecturer of the Department of Criminal Law of the Russian State University of Justice (RSUJ) (Crimean Branch)*

In the article proposed for familiarization, the author, using the historical and comparative legal method, tries to find mechanisms of exemption from criminal liability that are similar in legal nature to a judicial fine. The author concludes that the judicial fine in current criminal law more reflected in the history of criminal law as a mechanism for extrajudicial (administrative-legal) resolution of a criminal law dispute. The author also concludes that using the experience of the USSR (Article 50.1 of the Criminal Code of the RSFSR) to substantiate the introduction of the norm on a judicial fine in the existing criminal legislation is a controversial and debatable approach. The author suggests the classification of mechanisms similar to the court fines that took place in the history of Russian criminal law.

Keywords: judicial fine, history of criminal law, judicial punitive orders, transmission on bail, types of criminal liability, disciplinary authority.

Появление в 2016 г. судебного штрафа как нового основания для освобождения от уголовной ответственности было встречено научными кругами весьма настороженно. Стоит отметить, что в действующем виде судебный штраф является неким компромиссом, выработанным к третьему чтению законопроекта № 953369-6¹, так

как первоначальная редакция проекта федерального закона предполагала более широкий перечень мер, которые могли бы применяться в качестве детализации основания освобождения от уголовной ответственности в виде «применения иных мер уголовного-правового характера» (ст. 76.2 в редакции проекта).

Среди обоснований же возможности введения в структуру уголовного закона описанной выше нормы приводился аргумент, связанный с опытом СССР в части механизма освобождения от уголовной ответственности с привлечением к административ-

¹ Проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности». URL: [http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/\(Spravka\)?OpenAgent&RN=953369-6](http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/(Spravka)?OpenAgent&RN=953369-6)

ной². Вызывает удивление ссылка законодателя на указанный прецедент, так как еще в рамках решения Комитета конституционного надзора от 13 сентября 1990 г. № 2-8 он был признан недопустимым, потому что применение мер административной ответственности за деяния, хотя и не представляющие большой общественной опасности, но описанные в уголовном законодательстве и презюмируемые как преступления, является нарушением презумпции невиновности и положений Конституции СССР (ст. 160)³. Еще ранее на эту проблему указывала С.Г. Келина, определяя механизм замены уголовной ответственности иной другой ответственностью как негативный, вызывающий необоснованное смешение отраслей права и, как следствие, нарушение прав участников производства⁴.

Появление же судебного штрафа в действующем уголовном законодательстве, по нашему мнению, вызвало к жизни дискуссию по указанным выше основаниям смешения, но уже не отдельных видов ответственности, а самостоятельных институтов уголовного права — наказания и иных мер уголовно-правового характера. Представляется, что одним из путей в выработке аргументов как pro, так и contra судебного штрафа⁵

² См. подр.: Звечаровский И.Э. О юридической природе судебного штрафа (ст. 76.2, 104.4 УК РФ) // Уголовное право. 2016. № 6. С. 98–101.

³ Заключение Комитета конституционного надзора от 13 сентября 1990 г. № 2-8 «О несответствии норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства, определяющих основания и порядок освобождения от уголовной ответственности с применением мер административного взыскания или общественного воздействия, Конституции СССР и международным актам о правах человека» // Вестник Верховного Суда СССР. 1991. № 1. С. 45–46.

⁴ Келина С.Г. Меры ответственности, предусмотренные законодательством, и основания их применения // Государство и право. 1982. № 5. С. 100–108.

⁵ А в условиях реформы о так называемом «уголовном проступке», инициированной

является путь исторического познания правового явления.

Было бы лукавством утверждать, что в отечественной истории не было попыток поиска механизма, который бы не только обеспечил экономию средств судебно-следственного аппарата, позволяя направлять высвободившиеся силы на сложные уголовные дела, но и снизил репрессивную роль государства при разрешении уголовно-правового конфликта.

Традиционно, описывая механизм, схожий с механизмом судебного штрафа, приводят в качестве такого примера статью Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями 1864 г.⁶, где отмечалась возможность не привлекать к суду и последующему наказанию лиц, возместивших убыток потерпевшей стороне. Другим хрестоматийным примером является деятельность института земских начальников, опиравшаяся на два акта:

— Положение о земских участковых начальниках от 12 июля 1889 г.⁷;

— Правила о производстве судебных дел, подведомственных земским начальникам и городским судьям от 29 декабря 1889 г.⁸.

В статье 171 правил описывался интересный механизм, который прекращал уже начатое производство по делу и препятствовал возбуждению нового, если лицо, совершившее проступок, имевший наказанием только денежное взыскание, соглашалось уплатить высший размер такого взыскания или в адрес потерпевшей стороны, или в адрес

Верховным Судом РФ в конце 2018 г., этот вопрос встанет еще жестче, так как уже иные меры уголовно-правового характера будут применяться за совершенный уголовный проступок, составляя тем самым конкуренцию наказанию в классическом его понимании.

⁶ Ст. 20 по изд.: Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями : Извлечено из Судебного Устава 20-го ноября 1864 года. СПб. : Тип. Т-ва «Обществ. польза», 1867. 45 с.

⁷ ПСЗ РИ. Собрание 3. Т. 9. № 6196.

⁸ ПСЗ РИ. Собрание 3. Т. 9. № 6483.

земского начальника или городского судьи⁹.

При разработке нового Уголовного уложения 1903 г. редакционная комиссия предлагала использовать иностранный опыт, заключавшийся в следующем: если лицо совершает преступление, предусматривающее наказание исключительно в виде денежной пени, то начатое дело подлежит прекращению или не возбуждается при условии, что лицо согласно выплатить «высший размер денежного взыскания», а также оплатить судебные издержки. Причем выплата должна была происходить как в пользу потерпевшей стороны, так и государства¹⁰.

В отличие от механизма Правил 1889 г., проект Уголовного уложения 1903 г. предполагал выплату необходимой суммы дважды, тогда как Правила 1889 г. устанавливали адресата выплаты в зависимости от стадии производства по делу.

Еще ранее в законодательных актах Российской империи мы можем найти примеры замены одного вида ответственности другим. Примером может служить как церковное законодательство допетровского времени, установившего церковную ответственность за совершение «классических» преступлений, так и законодательство послепетровского времени. Так, Указ Павла I «О наказывании людей грекороссийского исповедания за уклонение от исповеди и Святого причастия вместо денежного штрафа церковным покаянием»¹¹ наглядно иллюстрирует, что государство за совершение уголовно наказу-

емого деяния передает вопрос разрешения спора из плоскости светской в плоскость духовную, т.е. фактически отказывается от государственной репрессии в данном случае.

Еще одним примером, который, на наш взгляд, свидетельствует о наличии института, схожего с судебным штрафом в действующем уголовном законодательстве России, является механизм военно-уголовного законодательства. Так, ст. 75 Воинского устава о наказаниях¹² устанавливала возможность трансформации наказания за конкретное преступление в форму вычета из жалования. Условием применения такого механизма была невозможность уплаты виновным вознаграждения за причиненные вред или убытки.

Возвращаясь к периоду СССР, отметим, что до 50–60-х гг. XX в. в доктрине уголовного права вопросы возможности освобождения от уголовной ответственности освещались весьма мало¹³. Представляется, что коренной перелом произошел именно после XX съезда КПСС¹⁴, когда признаются так называемые «перегибы» в области уголовной юстиции и требуется поиск нового вектора развития уголовного законодательства, отличного от практики периода нарушения социалистической

⁹ Подробнее см.: Головки А.В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. СПб., 2002. С. 380–383. Он определяет такой механизм как «дореволюционная трансакция». См. также: Лазаренко А.Н. Прекращение уголовных дел в мировых судах // Журнал Министерства Юстиции. Петроград, 1916. № 10 (Декабрь). С. 41–82.

¹⁰ Уголовное уложение. Объяснения к проекту Редакционной комиссии. Том I. Глава первая. СПб., 1895. С. 614–618.

¹¹ ПСЗ РИ. Собрание 1. Т. 26. № 19743.

¹² Воинский устав о наказаниях. СПб., 1868. С. 23.

¹³ Исключения могут составить следующие работы: Эстрин А.Я. О вине и уголовной ответственности в советском праве // Советское государство. М., 1935. № 1–2. С. 108–125; Разумовский И.П. Детерминизм и ответственность в уголовном праве // Революция права. М., 1929. № 6 (ноябрь — декабрь). С. 83–105; Жижиленко А.А. О границе между уголовной и дисциплинарной неправдой по Уголовному Кодексу 1922 г. // Право и Жизнь. М., 1925. Кн. 1. С. 50–58; Кн. 2–3. С. 60–68; Полянский Н.Н. К учению об ответственности (Книга Р. Fauconnet. La responsabilite, 1920 г.) // Право и Жизнь. М., 1924. Кн. 9. С. 36–42.

¹⁴ Текст Н.С. Хрущева о «Культе личности» от 25.02.1956 г. // Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 128–171.

законности¹⁵. Происходит возврат к теории участия общества в предупреждении преступлений, что обнаруживается в появлении механизмов освобождения от уголовной ответственности с передачей дела в товарищеский суд (ст. 51 УК РСФСР) и освобождения от уголовной ответственности с передачей виновного на поруки (ст. 52 УК РСФСР)¹⁶.

¹⁵ См.: Арямов А.А. «Сталинский» уголовный кодекс, или Реальное состояние отечественного уголовного законодательства на 1952 г. М., 2014. 152 с.

¹⁶ Еще ранее в рамках Указа Президиума Верховного Совета СССР от 14 августа 1959 г. «О рассмотрении дел на лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы за менее опасные преступления» специально учреждаемым комиссиям было предоставлено право

На основании изложенного, как нам кажется, может быть приведена следующая классификация механизмов, схожих по духу с действующим механизмом судебного штрафа, имевших место в истории уголовного права России:

— меры, сопряженные с материально-компенсационной составляющей;

— меры, сопряженные с мерой духовной;

— меры, сопряженные с мерой общественно-этической;

— меры, сопряженные с ответственностью в рамках иной отрасли права.

по указанным категориям преступлений освобождать осужденных с последующей передачей их на поруки общественным организациям или коллективам трудящихся.

Литература

1. «Сталинский» уголовный кодекс, или Реальное состояние отечественного уголовного законодательства на 1952 г. / автор-составитель А.А. Арямов. Москва : Юрлитинформ, 2014. 152 с.
2. Головкин Л.В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве / Л.В. Головкин. Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2002. 542 с.
3. Жижиленко А.А. О границе между уголовной и дисциплинарной неправдой по Уголовному Кодексу 1922 г. / А.А. Жижиленко // Право и Жизнь. 1925. Книга 1. С. 50–58.
4. Жижиленко А.А. О границе между уголовной и дисциплинарной неправдой по Уголовному Кодексу 1922 г. / А.А. Жижиленко // Право и Жизнь. 1925. Книги 2–3. С. 60–68.
5. Звечаровский И.Э. О юридической природе судебного штрафа (ст. 76.2, 104.4 УК РФ) / И.Э. Звечаровский // Уголовное право. 2016. № 6. С. 98–101.
6. Келина С.Г. Меры ответственности, предусмотренные законодательством, и основания их применения / С.Г. Келина // Государство и право. 1982. № 5. С. 100–108.
7. Лазаренко А.Н. Прекращение уголовных дел в мировых судах / А.Н. Лазаренко // Журнал Министерства Юстиции. 1916. № 10. Декабрь. С. 41–82.
8. Полянский Н.Н. К учению об ответственности (Книга Р. Fauconnet. La responsabilite, 1920 г.) / Н.Н. Полянский // Право и Жизнь. 1924. Книга 9. С. 36–42.
9. Разумовский И.П. Детерминизм и ответственность в уголовном праве / И.П. Разумовский // Революция права. 1929. № 6 (ноябрь — декабрь). С. 83–105.
10. Текст Н.С. Хрущева о «Культе личности» от 25.02.1956 г. // Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 128–171.
11. Эстрин А.Я. О вине и уголовной ответственности в советском праве / А. Эстрин // Советское государство. 1935. № 1–2. С. 108–125.

References

1. 'Stalinskiy' ugovolnyy kodeks, ili Realnoe sostoyanie otechestvennogo ugovolnogo zakonodatelstva na 1952 g. [The 'Stalin' Criminal Code or the Actual Status of the Russian Criminal Laws as of 1952] / avtor-sostavitel A.A. Aryamov. Moskva : Yurlitinform — compiled by A.A. Aryamov. Moscow : Urlitinform, 2014. 152 s.
2. Golovko L.V. Alternativy` ugovolnomu presledovaniyu v sovremennom prave [Alternatives to Criminal Prosecution in Modern Law] / L.V. Golovko. Sankt-Peterburg : Yuridicheskiy tsentr Press — Saint Petersburg : Legal Center Press, 2002. 542 s.
3. Zhizhilenko A.A. O granitse mezhd ugovolnoy i distsiplinarnoy nepravdoy po Ugovolnomu Kodeksu 1922 g. [On the Border between Criminal and Disciplinary Lie under the Criminal Code of 1922] / A.A. Zhizhilenko // Pravo i Zhizn. 1925. Kniga 1 — Law and Life. 1925. Book 1. S. 50–58.
4. Zhizhilenko A.A. O granitse mezhd ugovolnoy i distsiplinarnoy nepravdoy po Ugovolnomu Kodeksu 1922 g. [On the Border between Criminal and Disciplinary Lie under the Criminal Code of 1922] / A.A. Zhizhilenko // Pravo i Zhizn. 1925. Knigi 2–3 — Law and Life. 1925. Books 2 to 3. S. 60–68.

5. Zvecharovskiy I.E. O yuridicheskoy prirode sudebnogo shtrafa (st. 76.2, 104.4 UK RF) [On the Legal Nature of a Court Fine (Articles 76.2, 104.4 of the Criminal Code of the Russian Federation)] / I.E. Zvecharovskiy // Uголовное право — Criminal Law. 2016. № 6. S. 98–101.
6. Kelina S.G. Mery` otvetstvennosti, predusmotrenny`e zakonodatelstvom, i osnovaniya ikh primeneniya [Measures of Liability Stipulated by Law and Grounds for Their Application] / S.G. Kelina // Gosudarstvo i pravo — State and Law. 1982. № 5. S. 100–108.
7. Lazarenko A.N. Prekraschenie ugovolny`kh del v mirovy`kh sudakh [Termination of Criminal Cases at the Justice of the Peace Courts] / A.N. Lazarenko // Zhurnal Ministerstva Yustitsii. 1916. № 10. Dekabr — Journal of the Ministry of Justice. 1916. No. 10. December. S. 41–82.
8. Polyanskiy N.N. K ucheniyu ob otvetstvennosti (Kniga P. Fauconnet. La responsabilite, 1920 g.) [On the Liability Doctrine (P. Fauconnet. La responsabilite, 1920)] / N.N. Polyanskiy // Pravo i Zhizn. 1924. Kniga 9 — Law and Life. 1924. Book 9. S. 36–42.
9. Razumovskiy I.P. Determinizm i otvetstvennost v ugovolnom prave [Determinism and Liability in Criminal Law] / I.P. Razumovskiy // Revolyutsiya prava. 1929. № 6 (noyabr — dekabr) — Revolution of Law. 1929. No. 6 (November — December). S. 83–105.
10. Tekst N.S. Khrushcheva o 'Kulte lichnosti' ot 25.02.1956 g. [The Text by N.S. Khrushchev on the 'Personality Cult' of February 25, 1956] // Izvestiya TsK KPSS — News of the Central Committee of the Communist Party of the USSR. 1989. № 3. S. 128–171.
11. Estrin A.Ya. O vine i ugovolnoy otvetstvennosti v sovetskom prave [On Guilt and Criminal Liability in the Soviet Law] / A. Estrin // Sovetskoe gosudarstvo — Soviet State. 1935. № 1–2. S. 108–125.

**Издательская группа «Юрист» продолжает подписку на комплект
«Библиотека юридического вуза» на второе полугодие 2019 года**

Уважаемые читатели!

Предлагаем вам оформить подписку на комплект «Библиотека юридического вуза».

В комплект входят следующие издания:

- Арбитражный и гражданский процесс
- Гражданское право
- Информационное право
- История государства и права
- Конституционное и муниципальное право
- Международное публичное и частное право
- Семейное и жилищное право
- Трудовое право в России и за рубежом
- Финансовое право
- Юридическое образование и наука
- Юрист

С условиями подписки рекомендуем ознакомиться на сайте ИГ «Юрист»: www.lawinfo.ru в разделе «Подписка».

Наш адрес:

115035, г. Москва, Космодамианская набережная, д. 26/55, стр. 7.

Телефон: 8(495) 617-18-88.

E-mail: podpiska@lawinfo.ru

DOI: 10.18572/1812-3805-2019-9-31-36

Историческая ретроспектива становления и развития мировой юстиции в России

Хатуаева Виктория Владимировна,
заведующая кафедрой уголовно-процессуального права
Центрального филиала
Российского государственного университета правосудия,
доктор юридических наук, доцент
vkhatuaeva@yandex.ru

Мировая юстиция в России прошла длительный и непростой период становления и развития. Его нельзя назвать эволюционным, поскольку на протяжении многих десятилетий после смены государственного и общественного строя в России в 1917 году рассматриваемый институт не был восстановлен. Современное реформирование судебной системы основной направленностью имеет повышение эффективности осуществления правосудия, обеспечение права каждого гражданина на судебную защиту, гарантированное на конституционном уровне. В этой связи естественным представляется восстановление мировой юстиции как наиболее приближенного к населению звена судебной системы, формирование которого осуществляется демократическим путем, а судопроизводство имеет ускоренный (упрощенный) характер, позволяющий минимизировать материальные, временные и иные затраты. Историко-правовой анализ становления и развития мировой юстиции позволяет не только проанализировать эволюцию ее содержания, но и критически осмыслить современное российское законодательство, спрогнозировать тенденции его дальнейшего развития.

Ключевые слова: *судебная система, правосудие, мировой судья, подсудность, упрощение судопроизводства.*

The Historical Retrospect of the Establishment and Development of Lay Justice in Russia

Khatuaeva Viktoria V.
Head of the Department of Criminal Procedure Law of the Central Branch
of the Russian State University of Justice
LL.D., Associate Professor

World Justice in Russia has gone through a long and difficult period of formation and development. It cannot be called evolutionary, because for many decades after the change of state and social system in Russia in 1917, the institute in question was not in demand. Modern reform of the judicial system is the main focus of improving the efficiency of the implementation of justice, ensuring the right of every citizen to judicial protection guaranteed at the constitutional level. In this regard, it is natural to restore the world justice as the closest to the population to the judicial system, the formation of which is carried out democratically, and the judicial process has accelerated (simplified) to minimize material, time, and other costs. Historical and legal analysis of the formation and development of world justice allows not only to analyze the evolution of its content, but also to critically comprehend modern Russian legislation, to predict trends of its further development.

Keywords: *the judicial system, justice, justice of the peace, jurisdiction, simplification of the proceedings.*

Институт мировой юстиции относится к числу тех правовых институтов, становление и развитие которых происходило эпизодически, с наличием периодов реставрации и стагнации. В этой связи достаточно сложно определить четкие хронологические рамки его возникновения. В многочисленных специальных исследованиях предлагаются периоды, которые в значительной степени удалены друг от друга во времени, что делает такие периодизации до-

статочно условными. Приведем некоторые примеры.

Так, Г.А. Джаншиев утверждает, что первое упоминание о мировых судьях относится к 1826 г.¹, в то время как С.В. Лонская, на основе анализа трудов В.О. Ключевского, упоминавшего о создании «скорого и дешевого словесного

¹ См.: Джаншиев Г.А. Эпоха великих реформ. Т. 1. М.: Изд. дом «Территория будущего», 2008 (Серия «Университетская библиотека Александра Погорельского»). С. 450.

суда», приходит к выводу, что возникновение мировой юстиции следует отнести к периоду правления Екатерины II, а точнее — к 1767 г.² По справедливому замечанию Р.С. Абдулина, активные действия по созданию института мировой юстиции, равно как и его системное правовое регулирование, относятся ко времени масштабной судебной реформы 1864 г.³ Именно с этого периода можно проследить четкую датировку и определенные хронологические рамки, в которых происходили структурные и содержательные изменения статуса и компетенции мировых судей. В этой связи позволим себе акцентировать внимание на нескольких исторических этапах становления и развития мировой юстиции: 1) с 1864 по 1889 г.; 2) с 1889 по 1917 г.; 3) с 1917 г. по настоящее время.

1. Первый из обозначенных выше периодов связывается с принятием Судебных уставов 20 ноября 1864 г., в соответствии с которыми к окружным судам были приписаны мировые суды, наделяемые специальными полномочиями⁴. Анализ текста Судебных уставов позволяет утверждать, что мировой суд имел статус местного, позиционировался как низшая судебная инстанция, наделенная ограниченной юрисдикцией. Полномочия мировых судей характеризовались признаком территориальности и зависели от статуса лиц, в отношении которых они наделялись правом принятия решений, что рассматривалось как пережиток «сословного прошлого» и оце-

нивалось специалистами весьма критически⁵. Так, несмотря на то что мировой судья обязывался принимать меры к судебной защите прав граждан на всей территории мирового округа, он рассматривал уголовные дела только в пределах своего судебного участка, вынося приговоры и назначая наказание в отношении низших сословий. При этом к его подсудности относились дела о преступлениях небольшой тяжести, гражданские правонарушения с ценой иска до 500 руб. (впоследствии сумма иска была увеличена до 1500 руб.), а также административные дела о проступках⁶. Помимо судебной деятельности, в соответствии со ст. 564 Устава уголовного судопроизводства 1864 г.⁷, мировой судья выполнял некоторые обязанности в рамках предварительного расследования (например, отбирал у обвиняемых объяснения, составляя об этом протокол). На него также возлагались многочисленные административные и охранительные функции. При назначении наказания мировые судьи руководствовались общими правилами, предусмотренными ст. 1 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями⁸, и могли вынести замечание, выговор, денежное взыскание не свыше трехсот рублей, арест не свыше трех месяцев и тюремное заключение на срок не свыше одного года.

² См.: Лонская С.В. Мировой суд в России (1864–1917 гг.): историко-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. Калининград, 1998. С. 28.

³ См.: Абдулин Р.С. Зарождение и развитие института мировых судей в России // Мировой судья. 2014. № 5. С. 7.

⁴ Судебные уставы 20 ноября 1864 года с изложением рассуждений, на коих они основаны. Ч. 5. 2-е изд., доп. СПб. : Тип. Второго Отд. собств. е. и. в. канцелярии, 1867. URL: http://нэб.рф/catalog/000199_000009_003546284/viewer/?page=172 (дата обращения: 05.06.2019).

⁵ См., напр.: Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб. : Альфа, 1996. Т. 1. С. 347.

⁶ Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями: с дополнениями по 1 января 1879 г. : с прил. мотивов и извлечений из решений Уголовного кассационного департамента Сената / сост. Н.С. Таганцев. 2-е изд., перераб. и доп. С.-Петербург : Тип. М. Стасюлевича, 1879. URL: <https://www.prlib.ru/item/459972> (дата обращения: 05.06.2019).

⁷ Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 года // СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 07.10.2019).

⁸ Уложение о наказаниях уголовных и исполнительных 1885 года. URL: <http://static.my-shop.ru/product/pdf/129/1286406.pdf> (дата обращения: 07.06.2019).

Значимым в контексте общего реформирования судебной власти являлось повышение эффективности судопроизводства и, по возможности, сокращение его сроков. Предварительное расследование по уголовным делам, отнесенным к компетенции мирового судьи, осуществлялось в редуцированной форме, так как полиция ограничивалась производством неотложных следственных действий: осмотра, освидетельствования, допроса и обыска. При этом процессуальные документы, составленные в ходе расследования, могли быть положены в основу приговора мирового судьи.

2. Постепенно либеральные начала судебной реформы нивелировались многочисленными изменениями и дополнениями в законодательство, основной содержательной стороной которых являлось снижение уровня автономии и независимости судебной власти, ограничение ряда прав и свобод граждан, вовлеченных в орбиту уголовного судопроизводства, возвращение к административной системе управления. В специальной литературе названные действия получили название «контрреформирование»⁹. Применительно к институту мировой юстиции подобные мероприятия, связанные со сворачиванием деятельности мировых судей, начались после принятия 12 июля 1889 г. Положения о земских участковых начальниках¹⁰. В соответствии с п. 22, 47 названного докумен-

та упраздняются должности участковых мировых судей, избранных всесословными земствами, вместо которых вводятся должности земских начальников, назначаемых министром внутренних дел из числа местных помещиков, с возложением на них и судебных, и административных функций. Кроме того, земские начальники наделялись правом внесудебного наложения штрафа до 6 руб. и кратковременного (до трех суток) ареста крестьян (ст. 61 Положения о земских участковых начальниках), что расценивалось как тенденция возвращения к крепостным началам «всесторонней опеки» над данным сословием¹¹. Таким образом, можно констатировать, что с упразднением мировой юстиции принцип разделения административной и судебной властей практически перестал действовать.

Итоги проводимой контрреформы можно определить констатацией того факта, что «к началу 90-х годов в России не оставалось не подвергнутой коррекции практически ни одной из провозглашенных реформой 1864 г. принципиальной позиции»¹². Не изменила ситуации и попытка реставрации мировой юстиции, предпринятая в Законе от 26 июня 1913 г. «О преобразовании суда в сельских местностях», который в 20 губерниях предоставил право земским собраниям выбирать мировых судей. И только в период Временного правительства окончательно упраздняется институт земских начальников, изменяется состав и расширяются полномочия мирового суда.

Следует отметить, что революционное изменение политического и об-

⁹ См., напр.: Судебная реформа. Великие реформы 60-х гг. в их прошлом и настоящем / И.В. Гессен; под ред. : И.В. Гессен, А.И. Каминка. СПб. : П.П. Гершунин и... Ко, 1905. URL: <http://books.e-heritage.ru/book/10071942> (дата обращения: 08.06.2019); Виленский Б.В. Судебная реформа и контрреформа в России. Саратов : Приволж. кн. изд-во, 1969. С. 177.

¹⁰ Положение о земских участковых начальниках от 12 июля 1889 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. 9. № 6196. СПб., 1892. С. 510–524. URL: <http://музейреформ.рф/node/13678> (дата обращения: 08.06.2019).

¹¹ См.: Кизеветтер А.А. История России XIX века : курс, читанный в Московском университете в 1908–9 акад. г.: Ч. 1–2 / изд. под наблюдением С. Рожкова. М., 1909. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/14694-ch-2-1909#page/15/mode/inspect/zoom/4> (дата обращения: 09.06.2019).

¹² Абдулин Р.С. Судебное управление в период Временного правительства (февраль — октябрь 1917 года) // Законы России: опыт, анализ, практика. 2014. № 4. С. 70.

ществленного строя с неизбежностью повлекло за собой многовластие в различных сферах государственной власти, включая судебную. Окончание второго периода развития мировой юстиции связывается с принятием Декрета № 1 «О суде», который упразднил все ранее действующие суды, включая мировые, и стал отправной точкой построения судебной системы нового государства.

3. Возрождение мировой юстиции в России началось в 90-х гг. XX в. В Концепции судебной реформы¹³, принятой 4 октября 1991 г., впервые было упомянуто, что мировые суды — это суды первой инстанции, действующие единолично. По замыслу авторов документа мировые суды должны были строиться по принципу территориальности, т.е. быть максимально приближены к населению, что обеспечивало реализацию признанного на международном уровне принципа обеспечения гражданам доступа к правосудию (ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод)¹⁴. Кроме того, введение мировой юстиции со значительным кругом полномочий по рассмотрению гражданских, уголовных и административных дел должно было сократить значительную нагрузку федеральных судей и создать процессуальные условия для упрощения судопроизводства, а, следовательно, повышения его эффективности.

Мировая юстиция, правовые основы деятельности которой закреплены в Федеральном законе от 17 декабря 1998 г. № 188-ФЗ «О мировых судьях в Российской Федерации»¹⁵ (далее — Закон № 188), отличается от характери-

стик, заложенных в Концепции судебной реформы в РСФСР, тем не менее, по мнению большинства специалистов, стала удачным проектом в судебной реформе России¹⁶. Мировые судьи являются судьями общей юрисдикции субъектов Российской Федерации и входят в единую судебную систему Российской Федерации (ст. 1 Закона № 188), однако судебные участки и должности мировых судей создаются и упраздняются законами субъектов Российской Федерации (ч. 3 ст. 4 Закона № 188). Принцип территориальности и максимальной приближенности к населению был, на наш взгляд, достаточно успешно реализован, в то время как концепция специализации мировых судей законодательной поддержки не получила.

В настоящее время процесс развития мировой юстиции в Российской Федерации нельзя считать завершенным. Как свидетельствуют статистические данные, за период с 1998 г. и по настоящее время принято 18 федеральных законов, вносящих изменения в Закон № 188, постоянно корректируется количество судебных участков и, соответственно, число мировых судей, предусмотренное Федеральным законом от 29 декабря 1999 г. № 218-ФЗ «Об общем числе мировых судей и количестве судебных участков в субъектах Российской Федерации»¹⁷. По данным В.В. До-

№ 188-ФЗ (ред. от 05.04.2016) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.06.2019).

¹³ Концепция судебной реформы в РСФСР : утверждена Постановлением Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.06.2019).

¹⁴ Конвенция о защите прав человека и основных свобод : заключена в Риме 4 ноября 1950 г. (с изм. от 13.05.2004) // СЗ РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

¹⁵ О мировых судьях в Российской Федерации : Федеральный закон от 17 декабря 1998 г.

¹⁶ См., напр.: Организация и деятельность судов общей юрисдикции: новеллы и перспективы : монография / В.П. Кашепов, А.А. Гравина, О.В. Макарова [и др.] ; отв. ред. В.П. Кашепов. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации : Юридическая фирма КОНТРАКТ, 2016. С. 218.

¹⁷ Об общем числе мировых судей и количестве судебных участков в субъектах Российской Федерации : Федеральный закон от 29 декабря 1999 г. № 218-ФЗ (ред. от 05.04.2016) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.06.2019).

рошкова, «на 1 января 2012 г. из 31606 судей судов общей юрисдикции 7449 мировых судей, т.е. почти каждый четвертый из судей — мировой судья»¹⁸. Полагаем, что своего решения требует ряд организационно-правовых вопросов деятельности мировых судей, к числу которых можно отнести: отсутствие единой концепции развития мировой юстиции; наличие неопределенности правового статуса мирового судьи; терминологические неясности в соотношении понятий «мировой суд», «мировая юстиция», «мировой судья»; способ формирования корпуса мировых судей; отсутствие единых нормативов оптимального определения общего числа мировых судей и судебных участков на территории того или иного субъекта Федерации и т.д.

Таким образом, краткий ретроспективный анализ становления и развития мировой юстиции в России позволяет прийти к выводу о периодичности такового, что обусловлено не столько объективными факторами, определяющими вектор развития законодательства, сколько политическими и социально-экономическими преобразованиями государственной и об-

щественной жизни. В этой связи предлагается следующая периодизация:

— I (формообразующий) этап (с 1864 по 1889 г.) связан с созданием полноценной законодательной базы деятельности мировых судей. В результате Судебной реформы 1864 г. были определены правовой статус судебной власти в целом и мировых судей в частности, отграничена их территориальная подсудность, установлены системные принципы деятельности мировой юстиции, а также регламентирован порядок рассмотрения мировыми судьями гражданских и уголовных дел.

— II (реакционный) этап (с 1889 по 1917 г.) характеризуется постепенным упразднением института мировой юстиции как не востребовавшегося в новых политических и общественно-экономических условиях.

— III (восстановительный) этап (с 1998 г. по настоящее время), в ходе которого в рамках проводимой судебной реформы осуществляется построение мировой юстиции, отвечающей требованиям территориальной приближенности к населению, редуцирования форм рассмотрения гражданских, уголовных и административных дел по существу, имплементация примирительных процедур разрешения правовых конфликтов.

¹⁸ Дорошков В.В. Проблемы мировой юстиции и пути их решения на современном этапе реформирования отечественной судебной системы // Мировой судья. 2013. № 1. С. 3.

Литература

1. Абдулин Р.С. Зарождение и развитие института мировых судей в России / Р.С. Абдулин // Мировой судья. 2014. № 5. С. 6–10.
2. Абдулин Р.С. Судебное управление в период временного правительства (февраль — октябрь 1917 года) / Р.С. Абдулин // Законы России: опыт, анализ, практика. 2014. № 4. С. 69–76.
3. Виленский Б.В. Судебная реформа и контрреформа в России / Б.В. Виленский. Саратов : Приволж. кн. изд-во, 1969. 400 с.
4. Джаншиев Г.А. Эпоха великих реформ. Т. 1 / Г.А. Джаншиев. Москва : Территория будущего, 2008. 480 с.
5. Дорошков В.В. Проблемы мировой юстиции и пути их решения на современном этапе реформирования отечественной судебной системы / В.В. Дорошков // Мировой судья. 2013. № 1. С. 2–5.
6. Кизеветтер А.А. История России XIX века : курс, читанный в Московском университете в 1908–9 акад. г. Части 1–2 / А.А. Кизеветтер ; изд. под наблюдением С. Рожкова. Москва : О-во взаимопомощи студентов-филологов по зап. студента Ф. Юрьева, 1909. URL: <http://elibr.shpl.ru/ru/nodes/14694-ch-2-1909#page/15/mode/inspect/zoom/4> (дата обращения: 09.06.2019).
7. Лонская С.В. Мировой суд в России (1864–1917 гг.) : историко-правовое исследование : диссертация кандидата юридических наук / С.В. Лонская. Калининград, 1998. 168 с.
8. Организация и деятельность судов общей юрисдикции: новеллы и перспективы : монография / В.П. Кашепов [и др.] ; ответственный редактор В.П. Кашепов. Москва : КОНТРАКТ, 2016. 240 с.

9. Судебная реформа. Великие реформы 60-х гг. в их прошлом и настоящем / И.В. Гессен ; под редакцией : И.В. Гессен, А.И. Каминка. Санкт-Петербург : П.П. Гершунин и... Ко, 1905. 271 с.
10. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства / И.Я. Фойницкий. Санкт-Петербург : Альфа, 1996. Т. 1. 552 с.

References

1. Abdulin R.S. Zarozhdenie i razvitie instituta mirovy`kh sudey v Rossii [The Origination and Development of the Justice of the Peace Institution in Russia] / R.S. Abdulin // Mirovoy sudya — Justice of the Peace. 2014. № 5. S. 6–10.
2. Abdulin R.S. Sudebnoe upravlenie v period vremennogo pravitelstva (fevral — oktyabr 1917 goda) [Judicial Administration in the Period of the Provisional Government (February to October 1917)] / R.S. Abdulin // Zakony` Rossii: opy`t, analiz, praktika — Russian Laws: Experience, Analysis, Practice. 2014. № 4. S. 69–76.
3. Vilenskiy B.V. Sudebnaya reforma i kontreformy v Rossii [A Judicial Reform and a Counter-Reform in Russia] / B.V. Vilenskiy. Saratov : Privolzh. kn. izd-vo — Saratov : Volga Book Publishing House, 1969. 400 s.
4. Dzhanshiev G.A. Epokha velikikh reform. T. 1 [The Epoch of Great Reforms. Vol. 1] / G.A. Dzhanshiev. Moskva : Territoriya buduschego — Moscow : Territory of the Future, 2008. 480 s.
5. Doroshkov V.V. Problemy` mirovoy yustitsii i puti ikh resheniya na sovremennoy etape reformirovaniya otechestvennoy sudebnoy sistemy` [Issues of Lay Justice and Their Solutions on the Modern Step of Reformation of the National Judicial System] / V.V. Doroshkov // Mirovoy sudya — Justice of the Peace. 2013. № 1. S. 2–5.
6. Kizevetter A.A. Istoriya Rossii XIX veka : kurs, chitanny`y v Moskovskom universitete v 1908–9 akad. g. Chasti 1–2 [The History of Russia of the XIXth Century : course delivered at the Moscow University in 1908 to 1909 academic years. Parts 1 to 2] / A.A. Kizevetter ; izd. pod nablyudeniem S. Rozhkova. Moskva : O-vo vzaimopomoschi studentov-filologov po zap. studenta F. Yuryeva — edited under the supervision of S. Rozhkov. Moscow : Society on Mutual Assistance of Philology Students Based on the Record of Student F. Yuryev, 1909. URL : <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/14694-ch-2-1909#page/15/mode/inspect/zoom/4> (data obrascheniya : 09.06.2019 — date of access : June 9, 2019).
7. Lonskaya S.V. Mirovoy sud v Rossii (1864–1917 gg.): istoriko-pravovoe issledovanie : dissertatsiya kandidata yuridicheskikh nauk [The Justice of the Peace Court in Russia (1864 to 1917): Historical and Legal Research : thesis of PhD (Law)] / S.V. Lonskaya. Kaliningrad — Kaliningrad, 1998. 168 s.
8. Organizatsiya i deyatelnost sudov obschey yurisdiksiii: novelly` i perspektivy` : monografiya [The Organization and Activities of General Jurisdiction Courts: Novelty and Prospects : monograph] / V.P. Kashepov [i dr.] ; otvetstvenny`y redaktor V.P. Kashepov. Moskva : KONTRAKT — V.P. Kashepov [et al.] ; publishing editor V.P. Kashepov. Moscow : CONTRACT, 2016. 240 s.
9. Sudebnaya reforma. Velikie reformy` 60-kh gg. v ikh proshlom i nastoyaschem [The Judicial Reform. The Great Reforms of the 1960s in the Past and the Present] / I.V. Gessen ; pod redaktsiey : I.V. Gessen, A.I. Kaminka. Sankt-Peterburg : P.P. Gershunin i... Co. — edited by : I.V. Gessen, A.I. Kaminka. Saint Petersburg : P.P. Gershunin and... Co., 1905. 271 s.
10. Foynitskiy I.Ya. Kurs ugolovnogo sudoproizvodstva [A Course of Criminal Proceedings] / I.Ya. Foynitskiy. Sankt-Peterburg : Alfa, 1996. Т. 1 — Saint Petersburg : Alpha, 1996. Vol. 1. 552 s.

Уважаемые авторы!

Обращаем ваше внимание на следующие пункты:

- Нельзя предоставлять в журнал рукопись, которая была отправлена в другой журнал и находится на рассмотрении, а также статью, уже опубликованную в другом журнале.
- Соавторами статьи должны быть указаны все лица, внесшие существенный вклад в проведение исследования. Среди соавторов недопустимо указывать лиц, не участвовавших в исследовании.
- Если вы обнаружили существенные ошибки или неточности в статье на этапе ее рассмотрения или после ее опубликования, необходимо как можно скорее уведомить об этом редакцию журнала.

DOI: 10.18572/1812-3805-2019-9-37-45

Проблемы формирования некоторых форм взаимодействия органов госбезопасности и внутренних дел при подавлении преступности в РСФСР в начале 1920-х годов

*Иванов Виктор Александрович,
член Общества изучения истории отечественных спецслужб,
ассоциированный научный сотрудник Санкт-Петербургского
института истории Российской академии наук (СПбИИ РАН),
доктор исторических наук, профессор
iva0603@mail.ru*

*Колошинская Наталья Викторовна,
заведующая кафедрой теории права и гуманитарных дисциплин
Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова
филиала Российской таможенной академии,
кандидат юридических наук, доцент
nata_ivanova_75@mail.ru*

В статье анализируются отдельные формы взаимодействия органов ВЧК–ГПУ–ОГПУ с оперативными подразделениями уголовного розыска и милиции на центральном и региональном уровнях в ходе мероприятий по борьбе с преступностью в советской России в начале 20-х годов XX века. Исследованию подверглись как наиболее действенные подходы этих структур по профилактике и подавлению противоправных действий преступных элементов и их организаций, так и проблемные участки, возникающие по причине неэффективного взаимодействия силовых органов, отсутствия у них соответствующей нормативной базы и заблаговременной проработки этих вопросов накануне проведения оперативных акций.

Ключевые слова: преступность в РСФСР, органы ВЧК–ГПУ–ОГПУ, РКМ и уголовный розыск, взаимодействие, оперативные мероприятия, нормативные правовые акты.

Issues of the Establishment of Some Forms of Cooperation between State Security and Internal Affairs Agencies in Suppression of Crime in the RSFSR in the Early 1920s

Ivanov Viktor A.

*Member of the Society for Research of History of National Intelligence Agencies
Associate Research Scientist of the Saint-Petersburg Institute of History
of the Russian Academy of Sciences (SpbIH RAS)
Doctor of History, Professor*

Koloshinskaya Natalya V.

*Head of the Department of Theory of Law and the Humanities
of the V.B. Bobkov Saint Petersburg Branch of the Russian Customs Academy
PhD (Law), Associate Professor*

The article analyzes some forms of interaction between the bodies of the Cheka–GPU–OGPU with operational units of the criminal investigation Department and the police at the Central and regional levels in the course of measures to combat crime in Soviet Russia in the early 20-ies. Both the most effective approaches of these structures on prevention and suppression of illegal actions of criminal elements and their organizations, and the problem areas arising because of inefficient interaction of law enforcement agencies, lack at them of the corresponding regulatory base and advance study of these questions on the eve of carrying out operational actions underwent research.

Keywords: criminality in the RSFSR, organs Cheka–GPU–OGPU, RCM and Criminal Investigation, interaction, operational activities, normative legal acts.

Борьба с преступностью была и остается важнейшей внутренней функцией государства. Не отменялась она и в новой советской государственно-правовой системе с первых дней ее становления. Эффективность и результативность этой борьбы были теснейшим образом связаны и зависели от уровня, содержания и направленности соответствующего взаимодействия всех государственных структур и общественных формирований, участвующих в ней.

Как в современных условиях, так и в начале советского строительства взаимодействие рассматривалось как один из основных этапов организации исполнения принятых решений, предполагающих объединенные действия заинтересованных сотрудников, подразделений, органов ВЧК и других органов исполнительной власти (прокуратуры, суда, юстиции, Рабоче-Крестьянской милиции; далее — РКМ, уголовного розыска и др.)¹. Причем уже тогда основными формами взаимодействия определялись, и проявились на практике, такие из них, как: обмен информацией; совместное планирование и осуществление оперативных и иных мероприятий; совместная разработка правовых актов, регулирующих функции взаимодействующих сторон; объединенная работа по предотвращению и устранению причин и условий, способствующих совершению разного рода преступлений и др.

Однако на этом отрезке времени многие аспекты данной деятельности органов ВЧК и РКМ, юстиции, суда и трибуналов носили стихийный, а подчас и запоздалый характер. В своем докладе 11 июня 1918 г. на коллегии ВЧК зав. отделом по борьбе с контрреволюцией И.Н. Полукаров объяснял это колоссальным объемом работы комиссий

в этот период, в результате чего «...мы не успели правильно организовать»². Так, например, несмотря на «девятый вал» различной информации, поступающей с мест, ее тем не менее не хватало для принятия сбалансированного и адекватного решения, правомочного в данной ситуации. К тому же, как верно подмечает К.В. Скоркин, в 1919 г. и последующий период информационным обслуживанием ЦК РКП(б) и СНК РСФСР занимался главным образом аппарат НКВД РСФСР, выступая для правительства, по его словам, «глазами, ушами и всеми остальными органами чувств»³. Как выяснится вскоре, содержанию этой информации было еще сравнительно далеко до определения «достоверная и уникальная», особенно там, где речь шла об общественной и государственной безопасности, о деятельности органов власти и управления и др.

Колоссальной опасностью для Советского государства в 1918–1922 гг. стали не столько контрреволюционные выступления различных групп населения и саботаж управленцев в системе банков и промышленности, сколько тотальная спекуляция «всех и всем», сопряженные с ней повальные должностные преступления. ВЧК и ее органы на местах к лету 1919 г. признавали крайне неблагоприятную ситуацию с борьбой на этих участках, невозможность в полном объеме охватить весь фронт наступления на эти разрушительные явления в хозяйственной и общественной жизни республики.

В этой обстановке уже 3 июня 1919 г. Третьей Всероссийской конференцией чрезвычайных комиссий (01–03.06.1919)

¹ Плеханов А.А., Плеханов А.М. Всероссийская чрезвычайная комиссия СНК (7 (20) декабря 1917 — 6 февраля 1922) : краткий справочник. М. : СВГБ, 2011. С. 73.

² Архив ВЧК : сборник документов / отв. ред. В. Виноградов, А. Литвин, В. Христофоров ; сост. В. Виноградов, И. Перемышленникова. М. : Кучково поле, 2007. С. 85.

³ Скоркин К.В. На страже завоеваний Революции. История НКВД–ВЧК–ГПУ РСФСР. 1917–1923 : монография. М. : Вивид Арт, 2011. С. 392.

была принята Инструкция к чрезвычайным комиссиям на местах, в которой, в § 27 и 28, определялись порядок и критерии выделения из ЧК на работу в милицию «испытанных товарищей... на руководящие должности, в частности на должности заведующих уголовно-розыскными отделениями»⁴. В инструкции прямо указывалось, что «ЧК вливают в местные уголовно-розыскные отделения возможно больше испытанных сотрудников ЧК, содействуя организации этих учреждений и постепенно передавая в их ведение часть функций, лежащих на ЧК в области борьбы со спекуляцией, должностными преступлениями» и т.п.⁵. По сути дела, именно с лета 1919 г. от органов ВЧК произошла «передача» этой линии ее деятельности органам уголовного розыска и РКМ, которые, как мы замечаем, укреплялись проверенным и опытным кадровым составом чекистов.

Взаимодействие происходило по части прояснения ряда понятий и определений, с которыми сталкивались в своей деятельности органы госбезопасности и внутренних дел в этот период. Их различение касалось как понимания сути явлений, так и правоприменительной практики, а также статотчетности органов. Речь, к примеру, шла о так называемых «лицах, не имеющих определенных занятий», «деклассированных элементах» и др. Так, по подсчетам К.В. Скоркина, к числу последних в РСФСР на июль 1923 г. можно было отнести 250 тыс. человек⁶, среди которых значились не только безработные, нищие, попрошайки, но и спекулянты, аферисты, бывшие осужденные и др. Приказом ОГПУ при СНК СССР от 2 апреля 1924 г. № 172, утвердившим положение ЦИК

СССР от 28 марта 1924 г. «О правах ОГПУ в части административных высылки, ссылки и заключений в концентрационный лагерь», были более четко определены лица, относящиеся к категории «не имеющие определенных занятий»⁷.

Хотя на Всероссийской конференции ЧК (июнь 1919 г.) и была впервые принята резолюция «О взаимоотношениях между местными организациями ЧК и милиции»⁸, до согласованных действий, особенно в части совместного планирования и осуществления оперативных и иных мероприятий, было еще довольно далеко. Уже осенью 1920 г. ВЧК констатировала факты, когда между ЧК и РКМ возникали недоразумения при производстве комиссиями обысков и арестов⁹. ВЧК напоминала о существовании § 9 Инструкции для комиссаров ЧК, в котором прямо указывалось на строгое соблюдение порядка регистрации всех ордеров ЧК на производство тех или иных операций в местном управлении РКМ. Однако уже в июле 1921 г. ВЧК изменила этот порядок, законспирировав в регистрируемых ордерах (в городах страны. — *Авт.*) точные адреса проводимых операций¹⁰. Нередко успешное завершение операции «приписывалось» себе как органами ЧК, так и РКМ. Похожая ситуация, например, сложилась вокруг операции по одному из домов на Бассейной улице в Петрограде в июне 1919 г., когда там было сразу изъято 70 боевых винтовок¹¹.

⁴ Архив УФСБ РФ по СПб и Ленобласти. Ф. 8. Оп. 1. П. 1. Л. 43, 45.

⁵ Архив УФСБ РФ по СПб и Ленобласти. Ф. 8. Оп. 1. П. 1. Л. 45 об.

⁶ Скоркин К.В. Указ. соч. С. 105б.

⁷ Архив УФСБ РФ по СПб и Ленобласти. Ф. 8. Оп. 6. П. 2. Л. 136, 137.

⁸ Из истории ВЧК. М. : Госполитиздат, 1958. С. 141–158.

⁹ Архив УФСБ РФ по СПб и Ленобласти. Ф. 8. Оп. 2. П. 1. Л. 107.

¹⁰ Архив УФСБ РФ по СПб и Ленобласти. Ф. 8. Оп. 3. П. 2. Л. 36.

¹¹ Министерство внутренних дел России : 1802–2002 : исторический очерк : в 2 т. Т. 2 / под ред. В.П. Сальникова. СПб. : Фонд поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет», 2002. С. 169.

Пожалуй, самое конкретное содержание существа взаимодействия этих органов было выражено в п. 103 Инструкции участковому надзирателю (Приказ ЦАУ НКВД РСФСР от 20 ноября 1923 г.), в котором отмечалось, что «участковый надзиратель при обращении к нему за содействием органов ГПУ и УГРО обязан по удостоверении их звания исполнить их законные требования»¹². В определенном смысле В.С. Христофоров был прав, заявляя, что утверждения о всемогуществе ВЧК–ГПУ, стоящих якобы над законом, не соответствуют действительности¹³. Как видно из приведенного документа, «всевластие органов» было ограничено нормой правового акта, да и сами комиссии действовали в соответствии с принятыми в 1917–1920 гг. нормативными правовыми актами. Другое дело, когда с принятием Декрета ВЦИК от 10 августа 1922 г. и других нормативных документов произошло постепенное расширение полномочий органов ВЧК–ГПУ и наделение их излишними функциями чрезвычайного контроля и действий¹⁴.

К лету 1923 г. ГПУ при НКВД РСФСР в интересах дальнейшего развития взаимодействия с органами внутренних дел и другими учреждениями подготовило и распространило приказ № 312 «О порядке задержания почтальонов и милиционеров, попадающих в места засады по роду службы». Помимо того что при таких обстоятельствах возникали отдельные конфликты с применением оружия, нередкими были эпизоды, когда почтальоны (с пакетами, письмами,

документами и другими материалами) и сотрудники РКМ оставались в засадах местных органов ГПУ на сутки и более, организованный розыск которых по существу «проваливал» устроенную ими «ловушку» и операцию в целом¹⁵. Приказ регламентировал порядок действий лиц, за которыми числилась засада, и тех, кто непосредственно руководил ею.

Кстати, касаясь писем и деятельности почтово-телеграфных организаций страны в начале 20-х гг. XX в., то по ним у чекистов и милиционеров также было немало вопросов. Так, к осени 1925 г. в органы ОГПУ при СНК СССР в центре и на местах, а также РКМ и юстиции от граждан поступало немало жалоб и заявлений по поводу исчезновения их писем, направляемых в редакции газет (главным образом центральных. — *Авт.*). Выяснялось, что в них перечислялись недостатки в хозяйственной, политической и социальной сферах деятельности местных властей и другие проблемы. Проверкой были установлены случаи, когда по указанию руководящих работников исполкомов и разного рода сельских и волостных советов задерживались, укрывались и даже уничтожались письма, адресованные в редакции республиканских и союзных газет. Заместитель народного комиссара юстиции РСФСР и старший помощник прокурора республики Н.В. Крыленко своим циркуляром № 169 (сентябрь 1925 г.) призвал органы госбезопасности и милиции обуздывать действия лиц, осуществляющих, по его оценке, «...новый вид борьбы врагов советской общественности, боящихся критики и разоблачения...»¹⁶.

Объектами взаимодействия в эти годы становились и другие стороны жизнедеятельности советского общества,

¹² ОСФ ИЦ ГУ МВД РФ по СПб и области. Ф. 1. Оп. 2. Д. 8. Л. 40 об.

¹³ Христофоров В.С. История страны в документах архивов ФСБ России: сборник статей и материалов. М.: Изд-во Главного архивного управления города Москвы, 2013. С. 17–18.

¹⁴ Мозохин О.Б. ВЧК–ОГПУ–НКВД на защите экономической безопасности государства. 1917–1941 годы. М.: ООО «ТД Алгоритм», 2016. С. 51.

¹⁵ Архив УФСБ РФ по СПб и Ленобласти. Ф. 8. Оп. 5. П. 2. Л. 18.

¹⁶ ОСФ ИЦ ГУ МВД РФ по СПб и области. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4. Л. 135.

в которых в скрытой форме нередко проявлялись противоправные действия и преступления. Так, к примеру, в начале сентября 1924 г. ОГПУ при СНК СССР вынуждено было разъяснять своим и милицейским структурам правила провоза мертвых тел из-за границы и за границу. В приказе № 332, в частности, упоминались некоторые способы ухищрений, используемые преступными элементами в целях контрабандных операций. Вводимые приказом правила четко регламентировали порядок и действия органов ОГПУ, РКМ и НКЗ Союза ССР¹⁷.

По мере расширения круга вопросов, решаемых органами госбезопасности и милиции, увеличивалась и потребность в более согласованных их действиях, а нередко и совместных акциях. Однако они представляли все же довольно разные по многим критериям структуры. Если это уместно сравнивать, то органы ВЧК–ГПУ–ОГПУ в эти (как и последующие) годы не состояли «на кормлении» у «милостивых», как говорят сейчас, хозяйствующих субъектов из-за вечной нехватки финансовых средств и т.п.

У них действительно были проблемы и с размером зарплаты, жильем, помещениями и прочими деталями их служебной деятельности, но их все же рано или поздно разрешали и не опускали до уровня просителя или побирающихся. Они всегда были в этом смысле — подлинными органами государства¹⁸, чего не скажешь о милицейских структурах. Учитывая тяжелое финансовое положение последних, 6 февраля 1924 г. СНК РСФСР принял постановление о создании ведомственной милиции, подразделения которой содержались за счет

средств обслуживаемых объектов¹⁹, численность которой вскоре сравнялась с численностью государственной милиции (37,6 тыс. и 37,8 тыс. соответственно. — *Авт.*)²⁰.

Нельзя утверждать и то, что в введенной с мая 1921 г. постановлением СНК РСФСР практике натурального премирования органов ВЧК и милиции, предотвративших значительные по объему хищения с предприятий (на которые распространялся этот декрет правительства о премировании. — *Авт.*), все было равноценно. Не случайно в п. 11 постановления прямо предписывалось «установить более точную личную ответственность должностных лиц ВЧК и уголовной милиции за успешность мер по борьбе с хищениями»²¹. Из архивных материалов видно, что «ловчили» здесь с переменным успехом и те и другие. Причем сотрудники ЧК нередко первыми «столбились» свой успех в этих акциях, успевая соответствующим образом оформлять различные донесения с мест как в губкомы РКП(б), так и своему руководству в Москву.

В результате подобных «соревнований» в судебные инстанции довольно часто попадали явно поверхностно расследованные, со слабой доказательственной базой материалы на «хищников» и их организаторов, что приводило к развалу уголовных дел и ускользанию последних от судебной ответственности. В одной из своих монографий А.М. Плеханов приводит документ, из которого видно, как Ф.Э. Дзержинский просит З.Б. Кацнельсона в июле 1925 г. подыскать ему секретаря (по линии

¹⁹ Министерство внутренних дел России : 1802–2002. Т. 2 / под ред. В.П. Сальникова. С. 211.

²⁰ МВД России : энциклопедия / гл. ред. В.Ф. Некрасов. М. : Объединенная редакция МВД России ; Изд. дом «ОЛМА-ПРЕСС», 2002. С. 59.

²¹ Архив УФСБ РФ по СПб и Ленобласти. Ф. 8. Оп. 3. П. 2. Л. 56 об.

¹⁷ Архив УФСБ РФ по СПб и Ленобласти. Ф. 8. Оп. 6. П. 2. Л. 239, 239 об.

¹⁸ Архипова Т.Г., Малышева Е.П. Современная организация государственных учреждений России : учебник. М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2007. С. 11.

ГПУ), который работал был у него по вопросам зарплаты и обладал одним из таких качеств, как «...недоверчивый, умеющий разоблачить очковтирание»²².

Кстати, уже в августе 1921 г. ВЧК приказывала в целях устранения описываемых выше проблем «...самым тщательным образом организовать осведомительную сеть во всех указанных в декрете учреждениях» (т.е. там, где распространялось натурпремирование. — *Авт.*)²³. Как показал анализ выполнения этих установок ВЧК, такой спецаппарат преимущественно был создан соответствующими подразделениями комиссии и практически отсутствовал в милицеских службах этих лет.

Вместе с этим, органы госбезопасности, привлекая на службу и в качестве консультантов бывших высококлассных специалистов даже из охранных и жандармских структур, как это было например с В.Ф. Джунковским²⁴, безжалостно расправлялись с теми действующими сотрудниками, которые встали на преступный путь. Выступая в июне 1918 г. на открытии 1-й Всероссийской конференции чрезвычайных комиссий, член Коллегии ВЧК Г.Д. Закс говорил: «Мы не жалеем никого и бьем как наших врагов, так и примазавшихся к нам “друзей”»²⁵.

В этом плане весьма показательна судьба особо уполномоченного 1-го отделения ЭКУ ОГПУ при СНК СССР бывшего начальника ЭКО ПП ОГПУ Юго-Востока Я.Г. Меня, против которого на «старом месте» было возбуж-

дено уголовное дело по ст. 105, 108 и ч. 2 ст. 114 УК РСФСР (1922 г.), поставившего, как сейчас говорят в криминальных кругах, «на счетчик» один из хозорганов, пристроив туда под видом секретных сотрудников своих многочисленных родственников, а впоследствии скрывшегося от следствия²⁶. В начале июня 1924 г. о «деле Меня», возникшем по прежнему месту его службы, который затем служил в Центральном аппарате ВЧК, доложили Ф.Э. Дзержинскому, чем немало удивили его²⁷. Хотя В.А. Герсон сообщил Ф.Э. Дзержинскому, что Мень «давно расстрелян», на самом деле «...принимая во внимание на наличие глубокого разложения Меня под влиянием НЭП...»²⁸ его расстреляли лишь весной этого же года. Председатель ОГПУ при СНК СССР в некотором обобщенном смысле подчеркивал, что «мы со своими врагами справимся, если найдем и возьмем правильную линию в управлении...»²⁹.

Еще одной проблемой, по которой следовало незамедлительно развивать линию взаимодействия органов госбезопасности и милиции, стало в этот период усиление борьбы с преступностью на транспорте, обуздание «великого исхода преступников — гастролеров» и др. Воспользовавшись общим хаосом, царившим во многих губерниях и окраинах еще со времен Гражданской войны, эта часть неорганизованного и криминализованного населения уже несколько лет буквально терроризировала законопослушных граждан, срывала железнодорожные и водные

²² Плеханов А.М. ВЧК–ОГПУ: Отечественные органы государственной безопасности в период новой экономической политики. 1921–1928. М. : Кучково поле, 2006. С. 623.

²³ Архив УФСБ РФ по СПб и Ленобласти. Ф. 8. Оп. 3. П. 2. Л. 56.

²⁴ Плеханов А.А., Плеханов А.М. Всероссийская чрезвычайная комиссия СНК. С. 137–138.

²⁵ Архив ВЧК : сборник документов / отв. ред. В. Виноградов, А. Литвин, В. Христофоров ; сост. В. Виноградов, И. Перемышленникова. М. : Кучково поле, 2007. С. 83.

²⁶ Архив УФСБ РФ по СПб и Ленобласти. Ф. 8. Оп. 6. П. 2. Л. 73 об.

²⁷ Ф.Э. Дзержинский — председатель ВЧК–ОГПУ. 1917–1926 / сост. А.А. Плеханов, А.М. Плеханов. М. : МФД : Материк, 2007. С. 554, 695.

²⁸ Архив УФСБ РФ по СПб и Ленобласти. Ф. 8. Оп. 6. П. 2. Л. 73 об.

²⁹ Ратьковский И.С. Дзержинский. От «Астронома» до «Железного Феликса». М. : Алгоритм, 2017. С. 394.

перевозки, бесчинствовала, грабила и оказывала нередко вооруженное сопротивление органам и даже войскам. Передача железнодорожной милиции в 1921 г. в ВЧК и усиление транспортной ее линии (создание соответствующих ТО ВЧК. — *Авт.*) оказались крайне необходимыми и своевременными.

Учитывая, что новые чекистские структуры кроме сотрудников, нередко наспех укомплектованных, а также слабого спецapparата (агентурной сети) и личного вооружения не имели ничего, потребность во взаимодействии с другими правоохранительными органами возрастала во много раз. Уже в июне 1922 г. за подписями Г.Г. Ягоды и З.Б. Кацнельсона на места был направлен совместный приказ № 108/33 о согласовании работы органов ТО ГПУ и Уголовного розыска республики, в котором приказывалось «всем сотрудникам и учреждениям ТО ГПУ и Угрозыска оказывать друг другу взаимное содействие»³⁰. В приказе определялись задачи этих органов при проведении совместных операций в зоне их оперативной ответственности, а также меры губернских органов Угрозыска по реализации отдельных заданий и требований ТО ГПУ (регистрация, фотографирование, дактилоскопирование, прием арестованных преступников, справки о судимости и др. — *Авт.*).

Совместные усилия позволили к концу 20-х гг. XX в. создать во многих управлениях РКМ страны более полные учеты преступного элемента, в том числе, как заявлял Уполномоченный НКВД РСФСР по Ленинградской области Егоров, и «выдающихся (так в тексте. — *Авт.*) преступников гастролеров»³¹.

Текучесть и «засоренность» сотрудников силовых органов в 20-е гг. были,

скорее, обычным явлением. Уровень их образования и профессиональной подготовки был явно недостаточен, а на ряде участков и провален. В той же милиции РСФСР 1924 г. служили почти 63,5% выходцев из крестьян³².

Понадобились совместные усилия, для того чтобы с конца 1920-х годов во всех милицейских школах страны были созданы специальные «уголовно-розыскные отделения», а в числе преподавателей закреплялись сотрудники, прошедшие оперативные должности в органах ВЧК–ГПУ–ОГПУ и Угрозыска³³. По мере подготовки кадров все чаще стали осуществляться более углубленные проверки принятых на службу сотрудников госбезопасности и милиции. Так, в результате проверки в феврале 1925 г. Московской школы ТО ОГПУ было выявлено более 140 сотрудников, имеющих основания для их увольнения (24 человека ранее служили у «белых» и «зеленых», 25 человек скрыли прежнюю судимость, несколько человек служили в жандармерии и полиции и разыскивались ОГПУ, и др. — *Авт.*)³⁴. Повторная проверка этой школы в феврале 1926 г. вновь выявила около 20 курсантов с компрометирующими на них материалами. Среди них оказались дезертиры из РККА, находящиеся под судом, ранее судимые и др.³⁵.

В последующие годы органы госбезопасности и милиции продолжали поиск наиболее действенных форм взаимодействия в интересах этих структур, посредством которых медленно, но неминуемо преодолевалась вечная болезнь всех спецслужб — «не взаимодействовать, а соперничать», отчего в

³² Министерство внутренних дел России : 1802–2002. Т. 2 / под ред. В.П. Сальникова. С. 214.

³³ Там же. С. 200.

³⁴ Архив УФСБ РФ по СПб и Ленобласти. Ф. 8. Оп. 7. П. 1. Л. 141–143.

³⁵ Архив УФСБ РФ по СПб и Ленобласти. Ф. 8. Оп. 8. П. 1. Л. 6.

³⁰ Архив УФСБ РФ по СПб и Ленобласти. Ф. 8. Оп. 4. П. 5. Л. 129.

³¹ ОСФ ИЦ ГУ МВД РФ по СПб и области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17. Л. 196.

выигрыше оказывался исключительно уголовный мир³⁶. Прошлый опыт показал, что координацией такого взаимодействия всякий раз (операция, задание, оперативные мероприятия и т.п.) должна заниматься та служба (линия, направление), которая имеет в своем распоряжении наиболее полный и проверенный

объем оперативной и другой необходимой информации.

Взаимодействие, как один из основных этапов организации исполнения принятых решений, не приемлет дилетантства и упрощения, скоропалительности и необдуманной состязательности. Именно от его уровня и детальной продуманности зависит успех всякого дела, особенно когда органам противостоят хорошо организованный и постоянно взаимодействующий уголовный мир.

³⁶ Иванов Д.В. Государственно-правовой концепт и практика борьбы с преступностью на Северо-Западе РСФСР в 1917–1991 годах. СПб. : Изд-во «Юридический центр», 2018. С. 140.

Литература

1. Архипова Т.Г. Современная организация государственных учреждений России : учебник / Т.Г. Архипова, Е.П. Малышева. Москва : РГГУ, 2007. 605 с.
2. Иванов Д.В. Государственно-правовой концепт и практика борьбы с преступностью на Северо-Западе РСФСР в 1917–1991 годах / Д.В. Иванов. Санкт-Петербург : Юридический центр, 2018. 480 с.
3. Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии, 1917–1921 гг. : сборник документов / составители : А.К. Гончаров, И.А. Дорошенко, М.А. Козичев, Н.Н. Павлович ; редколлегия : Г.А. Белов [и др.]. Москва : Госполитиздат, 1958. 511 с.
4. МВД России : энциклопедия / главный редактор В.Ф. Некрасов. Москва : Объединенная редакция МВД России ; ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 623 с.
5. Министерство внутренних дел России : 1802—2002 : исторический очерк : в 2 томах. Т. 2 / под редакцией В.П. Сальникова. Санкт-Петербург : Университет, 2002. 528 с.
6. Мозохин О.Б. ВЧК–ОГПУ–НКВД на защите экономической безопасности государства. 1917–1941 годы / О.Б. Мозохин. Москва : ТД Алгоритм, 2016. 624 с.
7. Плеханов А.А. Всероссийская чрезвычайная комиссия СНК (7 (20) декабря 1917 — 6 февраля 1922) : краткий справочник / А.А. Плеханов, А.М. Плеханов. Москва : СВГБ, 2011. 528 с.
8. Плеханов А.М. ВЧК–ОГПУ: Отечественные органы государственной безопасности в период новой экономической политики. 1921–1928 / А.М. Плеханов. Москва : Кучково поле, 2006. 704 с.
9. Ратьковский И.С. Дзержинский. От «Астронома» до «Железного Феликса» / И.С. Ратьковский. Москва : Алгоритм, 2017. 464 с.
10. Скоркин К.В. На страже завоеваний Революции. История НКВД–ВЧК–ГПУ РСФСР. 1917–1923 : монография / К.В. Скоркин. Москва : Вивид Арт, 2011. 1216 с.
11. Ф.Э. Дзержинский — председатель ВЧК–ОГПУ. 1917–1926 / составитель А.А. Плеханов, А.М. Плеханов. Москва : МФД : Материк, 2007. 872 с.
12. Христофоров В.С. История страны в документах архивов ФСБ России : сборник статей и материалов / В.С. Христофоров. Москва : Изд-во Главного архивного управления города Москвы, 2013. 960 с.

References

1. Arkhipova T.G. Sovremennaya organizatsiya gosudarstvenny`kh uchrezhdeniy Rossii : uchebnik [The Modern Organization of State Institutions in Russia : textbook] / T.G. Arkhipova, E.P. Malysheva. Moskva : RGGU — Moscow : Russian State University for the Humanities, 2007. 605 s.
2. Ivanov D.V. Gosudarstvenno-pravovoy kontsept i praktika borby` s prestupnostyu na Severo-Zapade RSFSR v 1917–1991 godakh [The State Legal Concept and the Crime Combating Practice in the Northwest of the RSFSR in 1917 to 1991] / D.V. Ivanov. Sankt-Peterburg : Yuridicheskiy tsentr — Saint Petersburg : Legal Center, 2018. 480 s.
3. Iz istorii Vserossiyskoy Chrezvy`chaynoy komissii, 1917–1921 gg. : sbornik dokumentov [From the History of the All-Russian Extraordinary Commission, 1917 to 1921 : collection of documents] / sostaviteli : A.K. Goncharov, I.A. Doroshenko, M.A. Kozichev, N.N. Pavlovich ; redkollegiya : G.A. Belov [i dr.]. Moskva : Gospolitizdat — compiled by : A.K. Goncharov, I.A. Doroshenko, M.A. Kozichev, N.N. Pavlovich ; editorial board : G.A. Belov [et al.]. Moscow : State Publishing House of Political Literature, 1958. 511 s.
4. MVD Rossii : entsiklopediya [The Ministry of Internal Affairs of Russia : encyclopedia] / glavny`y redaktor V.F. Nekrasov. Moskva : Obyedinennaya redaktsiya MVD Rossii ; OLMA-PRESS — editor-in-chief

- V.F. Nekrasov. Moscow : United Editorial Office of the Ministry of Internal Affairs of Russia ; OLMA-PRESS, 2002. 623 s.
5. Ministerstvo vnutrennikh del Rossii : 1802—2002 : istoricheskiy ocherk : v 2 tomakh. T. 2 [The Ministry of Internal Affairs of Russia : 1802 to 2002 : Historical Sketch : in 2 volumes. Vol. 2] / pod redaktsiyey V.P. Salnikova. Sankt-Peterburg : Universitet — edited by V.P. Salnikov. Saint Petersburg : University, 2002. 528 s.
 6. Mozokhin O.B. VChK–OGPU–NKVD na zaschite ekonomicheskoy bezopasnosti gosudarstva. 1917–1941 gody` [The All-Russian Extraordinary Commission — the Joint State Political Directorate — the People's Commissariat for Internal Affairs on Guard of the Economic Security of the State. 1917 to 1941] / O.B. Mozokhin. Moskva : TD Algoritm — Moscow : Algorithm trading house, 2016. 624 s.
 7. Plekhanov A.A. Vserossiyskaya chrezvy`chaynaya komissiya SNK (7 (20) dekabrya 1917 — 6 fevralya 1922) : kratkiy spravochnik [The All-Russian Extraordinary Commission of the Council of People's Commissars (December 7 (20), 1917 to February 6, 1922) : brief reference book] / A.A. Plekhanov, A.M. Plekhanov. Moskva : SVGB — Moscow : SVGB, 2011. 528 s.
 8. Plekhanov A.M. VChK–OGPU: Otechestvenny`e organy` gosudarstvennoy bezopasnosti v period novoy ekonomicheskoy politiki. 1921–1928 [The All-Russian Extraordinary Commission — the Joint State Political Directorate: National State Security Agencies in the Period of the New Economic Policy. 1921 to 1928] / A.M. Plekhanov. Moskva : Kuchkovo pole — Moscow : Kuchkov Field, 2006. 704 s.
 9. Ratkovskiy I.S. Dzerzhinskiy. Ot 'Astronoma' do 'Zheleznogo Feliksa' [Dzerzhinskiy. From the 'Astronomer' to 'Iron Felix'] / I.S. Ratkovskiy. Moskva : Algoritm — Moscow : Algorithm, 2017. 464 s.
 10. Skorkin K.V. Na strazhe zavoevaniy Revolyutsii. Istoriya NKVD–VChK–GPU RSFSR. 1917–1923 : monografiya [On Guard of the Achievements of the Revolution. The History of the People's Commissariat for Internal Affairs — the All-Russian Extraordinary Commission — the State Political Directorate of the RSFSR. 1917 to 1923 : monograph] / K.V. Skorkin. Moskva : Vivid Art — Moscow : Vivid Art, 2011. 1216 s.
 11. F.E. Dzerzhinskiy — predsedatel VChK–OGPU. 1917–1926 [F.E. Dzerzhinskiy: The Chairman of the All-Russian Extraordinary Commission — the Joint State Political Directorate. 1917 to 1926] / sostavitel A.A. Plekhanov, A.M. Plekhanov. Moskva : MFD : Materik — compiled by A.A. Plekhanov, A.M. Plekhanov. Moscow : MFD : Materik, 2007. 872 s.
 12. Khristoforov V.S. Istoriya strany` v dokumentakh arkhivov FSB Rossii : sbornik statey i materialov [The History of the Country in Archive Documents of the Federal Security Service of Russia : collection of articles and files] / V.S. Khristoforov. Moskva : Izd-vo Glavnogo arkhivnogo upravleniya goroda Moskvyy` — Moscow : Publishing house of the Chief Archive Directorate of Moscow, 2013. 960 s.

Уважаемые авторы!

Вы можете самостоятельно в режиме реального времени получать информацию о статусе статей, направленных для опубликования в ИГ «Юрист». Для этого необходимо отправить с вашего электронного адреса письмо на autor-gq@lawinfo.ru, в теме письма должна быть указана только фамилия, без имени, отчества и др. Обращаем ваше внимание, что адрес для запроса статуса статей отличается от контактного электронного адреса редакции.

Каждый автор может узнать статус только своих статей, направив запрос со своего электронного адреса.

В случае возникновения проблем с получением информации просим обращаться в редакцию по телефону: (495) 953-91-08 или по e-mail: avtor@lawinfo.ru

Роль женщины в истории органов внутренних дел

*Меняйло Дмитрий Васильевич,
доцент кафедры тактико-специальной подготовки
Белгородского юридического института Министерства внутренних дел
Российской Федерации имени И.Д. Путилина,
кандидат юридических наук, доцент
menyilo.dmitriy@yandex.ru*

*Кириченко Юлия Николаевна,
преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки
Белгородского юридического института Министерства внутренних дел
Российской Федерации имени И.Д. Путилина,
кандидат юридических наук, доцент
julija.kirichenko@rambler.ru*

*Карпинская Анастасия Александровна,
курсант 4-го курса факультета подготовки дознавателей
Белгородского юридического института Министерства внутренних дел
Российской Федерации имени И.Д. Путилина
karpinskaya.anastasya@yandex.ru*

В данной статье рассмотрены причины и этапы усиления роли и значения женщин, проходивших службу в органах внутренних дел в период с начала XX века по настоящее время. Демонстрируются некоторые личности, посвятившие себя служению Отечеству и защите правопорядка.

Ключевые слова: история органов внутренних дел, женщина на службе в полиции (милиции), равенство прав мужчины и женщины, женская эмансипация.

The Role of a Woman in the History of Internal Affairs Agencies

*Menyaylo Dmitriy V.
Senior Lecturer of the Department of Tactical and Special Training
of the Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia
PhD (Law), Associate Professor*

*Kirichenko Yulia N.
Lecturer of the Department of Tactical and Special Training
of the Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia
PhD (Law), Associate Professor*

*Karpinskaya Anastasia A.
4th Year Cadet of the Investigator Training Faculty
of the Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia*

This article discusses the causes and stages of strengthening the role and importance of women serving in the internal Affairs bodies in the period from the beginning of the XX century to the present. Some persons who have devoted themselves to the service of the Fatherland and the protection of law and order are demonstrated.

Keywords: history of Internal Affairs bodies, woman in the service of the police (militia), equality of rights of men and women, women's emancipation.

Испокон веков служба в органах внутренних дел считалась нелегким мужским делом. С конца XIX в. в Российской империи женщины стали привлекаться для работы в органах Министерства внутренних дел (далее — МВД) на та-

ких должностях, которые обеспечивали непосредственную деятельность полиции по борьбе с преступностью и охране общественного порядка. Например, в адресном столе полиции. В начале XX в. количество профессий в МВД,

на которых были задействованы женщины, увеличивается, но все же это были, как и прежде, не женщины-полицейские. В 1916 году было издано постановление Совета Министров «Об усилении полиции в 50 губерниях империи и об улучшении служебного и материального положения полицейских чинов», которое разрешало прием женщин на службу в полицию. В основном их работа была не связана с допуском к секретным документам и не выше восьмого класса Табели о рангах. После свержения самодержавия полицейские функции были переданы военным, а Военное правительство расформировало Департамент полиции¹. А с 1917 года женщины стали пополнять ряды сотрудников правоохранительных органов более активно. С этого периода службу в милиции наравне с мужчинами несут и женщины. Тенденция приобрела такое развитие, что дело дошло до предложения создания «женской милиции». 2 мая 1919 г. Комитет обороны Петрограда возбудил ходатайство перед НКВД об организации в качестве эксперимента таких подразделений. Комитет одобрил данное ходатайство. Связана данная тенденция с тем, что был некомплект, нехватка кадров — мужчины уходили на фронт. О наборе женщин было объявлено через печатные издания². К кандидаткам предъявлялись следующие требования: они должны быть годными по состоянию здоровья, пролетарского происхождения, грамотными, также рассматривались рекомендации профсоюза и трудового коллектива. Все женщины, поступившие в милицию, обязаны были пройти трехнедельный курс специального обучения. Среди всего женского состава 78% — были незамужние женщины, 22% — замужние. Чаще всего для работы их направляли на фабрики и заводы для досмотра выходя-

щих с работы женщин с целью пресечения участвовавших случаев хищения социалистической собственности; также они несли патрульно-постовую службу; выполняли обязанности участковых уполномоченных инспекторов; работали в уголовном розыске; боролись с детской беспризорностью; были задействованы при проведении специальных операций³.

В целом в истории выделяют несколько этапов увеличения значимости и активизации роли женщин в деятельности органов внутренних дел: 1918–1920 гг. — период Гражданской войны; 1941–1945 гг. — период Великой Отечественной войны; период перестройки, 1985 г. — по настоящее время⁴.

Первой женщиной, принятой на службу в органы внутренних дел, стала Паулина Ивановна Онушонок. Девушка родилась в Латвии в семье бедного крестьянина. В 1905 году примкнула к революционному движению, а в 1917 г. вступила в партию большевиков. Свою карьеру в милиции она начала в 1920-е годы в Кингисеппе. До службы в милиции Паулина Ивановна занималась воспитательной работой среди кингисеппских ребят. В 1924 году она была назначена руководителем пионерской базы, где в основном находились беспризорники.

Онушонок Паулина Ивановна пришла на службу в милицию в 1928 г. по направлению уездного комитета партии и была назначена начальником Кингисеппского уездного отдела милиции. После назначения на должность возглавляемое ею подразделение в короткий срок стало одним из лучших. Это и предопределило ее перевод в Ленинград.

³ Особенности профессиональной самореализации женщин в силовых структурах // Официальный сайт Министерства внутренних дел РФ. URL: <https://xn--b1afbb0bgul.xn--j1adr.xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/11788399> (дата обращения: 13.05.2019).

⁴ Ларькин С.И. Исторические предпосылки и причины поступления женщин в органы внутренних дел // История государства и права. 2008. № 4. С. 11.

¹ Кравченко Е.А. Женщины в полиции. URL: <http://opravdali.ru/poleznye-stati/zhenshchinyv-policii/> (дата обращения: 13.05.2019).

² Там же.

В 1929 году П.И. Онушонок была назначена на должность начальника одиннадцатого отделения милиции г. Ленинграда⁵. Вверенный ей район Лиговки был одним из сложных. Свою работу Паулина Ивановна начала с того, что добилась открытия общежития для особо нуждающихся. Ей удалось изменить криминальную ситуацию в районе. Ей также принадлежит инициатива открытия детских комнат милиции.

За непродолжительное время под руководством П.И. Онушонок отделение милиции покончило с лиговскими бандитами. Одни оказались за решеткой, некоторые были убиты в перестрелке с милиционерами, а кто-то подался в бега, поняв, что на Лиговке делать больше нечего. Тем самым Паулина Ивановна продемонстрировала весь свой напор и серьезное отношение к возлагаемым на нее обязанностям. Днем она «гоняла» своих подчиненных, а вечерами куда-то исчезала. Много раз в притонах и ночлежках Лиговки появлялась бездомная, которая легко могла входить в доверие к бандитам. Проведя таким образом разведку, выяснив все о лиговских авторитетах, девушка, которая не боится ничего, подобрав удобное время, нанесла преступному миру мощный и решительный удар, от которого через некоторое время криминал так и не смог оправиться. В наше время это назвали бы блестящей спецоперацией⁶.

Оценка служебной деятельности женской части была проведена в Петрограде в июне 1919 г. Отмечался положительный опыт деятельности сотрудниц милиции Петрограда, который решено было распространить по всей стране. По оконча-

нии Гражданской войны, несмотря на значительный успех, женская милиция была упразднена (расформирована). Можно выделить следующие причины, повлиявшие на появление женщин в рядах милиции конкретно в этот исторический период:

- Политическое основание: сохранить завоевания революции и независимость Советской республики.
- Идеологическое основание: женщины стали в один ряд с мужчинами.
- Социальное основание: женщины заменили мужчин в милиции из-за кадровой нехватки⁷.

Несмотря на сложности, уже с этого периода женщины уже окончательно встали в один ряд с мужчинами на охрану правопорядка в стране.

Следующим периодом нелегкого испытания для женщин в форме стало время Великой Отечественной войны.

Начавшаяся в июне 1941 г. Великая Отечественная война внесла коррективы в деятельность органов внутренних дел. В чрезвычайной обстановке новых реалий женщине отводилась значительная роль. Советский народ, в том числе и женщины, охотно становился на защиту Родины, отдавая все свои силы. Великая Отечественная война стала новым этапом массового вхождения женщин в ряды милиции. Соответственно, по аналогии с прошлым периодом, выделялись следующие предпосылки появления женщин-милиционеров: 1) военное положение; 2) нехватка сотрудников в органах внутренних дел в связи с мобилизацией лиц мужского пола; 3) обусловленное военным временем появление новых временных функций НКВД и, соответственно, формирование новых органов внутренних дел, требующих комплектования личным составом; 4) идеология и патриотизм⁸.

⁵ Мигущенко О.Н. Чистка милиции в 20–30-е годы XX века // История государства и права. 2011. № 15. С. 32–36.

⁶ Примак М.А., Дергилева С.Ю. Первая женщина в полиции — Онушонок Паулина Ивановна // Третьи Путилинские чтения: материалы Всероссийского круглого стола (27 апреля 2017 г.). Белгород: БелЮИ МВД России имени И.Д. Путилина, 2017. С. 123.

⁷ Ларькин С.И. Указ. соч. С. 11.

⁸ Там же. С. 12.

Период перестройки диктовал тенденции для изменения во всех сферах общества и характеризовался: укреплением социалистической законности, дисциплины и правопорядка; экономическими преобразованиями; последовательной демократизацией и гласностью. Борьба с преступностью остается актуальной проблемой и по сей день. 18 августа 1991 г. был принят Закон РСФСР «О милиции», который включал в себя требования к лицам, поступающим на службу, меры по улучшению форменного обмундирования и снабжения. Процесс перестройки в системе органов внутренних дел положил начало массовому притоку женщин на службу. Одна из основных причин, по которой женщины идут работать в органы внутренних дел, — социально-экономическая потребность, а у же потом чувство долга и патриотизма⁹.

На сегодняшний день на законодательном уровне прохождение женщинами службы в органах внутренних дел закреплено в различных нормативно-правовых актах. Так, в ч. 2 ст. 19 Конституции Российской Федерации указано, что государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола. В части 3 этой же статьи установлено, что мужчина и женщина имеют равные права и свободы и равные возможности для их реализации¹⁰.

В соответствии с п. 1 ст. 17 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» на службу в ОВД могут поступать граждане, достигшие 18-летнего возраста, независимо от

пола, расы, национальности, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, владеющие государственным языком Российской Федерации, соответствующие квалификационным требованиям, способные по своим личным и деловым качествам, физической подготовке и состоянию здоровья выполнять служебные обязанности сотрудника ОВД¹¹. Данное положение закрепляет поступление женщин в органы внутренних дел.

Современный полицейский должен иметь определенный набор качеств: образованность, морально-этическое воспитание, эмоциональную устойчивость, умение ясно и четко выражать свои мысли, аналитический склад ума, логическое мышление, трудолюбие. И это далеко не исчерпывающий перечень.

Ярким примером воплощения всех этих качеств является Татьяна Николаевна Москалькова, которая в 1984 г. поступила на службу в Министерство внутренних дел СССР. У Татьяны Николаевны большой послужной список: дослужилась до звания генерал-майора милиции; имеет большое количество наград, именное оружие, звание «Заслуженный юрист РФ»; при этом активно занимается научной деятельностью: является доктором юридических наук, профессором. 22 апреля 2016 года Т.Н. Москалькова была назначена на должность Уполномоченного по правам человека и занимает эту должность по настоящее время¹².

⁹ Там же.

¹⁰ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

¹¹ Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (ред. от 01.04.2019) «О полиции» // СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 900.

¹² Епифанова Т.О. Женщины — служащие правоохранительных органов: теория и практика // Ростовский научный журнал. 2016. № 12. С. 45; Мигущенко О.Н. Система профилактики правонарушений в Российской Федерации: терминологическая бессистемность // Российский следователь. 2017. № 8. С. 45–49.

На сегодняшний день крайне сложно найти подразделение органов внутренних дел, в котором не проходили бы службы женщины. Они работают в дознании и следствии, в линейных отделах полиции, в комиссиях по делам несовершеннолетних, в уголовном розыске, в экспертно-криминологических центрах и т.д.

Количество женщин, работающих в системе Министерства внутренних дел, неуклонно растет с каждым годом. Это

му способствует ряд причин: «феминизация» общества, гендерное равенство и, конечно же, тенденции, продиктованные историей. Женщины, связавшие свою жизнь со службой, имеют возможность продемонстрировать свои волевые качества, «закалить» характер, стать более коммуникабельными, общаясь с разными слоями населения, но при этом остаются женщинами и справляются со служебными обязанностями не хуже мужчин.

Литература

1. Диденко А.А. История органов внутренних дел : учебное пособие / А.А. Диденко, Д.В. Меняйло. Белгород : ООНИРИД БелЮИ МВД России, 2005. 232 с.
2. Епифанова Т.О. Женщины — служащие правоохранительных органов: теория и практика / Т.О. Епифанова // Ростовский научный журнал. 2016. № 12. С. 34–47.
3. Кравченко Е.А. Женщины в полиции / Е.А. Кравченко. URL: <http://opravdali.ru/poleznye-stati/zhenshchiny-v-policii/> (дата обращения: 13.05.2019).
4. Ларькин С.И. Исторические предпосылки и причины поступления женщин в органы внутренних дел / С.И. Ларькин // История государства и права. 2008. № 4. С. 10–12.
5. Меняйло Д.В. Территориальные органы внутренних дел дореволюционной России : учебное пособие / Д.В. Меняйло, А.Н. Меняйло, Т.А. Колошина. Белгород : Белгородский юридический институт МВД России, 2014. 94 с.
6. Мигущенко О.Н. Система профилактики правонарушений в Российской Федерации: терминологическая бессистемность / О.Н. Мигущенко // Российский следователь. 2017. № 8. С. 45–49.
7. Мигущенко О.Н. Чистка милиции в 20–30-е годы XX века / О.Н. Мигущенко // История государства и права. 2011. № 15. С. 32–36.
8. Примак М.А. Первая женщина в полиции — Онушонок Паулина Ивановна / М.А. Примак, С.Ю. Дергилева // Третьи Путилинские чтения : материалы Всероссийского круглого стола (г. Белгород, 27 апреля 2017 г.) Белгород : БелЮИ МВД России имени И.Д. Путилина, 2017. С. 121–124.

References

1. Didenko A.A. Istoriya organov vnutrennikh del : uchebnoe posobie [The History of Internal Affairs Agencies : textbook] / A.A. Didenko, D.V. Menyaylo. Belgorod : OONiRID BelYuI MVD Rossii — Belgorod : Division of Organization of Research, Editing and Publishing Activities of the Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, 2005. 232 s.
2. Epifanova T.O. Zhenshchiny` — sluzhaschie pravookhranitelny`kh organov: teoriya i praktika [Female Employees of the Law Enforcement Authorities: The Theory and Practice] / T.O. Epifanova // Rostovskiy nauchny`y zhurnal — Rostov Research Journal. 2016. № 12. S. 34–47.
3. Kravchenko E.A. Zhenshchiny` v politsii [Women in Police] / E.A. Kravchenko. URL : <http://opravdali.ru/poleznye-stati/zhenshchiny-v-policii/> (data obrascheniya : 13.05.2019 — date of access : May 13, 2019).
4. Larkin S.I. Istoricheskie predposylki i prichiny` postupleniya zhenschin v organy` vnutrennikh del [Historical Prerequisites and Reasons for the Employment of Women in Internal Affairs Agencies] / S.I. Larkin // Istoriya gosudarstva i prava — History of State and Law. 2008. № 4. S. 10–12.
5. Menyaylo D.V. Territorialny`e organy` vnutrennikh del dorevolutsionnoy Rossii : uchebnoe posobie [Territorial Internal Affairs Agencies of Pre-Revolutionary Russia : textbook] / D.V. Menyaylo, L.N. Menyaylo, T.A. Koloshina. Belgorod : Belgorodskiy yuridicheskiy institut MVD Rossii — Belgorod : Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, 2014. 94 s.
6. Miguschenko O.N. Sistema profilaktiki pravonarusheniy v Rossiyskoy Federatsii: terminologicheskaya bessistemnost [The Offence Prevention System in the Russian Federation: Terminological Fragmentariness] / O.N. Miguschenko // Rossiyskiy sledovatel — Russian Investigator. 2017. № 8. S. 45–49.
7. Miguschenko O.N. Chistka militsii v 20–30-e gody` XX veka [Police Purge in the 1920s to the 1930s] / O.N. Miguschenko // Istoriya gosudarstva i prava — History of State and Law. 2011. № 15. S. 32–36.
8. Primak M.A. Pervaya zhenshchina v politsii — Onushonok Paulina Ivanovna [The First Woman in Police: Paulina Ivanovna Onushonok] / M.A. Primak, S.Yu. Dergileva // Tretiye Putilinskie chteniya : materialy` Vserossiyskogo kruglogo stola (g. Belgorod, 27 aprelya 2017 g.). Belgorod : BelYUI MVD Rossii imeni I.D. Putilina — The Third Putilin Readings : files of the All-Russian Round Table (Belgorod, April 27, 2017). Belgorod : Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, 2017. S. 121–124.

DOI: 10.18572/1812-3805-2019-9-51-57

Деятельность государственной автомобильной инспекции управления милиции Управления народного комиссариата внутренних дел Орловской области в годы Великой Отечественной войны

*Гарина Оксана Вячеславовна,
преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин
Орловского юридического института Министерства внутренних дел
Российской Федерации имени В.В. Лукьянова,
кандидат юридических наук
tyouristmail@gmail.com*

В статье анализируется деятельность ГАИ УМ УНКВД Орловской области в период с 1941 по 1945 год, приводятся архивные сведения.

Ключевые слова: ГАИ, Орловская область, Великая Отечественная война.

Activities of the State Automobile Inspectorate of the Police Directorate of the Directorate of the People's Commissariat for Internal Affairs of the Orel Region during the Great Patriotic War

*Garina Oksana V.
Lecturer of the Department of State and Legal Disciplines of the Orel Law Institute
of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.V. Lukyanov
PhD (Law)*

The article analyzes the activities of the State Traffic Inspectorate of the Police Administration of the Office of the People's Commissariat of Internal Affairs of the Oryol Region in the period from 1941 to 1945, and provides historical information.

Keywords: Traffic police, Oryol region, Great Patriotic War.

К началу Великой Отечественной войны сложилась четкая структура и определена компетенция ГАИ, которые подверглись определенной корректировке. Основные направления деятельности Госавтоинспекции управления милиции УНКВД Орловской области аналогичны довоенным, но при их реализации учитывались требования военного времени. Они отражались в планах работ, которые составлялись на один и два месяца, индивидуальном плане сотрудника¹. Их пункты предусматривали проведение регистрации и перерегистрации транс-

портных средств, обследование работы гаражей, обеспечение работы квалификационных комиссий и подготовки шоферов и т.д.

Новшеством в подготовке милиционеров по обучению регулированию дорожного движения стало изучение перевозки легковоспламеняющихся, взрывчатых и других опасных грузов; светомаскировки транспорта; движения транспорта в условиях противовоздушной обороны². В плане специальной подготовки сотрудников ГАИ дополнительно было предусмотрено изучение общей маскировки автотранспорта, правил движения автоко-

¹ ГА ОО. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 2. Л. 3-3 об., 5-5 об.; Л. 1-1 об., Л. 17-17 об.

² ГА ОО. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 2. Л. 2-2 об.

лонны в условиях угрожаемого положения, обязанности водителя машины в условиях угрожаемого положения и воздушной тревоги, устройства автобронемашин и устройства, работы и вождения танков³.

В Орловской области было сосредоточено 25% машин от их общего количества по стране⁴. Для работы в одну смену автотранспорт был укомплектован водителями на 70%⁵. В условиях военного времени испытывалась нехватка квалифицированных водительских кадров. Их готовили при Елецкой школе механизации сельского хозяйства, Задонской школе механизации сельского хозяйства, Елецкой конторе автоуправления. В соответствии с решением исполкома Орловского облсовета делегатов трудящихся, вводилось изучение автомобиля в Елецком пединституте. Освоение автомашин студентами должно было заканчиваться к началу уборочных сельскохозяйственных работ⁶. В 1943 году в Орловской области остро ощущалась необходимость в преподавательских кадрах в автошколе. Начальник ГАИ УНКВД Орловской области Бунин в своем обращении к начальнику «ТРАНСЭНЕРГОКАДРЫ» НКВД РСФСР обосновывал необходимость организации в регионе отдельно учебного комбината⁷.

В городе Ельце при автоуправлении в соответствии с решением СНК СССР № 1666 и решения Орловского областного исполкома депутатов трудящихся были организованы курсы переподготовки шоферов на газогенераторных машинах. Наличие в малом количестве таких автомобилей, невозможность постоянного посещения занятий курсантами в связи с командировками или де-

журствами обуславливали задержку в переподготовке шоферов в установленный срок⁸. При обучении работы с ними возникала трудность — отсутствие самих автомобилей. Недостатки существовали в работе квалификационной комиссии, принимавшей экзамен. На оперативном совещании работников ГАИ УМ УНКВД Орловской области от 23 апреля 1942 г. было указано, что члены квалификационной комиссии неправильно оформляют документы и применяют неправильную методику испытаний. Так, о самой комиссии отсутствовало положение, задавались однообразные вопросы, в связи с отсутствием машины практическая часть испытания не проводилась⁹.

Указанная проблема отчасти была разрешена постановлением СНК СССР от 13 апреля 1943 г. № 352 «Об индивидуальном ученичестве шоферов»¹⁰, утвердившим Положение об индивидуальном ученичестве шоферов на автотранспорте¹¹.

По предложению заместителя народного комиссара внутренних дел СССР комиссара государственной безопасности 3-го ранга Серова, в целях более полного обеспечения автомобильного транспорта водительскими кадрами, было рекомендовано внести следующие изменения в существовавшую практику работы квалификационных комиссий Госавтоинспекций:

— при возбуждении автохозяйствами или шоферами ходатайства о досрочном восстановлении в правах водителей, лишенных удостоверений за различные нарушения, возвращать удостоверения без испытаний и медицинского освидетельствования, за исключением лиц, лишенных прав по суду;

³ ГА ОО. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 2. Л. 7-7 об.

⁴ ГА ОО. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 6. Л. 48.

⁵ ГА ОО. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 6. Л. 39.

⁶ ГА ОО. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 6. Л. 10.

⁷ ГА ОО. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 6. Л. 39.

⁸ ГА ОО. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 6. Л. 29.

⁹ ГА ОО. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 2. Л. 14-14 об.; Д. 3. Л. 14.

¹⁰ ГА ОО. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 3. Л. 24.

¹¹ ГА ОО. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 3. Л. 25.

— возвращать водительские удостоверения лицам, идущим в ряды Красной Армии и ВМ флота, ранее лишенным прав на управление автотранспортом в административном порядке. Основание к возврату служат повестки военкомата;

— в случае нарушения правил движения или эксплуатации автотранспорта, аварий и т.д. накладывать денежные штрафы, заменять талоны, отдавать под суд и т.д., не отбирая водительского удостоверения, в качестве меры административного наказания¹².

Количество автотранспорта в Орловской области возросло после освобождения территории от немецко-фашистских захватчиков. Парк пополнился за счет машин, возвращенных из эвакуации и в результате выявления бесхозного транспорта. В освобожденные районы направлялись автомашины из других регионов страны. В пути следования к пункту назначения они подвергались разукрупнению, что устанавливалось при проверке технического состояния прибывавших транспортных средств. Госавтоинспектор ГАИ УМ НКВД Орловской области младший лейтенант милиции Шишанов в своем заключении о разукрупнении автомашин в Становлянской МТС Орловской области указал, что «разукрупнение автомашин и вывод, таким образом, их из строя является антигосударственной деятельностью, направленной к срыву сельхозработ, что наносит прямой ущерб обороноспособности страны, а поэтому на основании вышеизложенного виновные в разукрупнении автомашин — директор МТС Пискарев и ст. механик Александров подлежат ответственности в уголовном порядке»¹³.

Технический осмотр автотранспортных средств проводили сотрудники ГАИ. Они выявляли факты нарушения правил содержания и эксплуатации автомашин, условий хранения и эксплуатации резины, правил монтажа и демонтажа шин и надлежащего давления воздуха в них. В автохозяйствах сотрудники ГАИ проводили периодические осмотры техники и условий ее содержания. Как правило, все недостатки заключались в отсутствии ремонтных мастерских или необходимого оборудования в них, запчастей и кадров.

Инспектирование состояния автотранспорта в районах области предусматривало проведение комплекса проверочных мероприятий¹⁴, направленных на установление количества, определение состояния и принадлежности машин, проведение регистрации и в случае необходимости их восстановление, выявление лиц, не имевших водительского удостоверения, и проведение специального экзамена.

Директива НКВД СССР от 28 сентября 1944 г. № 29-г-3389 предусматривала проведение годового технического осмотра автомобилей, мотоциклов, тягачей на резиновом ходу и прицепов в целях увеличения числа ходовых и неисправных автомобилей, а также уточнения наличия и ведомственной принадлежности автотранспорта¹⁵.

Директива НКВД от 1 октября 1945 г. № 29-г-3116 устанавливала срок проведения технического осмотра — ноябрь — декабрь, в ходе которого:

— со стороны учреждений и организаций народного хозяйства госавтоинспекторам должно было оказываться содействие в целях своевременного и качественного проведения технического осмотра;

¹² ГА ОО. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 6. Л. 64-64 об.

¹³ ГА ОО. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 3. Л. 64.

¹⁴ ГА ОО. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 2. Л. 19-19 об.

¹⁵ ГА ОО. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 11. Л. 3-3 об.

— в РО НКВД следовало завести списочный учет автомотомашин по форме: наименование автохозяйств, наркомат, тип и марки машин, госномерной знак, № двигателя, № шасси, год выпуска;

— проводилась регистрация машин, не состоящих на учете в ГАИ НКВД. При выявлении нарушений правил учета автомотопарка (несвоевременная регистрация, езда без номерных знаков или со знаками, переставленными с другой машины, и т.д.) составлялся протокол и передавался госавтоинспектору для привлечения виновных к административной ответственности;

— при выявлении госавтоинспектором фактов хищнической эксплуатации машин, хищения горючего и т.п. производилось расследование и виновные привлекались к уголовной ответственности¹⁶.

Директива НКВД СССР от 11 мая 1945 г. № 258 предусматривала комплекс действий по подготовке к техническому осмотру автомобилей и мотоциклов, принадлежащих учреждениям и организациям Орловской области, в июне — июле 1945 г.¹⁷. Она содержала сходные положения с Директивой НКВД СССР от 28 сентября 1944 г. № 29-г-3389.

Сотрудники ГАИ обследовали автохозяйства организаций для выявления недостатков и предложения путей их разрешения, установления причин невыполнения государственных заданий. Так, старшему госавтоинспектору Карачевского участка мл. лейтенанту милиции Фокину поручили проверить техническое состояние, использование автомашин по прямому назначению, обеспеченность водительским составом Карачевских лесокombината и лес-

промхоза, так как они не выполняли план по вывозке лесоматериалов¹⁸.

В процессе обследования автохозяйств сотрудники ГАИ осуществляли контроль за расходом бензина. 10 ноября 1941 г. Экономический совет при СНК СССР принял постановление «О технических нормах расхода автобензина и смазочных материалов для автомототранспорта»¹⁹. По фактам проверки милиционер составлял акты, которые направлялись в ОБХСС, а также милиционеры привлекали к ответственности виновных лиц, назначая административное наказание в виде штрафа. Так, в ходе проверки гаража Орловского обкома ВКП (б) был установлен факт пережога горючего, что нарушало требования постановления СНК СССР № 1750. Эта же проверка констатировала улучшение технического состояния парка за счет отремонтированных автомашин, требовавших текущего ремонта, и за счет непосредственного участия в ремонте зав. гаражом т. Павлова и выявила неорганизацию ремонтных мастерских, неукomплектование штата гаража²⁰. В 1945 году в ОБХСС для расследования и привлечения виновных к ответственности были отправлены материалы проверки:

— гаража Орловского обкома ВКП (б) 28 января 1945 г., где выявлены недостатки, связанные с отсутствием контроля: со стороны бухгалтера гаража Терентьевой за расходом горюче-смазочных материалов, что привело к приписке несуществующих рейсов и увеличению километража в путевых листах;

— гаража Орловского обкома ВКП (б) 28 января 1945 г., в котором завгар Уманец нарушал требования постановления СНК СССР 1944 г. № 478, в частности, отсутствовала картотека учета

¹⁶ ГА ОО. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 11. Л. 38.

¹⁷ ГА ОО. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 11. Л. 5.

¹⁸ ГА ОО. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 10. Л. 5.

¹⁹ СП СССР. 1940. Ст. 762.

²⁰ ГА ОО. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 6. Л. 47.

авторезины и не соблюдались правила хранения новой авторезины²¹;

— автохозяйства Орловского птицекомбината, бывший директор которого Георгиевский в январе 1945 г. купил у шоферов одной войсковой части две бочки бензина в количестве 400 л, что способствовало расхищению стратегического сырья в военное время²².

Штрафные санкции применялись в отношении:

- Бухгалтера Облуполнаркомзага И.Ф. Самохвалова за ненадлежащий учет расхода горючего и его перерасход; неправильное оформление путевых листов, выражавшееся в проставлении одного и того же маршрута за разные числа месяца и километража пробега²³.

- Гл. механика СВУ № 3 ст. Орел Е.Т. Малявкина за ненадлежащее хранение резины и аккумуляторов, правила которого установлены постановлением СНК СССР 1944 г. № 478²⁴.

- Гл. бухгалтера Элеваторстроя Семеновко за нарушение учета расхода горючего и правил хранения резины в гараже Орловского элеваторстроя²⁵. Помимо указанного должностного лица, к ответственности привлекался и его руководитель — начальник Орловского элеваторстроя Москаленко²⁶.

Большое внимание уделялось организации движения транспорта и пешеходов. Несмотря на предпринимаемые усилия, аварийность оставалась высокой. Причины этого явления обсуждались на совещаниях работников взвода РУД и ГАИ УМ УНКВД Орловской области. В качестве негативных факторов отмечались личная недисциплинированность сотрудников, отсутствие тре-

бовательности к водителям и свистков у регулировщика, оставление места несения службы — перекрестка²⁷.

Помимо регулирования движения сотрудники проводили осмотр автомашин и проверку документов. В адрес заместителя начальника УНКВД по милиции Орловской области полковнику милиции Короткову поступило отношение начальника тюрьмы № 1 УНКВД Орловской области ст. лейтенанта государственной безопасности Аникина о запрете работникам автоинспекции задерживать машину, которая возит воду для заключенных, так как это приводит к срыву подвоза воды и создаются условия для побега заключенных²⁸. При регулировании уличного движения сотрудники выявляли факты внесения изменений в конструкцию машин²⁹.

Проверка машин позволяла выявлять факты перевозки в грузовом транспорте людей и использования государственного транспорта в личных целях или ради наживы. Так, в г. Орле был задержан шофер подсобного хозяйства Курского лесснабсбыта П.И. Касаткин за незаконную перевозку пассажиров и употребление во время работы спиртных напитков³⁰. Директор подсобного хозяйства коммунальных предприятий г. Орла С.И. Урывский и шофер А.Д. Иванов за перевозку пассажиров в корыстных целях подверглись административному наказанию в виде штрафа в размере 300 руб.³¹.

Постановление СНК СССР от 4 марта 1943 г. № 335 возложило на органы милиции дополнительную обязанность, предусматривающую проведение дежурств на диспетчерских пунктах в целях оказания помощи работникам автоконтор и принятия ад-

²¹ ГА ОО. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 16. Л. 12.

²² ГА ОО. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 16. Л. 128.

²³ ГА ОО. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 16. Л. 13.

²⁴ ГА ОО. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 16. Л. 41.

²⁵ ГА ОО. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 16. Л. 51.

²⁶ ГА ОО. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 16. Л. 52.

²⁷ ГА ОО. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 5. Л. 13–14.

²⁸ ГА ОО. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 3. Л. 127.

²⁹ ГА ОО. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 8. Л. 13.

³⁰ ГА ОО. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 8. Л. 67.

³¹ ГА ОО. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 8. Л. 73, 75, 83.

министративных мер к водителям и руководителям автохозяйств, уклонявшимся от выполнения нарядов на загрузку порожних автомашин оборонными грузами, топливом, зерном, промтоварами и т.п.³²

В годы войны и по ее окончании ГАИ взаимодействовала с военным командованием в области контроля за движением воинских автомашин. ГАИ активно направляла в распоряжение воинских частей сообщения о допущении нарушений правил уличного движения военнослужащими. Директива Главного военного прокурора Красной Армии от 21 ноября 1942 г. № 0139/1-Д касалась вопросов борьбы с нарушениями водителями автотранспорта правил уличного движения³³. Необходимость пресечения таких фактов была связана с тем, что при задержании водителя-виновника, являвшегося военнослужащим, он оказывал вооруженное сопротивление работникам милиции, избивал последних. В отдельных случаях виновниками аварий, катастроф и наездов являлись лица: начальствующего состава, не имевшие право вождения машин, тем не менее отстранявшие водителя от управления и сами садившиеся за руль. Военные прокуроры к таким водителям относились либерально и ограничивались возбуждением дисциплинарного производства. Данное обстоятельство позволяло сформировать сознание безнаказанности у субъекта. В целях недопущения этого предлагалось усилить борьбу против недисциплинированности отдельных военнослужащих, приводящей к происшествиям, для чего:

— водителей, виновных в злостном нарушении правил вождения автомашин и, в частности, совершивших аварии, катастрофы или наезды, будучи

в нетрезвом состоянии, привлекать к уголовной ответственности;

— привлекать к строжайшей ответственности командиров, не принимавших мер борьбы с распущенностью подчиненного им водительского состава и допускавших нарушения правил эксплуатации автотранспорта³⁴.

25 декабря 1943 года ст. лейтенант милиции Лукьянов был препровожден к генерал-майору, который заявил, что вопрос о нарушении правил уличного движения водителем автомобиля военной комендатуры уладят сами. Произвести осмотр машины на наличие следов столкновения с автомашиной милиционера, регулировавшего движение, Лукьянову не дали, так как выставили часового. О данном факте Лукьянов сообщил своему руководителю³⁵. На оборотной стороне рапорта указаны ошибки Лукьянова: сел в машину с неизвестными людьми; не попросил представить документы, удостоверяющие их личности; сообщил о данном факте лично, а не сразу по телефону.

20 января 1944 года в г. Орле Е.Д. Чижиков, который не имел шоферского удостоверения, допустил столкновение со встречной машиной. Командиру 225-го автобатальона капитану тов. Фоменко из г. Воронежа предлагалось привлечь водителя Чижикова за совершенную аварию к дисциплинарной ответственности и в дальнейшем не имеющих шоферских прав для управления к автомашинам не допускать³⁶.

Правила уличного движения по г. Орлу, утвержденные Исполкомом Орловского Горсовета депутатов трудящихся 8 июля 1944 г. № 322, изучались всем личным составом отделений. Сотрудники ГАИ осуществляли контроль за выполнением правил движе-

³² ГА ОО. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 10. Л. 16.

³³ ГА ОО. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 3. Л. 108.

³⁴ ГА ОО. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 3. Л. 109.

³⁵ ГА ОО. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 8. Л. 2.

³⁶ ГА ОО. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 8. Л. 5.

ния водителями транспорта и пешеходами³⁷.

Агитмассовая работа занимала важное место не только в политике государства, но и в деятельности по обеспечению безопасности дорожного движения. Война не остановила агитационные работы по предупреждению нарушений правил дорожного движения. Они продолжали вестись активно, несмотря на дефицит бумаги, перегруженность радиовещания и сложность выпуска кинофильмов по этой тематике. С гражданами проводились различные беседы. Например, о порядке посадки в трамвай пассажиров через переднюю площадку моторного вагона³⁸.

Агитационная работа велась с самими сотрудниками ГАИ и работниками гаражей. В ГАИ составлялся План проведения агитмассовой работы по популяризации правил уличного движения среди детей и взрослого населения. В школах проводились беседы по темам: «О поведении учащихся на улице во время внешкольных занятий» и «О соблюдении правил уличного движения (для учащихся старших классов проводят инспектора)», по радио транслировалось обращение к населению «О соблюдении правил уличного движения», в газете «Орловская правда» публиковалась статья по материалам аварий и нарушений правил уличного движения, на центральных улицах и площадях размещались панно, пропагандирующие соблюдение правил дорожного движения³⁹.

Разъяснительная работа велась с личным составом и сотрудниками автохозяйств. Так, с 26 мая по 30 мая 1945 года ст. госавтоинспектор Совет-

ского района провел совещания с водительским составом и руководителями автохозяйств в гаражах НКВД и УНКГБ по Орловской области по вопросам подготовки автотранспорта к полугодовому техническому осмотру и борьбы с дорожными происшествиями и нарушениями. В Третьем отделении милиции г. Орла проводились три беседы с рядовым составом милиции по правилам уличного движения и задачам постовых милиционеров по пресечению дорожных происшествий⁴⁰.

Пропаганда правил дорожного движения была связана со взаимодействием с общественными организациями. Оно на этом не заканчивалось. Учреждения, в частности областная контора «АВТОТЭК», предлагали руководству Орловской областной ГАИ УМ НКВД установить дежурство милиции на диспетчерско-контрольных пунктах на развилке дорог на Москву и на Болхов — у тюрьмы⁴¹.

Анализ направлений деятельности ГАИ продемонстрировал, что в условиях войны одной из ее основных задач была мобилизация транспорта для нужд фронта. Дополнительными обязанностями были надзор за использованием транспорта в тылу, техническим состоянием машин, их ремонтом и обеспечением запасными частями. Сотрудники ГАИ следили за расходом бензина, использованием автомобильных покрышек, аккумуляторов, газогенераторных автомобилей, а также списанием и выбраковкой автомобилей, нерентабельных к восстановлению. Они ежемесячно представляли отчеты в правительственные органы о наличии и состоянии автопарка. На ГАИ был возложен контроль за подготовкой водительских кадров.

³⁷ ГА ОО. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 8. Л. 156.

³⁸ ГА ОО. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 18. Л. 1.

³⁹ ГА ОО. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 18. Л. 2.

⁴⁰ ГА ОО. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 19. Л. 35.

⁴¹ ГА ОО. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 8. Л. 93.

Проблема понимания «национальных скреп» в контексте сравнительно-исторического анализа российского политогенеза

*Ромашов Роман Анатольевич,
профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности
Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов,
профессор кафедры теории права и гражданско-правовых дисциплин
Института экономики и права Петрозаводского государственного университета,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор
romashov_tgp@mail.ru*

На основе проведенного сравнительно-исторического анализа интегрирующих факторов, которые с определенной долей условности могут быть названы «национальными скрепами», показывается их особенности на различных циклах российского политогенеза. Выдвигается и аргументируется гипотеза о прерывистости (цикличности) истории Российского государства. Предлагается рассматривать народ России в качестве социально-правовой конструкции, в основу единства которой на различных этапах российской государственной истории были положены существенным образом отличающиеся друг от друга «национальные скрепы».

Ключевые слова: Российское государство, российский народ, национальные скрепы, российский император, православие, труд, коммунизм, Великая Октябрьская социалистическая революция, Великая Отечественная война, президент России.

The Issue of Interpretation of National Ties in the Context of a Comparative and Historical Analysis of the Russian Politogenesis

*Romashov Roman A.
Professor of the Department of Theory of Law and Law Enforcement
of the St. Petersburg University of Humanities and Social Sciences
Professor of the Department of Theory of Law and Civil and Legal Disciplines
of the Institute of Economics and Law of the Petrozavodsk State University
Honored Scientist of the Russian Federation
LL.D., Professor*

On the basis of a comparative historical analysis of integrating factors, which with a certain degree of conditionality can be called national clauses, their features are shown on various cycles of Russian political genesis. The hypothesis of discontinuity (cyclical) of the history of the Russian state is being advanced and argued. It is proposed to consider the people of Russia as a socio-legal construction to the foundation, the unity of which at different stages of Russian state history was marked by essentially national braces differing from each other.

Keywords: Russian state, Russian people, national ties, Russian emperor, Orthodoxy, labor, communism, Great October Socialist Revolution, Great Patriotic War, President of Russia.

Кто живет в Америке? Американцы. В Германии? Немцы, а если правильно — германцы. В Польше? Поляки. В России? Русские? Или россияне? Или многонациональный народ Российской Федерации? Скажете: а в чем разница? С одной стороны, разницы, казалось бы, нет. С другой стороны, отличия имеются, причем существенные. Для

того чтобы понять суть вопроса, следует обратиться к не такой уж и глубокой истории своего государства. Не обо греша против исторической правды, можно сказать, что Россия как целостное, многонациональное государство появилось в конце XV в., когда Великое княжество Московское, существовавшее наряду с Рязанским, Тверским, Вла-

димирским и многими другими «русскими землями», стало именоваться Русским Царством, а возглавлявший его монарх — Царем Всея Руси. Возникновение единого русского государства, как правило, связывают с процессом «собираения земель русских», при этом не акцентируя внимания на том, что примерно в это же время этим же самым, т.е. «собираением русских земель», наряду с Московским, занималось другое великое княжество — Литовское, которое, кстати, в полном своем наименовании звучало следующим образом — Великое Княжество Литовское и Русское. И когда мы сейчас с гордостью за дела наших, вне всякого сомнения, великих предков ежегодно отмечаем 4 ноября Всероссийский день народного единства, славя могучий русский народ, объединившийся перед лицом польских агрессоров, изгнавший их из Москвы и освободивший Землю Русскую от захватчиков, то вольно или невольно не договариваем, что изгоняли то в большинстве своем не «польских поляков», а представителей «многонационального народа Речи Посполитой», большинство из которых были из вполне себе русских княжеств, входивших на тот исторический период в состав, говоря современным языком, литовского государства, которое, в свою очередь, являлось частью «Литовско-Польской конфедерации», или «унии».

Впрочем, как возникло единое русское государство, сейчас для нас не особенно важно. Главное, что оно возникло и что в нем жили русские люди, объединяемые властью русского царя (впоследствии императора) и русской верой. Именно тогда и сформировались в общественном сознании две национальные скрепы, делающие из отдельных русских людей единое целое — русский мир. Скрепками этими стали русский царь (император) и русская вера. Причем, что очень важно, для цар-

ской (императорской) России (Руси) слово «русский» обозначает не национальность, позволяющую «по паспорту или анкетной графе» отличать русского от украинца, еврея, якута, татарина и т.п., а конфессиональность. Русский человек — это носитель и защитник русской веры — православия. Причем, не православия в его всеобщем «вселенском» значении, как, к примеру, католицизма или ислама, а сугубо национального — русского, неразрывным образом связанного с главным проводником его в «широкие народные массы» — Русской православной церковью. В таком понимании русский в самой России — это православный человек, а за ее пределами — любой выходец из «русского государства».

Русским царем мог стать только русский (см. православный) представитель царской династии, коих в российской государственной истории было две — Рюриковичи и Романовы. Последним из Рюриковичей был не кто иной, как, собственно, «первоправитель» Русского царства (всея Руси) — Иван Васильевич, он же Иван IV, он же Грозный. Именно при нем сила Российского государства начала рассматриваться в неразрывной ассоциации со страхом, который государство в целом и его царь в частности должны вызывать как у «соседей», так и у собственных жителей. Не случайно англичане переводили титулатуру русского царя не как «Грозный», а как «Ужасный», акцентируя внимание на тех эмоциональных переживаниях, которые этот русский правитель вызывал в душах как собственных подданных, так и тех, с кем сталкивался «на ниве внешней политики». Правление Ивана Грозного (Ужасного) закончилось традиционно для российской «сильной государственной власти»: отсутствие законного наследника, упадок и запустение хозяйственной деятельности, смута, как итог — польское

нашествие, завершившееся захватом Москвы.

Возрождение русского государства и преодоление им периода «политико-правового хаоса» стало в большей степени заслугой не русского царя, которого в переломный для России период попросту не было, а самого русского народа, продемонстрировавшего в сложных условиях способность сплотиться и победить врага. Вот только одержанная победа практически ничего не изменила в самой модели русской государственности. Избрание на царство представителя боярского рода Романовых являло собой стремление воссоздать традиционные управленческие конструкции, ориентированные на «государя российского», вне которого русский народ собственной жизни не представлял. При этом новый царь — Михаил Федорович, по свидетельству очевидцев, был человеком не особо грамотным, тихим, боязливым, не имевшим какого бы то ни было опыта управленческой либо военной деятельности. Как это ни парадоксально, именно подобная «серость» обусловила достижение компромисса противоборствующих политических сил и избрание Михаила Федоровича новым российским царем, о чем, кстати, он сам узнал уже после того, как решение было принято, и достаточно долго сомневался, принимать это решение или нет. Основания к таким сомнениям были достаточно весомыми, ведь четыре предыдущих правителя и претендента на престол (Федор Годунов, Василий Шуйский, Лжедмитрий I и Лжедмитрий II) оказались убитыми или умершими под арестом. Зная столь удручающую тенденцию, которую склонные к мрачному юмору англичане перевели в область поговорки «Когда обезглавливают королей — это издержки профессии», поневоле задумаешься. Но, как бы то ни было, выбор был сделан, и в Рос-

сии на 300 лет утвердилась царствующая династия Романовых.

Пресловутой «национальной скрепой» в условиях Российской империи стала триада графа Уварова «Православие. Самодержавие. Народность». В рамках этой триады русский народ и русский царь (император) объединяются так же, как объединяются дети и отец. Последний строг, но справедлив. Любить своих «неразумных детей» и делать с ними все, что считает нужным и должным царь-отец, отвечающий в своих решениях и поступках только перед своей совестью и Богом, — это то, на чем основывалась Российская империя, полагавшая себя «вечным Третьим Римом», но не сумевшая выстоять в извечной видовой «борьбе за жизнь».

Советское российское государство пришло на смену царской (императорской) России, разрушив ее и провозгласив собственное начало, — новая веха не только в собственной (национальной), но и в мировой истории. Естественно, в новом государстве должен был жить новый народ — народ-победитель, сумевший «разрушить мир насилием», отрекшийся от «химер царского прошлого» и воздвигающий на «обломках самовластья» собственный «новый мир строителей коммунизма», в котором «кто был никем, тот станет всем».

Поскольку «новый мир» на этапе строительства социализма предполагал сохранение государства, то возникла необходимость пересмотреть и предложить народу новые национальные скрепы, объединяющие представителей различных национальностей в единую многонациональную общность — советский народ. Такими скрепами стали всеобщий обязательный труд, коммунизм, социалистическая революция.

В отличие от Российской империи, делившей подданных на «благородных» и «безродных», «господ» и

«простолюдинов»¹, советская Россия, отказавшись от сословной дифференциации, начала оперировать внесословными понятиями «товарищ» и «гражданин». Товарищи — это пролетарии, и беднейшие крестьяне — трудовой народ, объединенный не по национальному и не по конфессиональному, а по социально-классовому принципу: «Кто не работает, тот не ест», «Пролетарии всех стран, соединяйтесь». В отличие от имперских русских, советских людей — товарищей объединяло не общее служение православному Богу и православному императору, а безусловное подчинение социалистическому государству, в котором место государственной православной религии заняла государственная коммунистическая идеология и которое обладало исключительным правом деления населения на товарищей и граждан. Отношение к последним было либо отстраненно-официальным: «Граждане, переходите улицу на зеленый сигнал светофора», либо враждебным: «Граждане бандиты, при оказании сопротивления вы будете уничтожены». Обращение «товарищ / гражданин» являлось наглядным отражением отношения со стороны государства к тем, кто своим поведением демонстрировал стремление идти «в едином строю к сияющим вершинам коммунизма», и к тем, кто в этом строю идти не хочет либо не должен.

Коммунизм в структуре советских «скреп» был призван вытеснить из ин-

дивидуального и общественного сознания религию, заменить веру в Бога верой в торжество идеалов добра и справедливости в земной жизни. «Не мы, так дети наши будут жить при коммунизме». В отличие от религиозного плюрализма, допускавшего существование наряду с государственной религией (православием) допустимых (традиционных мировых) религий, а также атеизма (безбожия), коммунистическая идеология представляла собой монистическое учение, возведенное в ранг государственного догмата: «Учение Маркса всеильно, потому что оно верно» и не допускавшее не только несогласия и уж тем более отрицания (антикоммунизма), но и каких бы то ни было критических интерпретаций (ревизионизма). В качестве национальной скрепы коммунизм закреплял «нерушимый союз коммунистов и беспартийных», объединенных общей целью — построением бесклассового коммунистического сообщества, а также являлся научной основой (научным обоснованием) объединения народов, населяющих союзные республики в единую многонациональную общность — советский народ².

² Впервые социально-правовая конструкция «многонациональный советский народ» была введена в юридический оборот Конституцией СССР 1977 г. В преамбуле Конституции было закреплено следующее положение: «Общество зрелых общественных отношений, в котором на основе сближения всех классов и социальных слоев, юридического и фактического равенства всех наций и народностей, их братского сотрудничества сложилась новая историческая общность людей — советский народ». По традиции советского конституционализма конституции всех союзных республик принимались в течение года, следующего за годом принятия союзной конституции. При этом в текстах всех республиканских конституций 1978 г. отмечалось, что их народы являются составными частями единого «советского народа». В частности, в преамбуле Конституции РСФСР 1978 г. говорилось: «Народ Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, руководствуясь идеями научного коммунизма, сознавая себя неотъемлемой частью всего советского

¹ Напомним, «эй, человек» в Российской империи использовалось, как правило, для обращения к официантам в ресторане и по значению было примерно таким же, как «эй, извозчик», «эй, носильщик» и т.п. Присутственное помещение в барском доме, называемое «людская», предназначалось для размещения слуг. Таким образом, сам по себе «человек» в условиях царской России «не звучал гордо». «Чело-век! Это — великолепно! Это звучит... гордо! Че-ло-век! Надо уважать человека». Выражение из пьесы М. Горького «На дне» (1902). URL: <http://cityat.yu.ru/chelovek-%E2%80%93eto-zvuchit-gordo> (дата обращения: 02.08.2019).

Если обязательный труд «скреплял» советских граждан, так сказать по классовому признаку, коммунизм рассматривался в качестве «общего светлого будущего», то социалистическая революция играла роль «исторического начала», задающего отсчет «новой истории, нового государства, нового мира».

Интересно, что сам В.И. Ленин называл вооруженный захват государственной власти в октябре 1917 г. «октябрьским переворотом», полагая его лишь одним из инструментов революционного движения. Так, выступая на заседании ВЦИК 24 февраля 1918 г., он говорил: «Конечно, приятно и легко бывает говорить рабочим, крестьянам и солдатам, приятно и легко бывало наблюдать, как после Октябрьского переворота революция шла вперед...»³ Придание государственному перевороту сакрального характера «великой революции», ставшей началом нового этапа истории человечества, произошло через 10 лет после случившегося события.

7 ноября 1927 года был впервые официально использован и введен в широкий оборот термин «Великая Октябрьская социалистическая революция»⁴.

Вплоть до 1990 г. именно Революция рассматривалась в качестве главного события XX в., а ноябрьский праздник являлся главным праздником страны Советов и советского народа. Именно в этот день в столице СССР г. Москве проходил военный парад, сопровождаемый демонстрацией трудящихся, что

наглядным образом демонстрировало единство советского народа и советской армии. Вторым по политической значимости был День Международной солидарности трудящихся — 1 мая. В этот день в СССР в период с 1922 по 1968 г., так же как и 7 ноября, в столице проходили военные парады и проводились демонстрации. Что же касается военных парадов на 9 Мая, то они в Советском Союзе проводились лишь дважды, в связи с юбилеями Победы в Великой Отечественной войне в 1965 и 1985 гг.

Распад СССР обусловил появление на политической карте мира 15 самостоятельных суверенных государств, в число которых входила и Российская Федерация. Однако, в отличие от бывших «братских» союзных республик, которые стали писать собственные «новые государственные истории», Россия не только заявила о собственной суверенности, но и провозгласила себя правопреемницей СССР, обосновав тем самым собственное право на место в «линейной истории», в рамках которой Российская империя, СССР, Российская Федерация — это последовательные этапы единой государственной истории единого российского государства.

В качестве наглядного доказательства подобного рода стремления можно привести попытку объединить в государственной символике Российской Федерации имперский флаг и герб с советским гимном, слова которого в третий раз за его многолетнюю историю были адаптированы к произошедшим изменениям.

Конституция Российской Федерации 1993 г. закрепила конструкцию «многонациональный народ Российской Федерации», допустив при этом как минимум две грамматические ошибки. Прежде всего многонациональный народ как целостное явление — это единственное число, что подтверждает ст. 3 Конституции, гласящая: «Носителем суверени-

народа... принимает и провозглашает настоящую Конституцию».

³ Ленин В.И. Доклад на заседании ВЦИК 24 февраля 1918 года // ПСС. 5-е изд. Т. 35. М.: Изд-во политической литературы, 1974. С. 377.

⁴ См.: Лазарев С.Н. Как октябрьский переворот 1917 стал «Великой Октябрьской социалистической революцией». URL: http://lazarev.org/ru/interesting/full_news/kak_oktyabrskij_perevorot_1917_sta_velikoj_oktyabrskoj_socialisticheskoy_r/ (дата обращения: 01.08.2019).

тета и *единственным источником* власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ» (курсив наш. — Р.Р.). Вместе с тем в преамбуле использована устаревшая и вышедшая из широкого употребления форма «Мы многонациональный народ...», использовавшаяся в словарном обороте Российской империи, для того, чтобы подчеркнуть патримониальный характер государственной власти императора: «Мы, Николай II».

Еще одно несоответствие: «Мы, многонациональный народ... соединенные общей судьбой...» В данном случае логичнее и правильнее было бы использовать словосочетание «Мы, граждане Российской Федерации...» и далее по тексту. Но авторы проекта Конституции, скорее всего, руководствовались стремлением показать «новую Россию» не как партнерский союз равных субъектов права: свободных граждан и административно-территориальных образований (юридически равных субъектов Федерации), а как целостный русский мир («Россию единую неделимую»). Если же говорить о «новой России», с позиции сохранения традиционного видения единого российского (русского) мира, то безусловно актуализируется вопрос об объединительных принципах, тех самых «национальных скрепах», обуславливающих «нерушимое единство» народов современной России на скольконибудь продолжительную хронологическую перспективу.

Очевидно, что в настоящее время «скрепы», обуславливавшие «единство» русского (имперского) и советского народов, для объединения российского народа не подходят.

Православие утратило государственный статус и в юридическом отношении является всего лишь одним из религиозных направлений по своему формальному статусу, не отличающемуся от других

традиционных религий, исповедуемых российскими гражданами.

То же самое можно сказать о коммунистической идеологии, которая в условиях конституционного запрета на установление единой государственной идеологии (ч. 2 ст. 13 Конституции РФ) представляет собой идеологическую платформу одной из политических партий (КПРФ), и не более того.

Труд в условиях современной России утратил общеобязательное значение, а человек труда — пролетарий, крестьянин, интеллигент в настоящее время рассматривается не как «гегемон», а как неудачник — «лузер», не сумевший «пробиться в жизни», так, как это сделали успешные бизнесмены и достигшие «вершин карьерного роста» государственные чиновники.

Что же касается Великой Октябрьской социалистической революции, то она сегодня воспринимается в качестве одного из многочисленных исторических артефактов, оценка которого носит весьма противоречивый характер, предполагающий примерное равенство позиций как тех, кто продолжает оценивать ее положительно, так и тех, кто рассматривает данное событие в качестве величайшей катастрофы. В любом случае из активного политического лексикона государственных деятелей данное явление практически вышло и национальным праздником («День седьмого ноября — красный день календаря») быть перестало.

Таким образом, «старые скрепы» утратили свое «скрепляющее» значение. Вопрос: появились ли новые? Если да, то в чем они заключаются?

Представляется, что в современной России в качестве основных «скреп» выступают две модельные конструкции: это Великая Отечественная война и действующий президент России В.В. Путин.

Возникновение и харизматическую легитимацию первой скрепы можно

проследить как по отношению к минувшей войне в искусстве (прежде всего в кино), так и по воссозданию в 2008 г. широкомасштабных военных парадов и привязанных к войне тематических демонстраций (начиная с 2012 г. «Бессмертный полк»). Причем если проанализировать отражение войны в литературе и живописи, то следует констатировать снижение интереса к этой проблеме как со стороны производителей (писателей, поэтов, художников), так и со стороны потребителей (читателей, посетителей выставок и др.) соответствующего тематического продукта. В частности, проведенный выборочный анализ читательских абонементов публичных, вузовских и школьных библиотек позволяет говорить о повсеместном снижении читательского интереса к книгам, посвященным военной проблематике. Если же говорить о работах современных авторов, то это в большинстве своем «военное фэнтези», посвященное так называемой «альтернативной истории». В современной российской кино- и телеиндустрии тема войны продолжает оставаться безусловно одной из наиболее востребованных. Однако говорить об исторической достоверности применительно к большинству из выпускаемых кинокартин и телесериалов не приходится. Это достаточно типичные образцы государственной пропаганды, основной целью которых является формирование на уровне индивидуального и коллективного сознания идейно-патриотических штампов, по своей сущности подобных тем, которые формировались в советском искусстве относительно Октябрьской социалистической революции. При этом для современного поколения отношение к войне по временному разрыву, а значит, и по внутреннему восприятию примерно то же, что было у поколения «80-х» по отношению к революции. Для современных россиян Великая Отече-

ственная война — это все дальше отдаляющаяся во времени «высокая трагедия», реальная объединительная сила которой в обозримом будущем будет снижаться, поскольку никакое прошлое не может выступать в качестве интегрирующего фактора для будущего.

Восприятие в качестве национальной скрепы фигуры действующего президента России В.В. Путина постарался обосновать в своей статье «Долгое государство Путина» известный современный российский пропагандист В. Сурков, по мнению которого «русской истории известны четыре основные модели государства, которые условно могут быть названы именами их создателей: государство Ивана Третьего (Великое княжество / Царство Московское и всей Руси, XV–XVII века); государство Петра Великого (Российская империя, XVIII–XIX века); государство Ленина (Советский Союз, XX век); государство Путина (Российская Федерация, XXI век)... Большая политическая машина Путина только набирает обороты и настраивается на долгую, трудную и интересную работу. Выход ее на полную мощь далеко впереди, так что и через много лет Россия все еще будет государством Путина»⁵.

Как видим, автор пытается при выстраивании своей позиции «обойти» таких эпохальных и вместе с тем весьма неоднозначно оцениваемых государственных деятелей, как Иван IV (Грозный) и И.В. Сталин, которые в реальности были фактическими «строителями» двух из обозначенных циклов российской истории, но это в данном случае не столь важно. Важно то, что в очередной раз, на уровне государственной пропаганды, предпринимается попытка обоснования концепции «чело-

⁵ Сурков В. Долгое государство Путина // Независимая газета. 2019. 11 февраля. URL: http://www.ng.ru/ideas/2019-02-11/5_7503_surkov.html (дата обращения: 02.08.2019).

век — государственная эпоха», в рамках которой априори заявляется о безальтернативности действующего главы государства и распространения его власти на неопределенное будущее. Есть ли в такой позиции, кстати достаточно традиционной для российской государственной истории, объединительный потенциал? На наш взгляд, нет. История наглядно доказывает, что альтернативное настоящему будущее есть всегда и попытка сохранить в будущем

настоящее заранее обречена на неудачу. Будущее грядет независимо от наших ожиданий и оценок. И в качестве спланированных факторов для тех, кто идет по направлению «в завтра», вряд ли следует рассматривать то, что было ценным «вчера», или, точнее, не следует в качестве основного фактора сплочения рассматривать «вчерашние» ценности, не обозначая и не делая в реальности достижимыми ценности «завтрашнего дня».

Литература

1. Горький М. На дне / М. Горький. URL: <http://cityatly.su/chelovek-%E2%80%93eto-zvuchit-gordo> (дата обращения: 02.08.2019).
2. Лазарев С.Н. Как октябрьский переворот 1917 стал «Великой Октябрьской социалистической революцией» / С.Н. Лазарев. URL: http://lazarev.org/ru/interesting/full_news/kak_oktyabrskij_perevorot_1917_stal_velikoj_oktyabrskoj_socialisticheskoy_r/ (дата обращения: 01.08.2019).
3. Ленин В.И. Доклад на заседании ВЦИК 24 февраля 1918 года / В.И. Ленин // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. В 55 томах. Т. 35: Октябрь 1917 — март 1918. 5-е изд. Москва: Изд-во политической литературы, 1974. С. 376–380.
4. Сурков В. Долгое государство Путина / В. Сурков // Независимая газета. 2019. 11 февраля.

References

1. Gorkiy M. Na dne [The Lower Depths] / M. Gorkiy. URL : <http://cityatly.su/chelovek-%E2%80%93eto-zvuchit-gordo> (data obrascheniya : 02.08.2019 — date of access : August 2, 2019).
2. Lazarev S.N. Kak oktyabrskiy perevorot 1917 stal 'Velikoy Oktyabrskoy sotsialisticheskoy revolyutsiei' [How the October Uprising of 1917 Has Become the Great October Socialist Revolution] / S.N. Lazarev. URL : http://lazarev.org/ru/interesting/full_news/kak_oktyabrskij_perevorot_1917_stal_velikoj_oktyabrskoj_socialisticheskoy_r/ (data obrascheniya : 01.08.2019 — date of access : August 1, 2019).
3. Lenin V.I. Doklad na zasedanii VTsIK 24 fevralya 1918 goda [The Speech at the Meeting of the All-Russian Central Executive Committee on February 24, 1918] / V.I. Lenin // Lenin V.I. Polnoe sobranie sochineniy. V 55 tomakh. T. 35 : Oktyabr 1917 — mart 1918. 5-e izd. Moskva : Izd-vo politicheskoy literatury` — Full Collection of Works. In 55 volumes. Vol. 35 : October 1917 to March 1918. 5th edition. Moscow : Publishing House of Political Literature, 1974. S. 376–380.
4. Surkov V. Dolgoe gosudarstvo Putina [The Putin's Long Governance] / V. Surkov // Nezavisimaya gazeta. 2019. 11 fevralya — Independent Newspaper. 2019. February 11.

Догматическая юриспруденция и философия права: диалог идей (методологические заметки)

*Латынин Олег Анатольевич,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
Крымского филиала Российского государственного университета правосудия,
председатель Арбитражного суда Республики Крым,
кандидат юридических наук
mail@crb.rsuj.ru*

Автор условно выделяет догматическую юриспруденцию и философию права в качестве двух взаимосвязанных граней теоретического правоведения, дает их характеристику по дихотомическому принципу и показывает общую базу — признание семиотической природы права, что дает возможность продуктивного научного диалога, наиболее полно выявляющего конститутивные признаки правовой материи.

Ключевые слова: методология права, догматическая юриспруденция, философия права.

Dogmatic Jurisprudence and Philosophy of Law: A Dialogue of Ideas (Methodological Notes)

*Latynin Oleg A.
Senior Lecturer of the Department of Civil and Legal Disciplines
of the Crimean Branch of the Russian State University of Justice
Presiding Judge of the Commercial Court of the Republic of Crimea
PhD (Law)*

The author conditionally identifies dogmatic jurisprudence and the philosophy of law as two interrelated facets of theoretical jurisprudence, gives their characteristics according to the dichotomous principle and shows a common base — the recognition of the semiotic nature of law, which enables a productive scientific dialogue that most fully reveals the constitutive signs of legal matter.

Keywords: methodology of law, dogmatic jurisprudence, philosophy of law.

В методологии юридических наук сама по себе множественность направлений познания правовой материи далеко не нова. Опуская подробности из истории развития правовой научной мысли, изложение которых не включено в задачу настоящей статьи, в качестве результирующих назовем два вектора:

во-первых, это изучение положительного права, которое существует в действительности в том или ином отдельном государстве;

во-вторых, это изучение права в его принципах и в том его идеальном понимании, за которым традиционно закреплен термин «естественное право»¹.

¹ См., напр.: Нечаев В.М. Право. Статья для Энциклопедического словаря Брокгауза Ф.А. и Ефрона И.А. URL: <http://www.vehi.net/brokgauz/index.html> (дата обращения: 26.06.2019); Коркунов Н.М. Сборник статей: Общие вопро-

Условно обозначим указанные направления как «догматическая юриспруденция» и «философия права» соответственно, имея в виду континентальную правовую традицию, авторское видение и поправку на максимальную обобщенность данных терминов, которая, тем не менее, не несет в себе рисков расплывчатости их понятийного содержания.

Итак, рассмотрим догматическую юриспруденцию и философию права в предельно обобщенном плане — в качестве двух своеобразных граней теоретического правоведения.

Как известно, догматическая юриспруденция сосредоточена на логической интерпретации норм права по общей,

сы права. История права. Государственное право. Международное право. 1877–1897. СПб.: Н.К. Мартынов, 1898. С. 17–64.

универсальной схеме: *толкование*, направленное на раскрытие объективного смысла норм действующего права, ⇒ *построение*, которое заключается в выработке на основании закона механизмов принятия ясного и непротиворечивого решения для каждого юридического дела, ⇒ *систематизация*, ориентированная на возведение взятых из отдельных правовых институтов понятий в ранг категорий правопорядка в целом.

Например, толкование процедурных норм, действующих в гражданском судопроизводстве, применяется не только в ходе того или иного разбирательства дела, но и в целях построения более высоких абстракций, уже на уровне общих принципов, определяющих, в частности, порядок гражданского судопроизводства в федеральных судах общей юрисдикции. В свою очередь, когда эти общие принципы получают дальнейшую категориальную разработку, они экстраполируются на другие виды юрисдикций и тем самым систематизируются в правопорядке в целом, как составная часть реализации идеи судебной защиты права, ее текстуальное воплощение в законодательстве.

Таким образом, подход догматической юриспруденции к праву отличается описательным характером и обособлением юридической материи: право — величина самодовлеющая, и его связи с жизнью в рамках данного направления исследований не рассматриваются в принципе.

Что же касается философии права, то она имеет дело с таким исходным фактическим материалом, как осознание важности благополучного сосуществования людей в обществе, а в пределе — отвечает на вопрос, какой именно правопорядок способен не только надежно обеспечить это благополучие, но и сохранить и приумножить его.

Unus homo — nullus homo: один-единственный, только один человек — он и не человек вовсе, а ничего не значащий ноль, все равно что пустое место.

Проявить же себя по-человечески означает состоять в отношениях с другими людьми и быть способным к согласованию своей личной воли с их интересами, а равно и с общим благом. Справедливо отмечал Ф. Регельсбергер, что «все право существует для людей и через людей. Поэтому надо отправляться от существа человека, для того, чтобы проникнуть в существо права»².

Как следствие, философско-правовая проблематика, направленная в конечном итоге на рациональное обоснование некоего совершенного правопорядка, обширнее догматики и сопряжена с самым широким кругом вопросов, изучаемых не только правоведением, но и другими гуманитарными науками.

Все это означает, что философско-правовой подход является оценочным. Очевидно, что адекватное понимание ценностного смысла права возможно лишь в том случае, если теоретико-познавательный интерес не будет замкнут на самодостаточности права, но и сосредоточится на его разнообразных связях с жизнью.

Следовательно, философия права, в отличие от догматической юриспруденции, не просто допускает, но и с необходимостью предполагает междисциплинарность, когда в изучении одного и того же объекта так или иначе используются научные результаты, полученные представителями различных дисциплин.

Констатируя принципиальную противоположность друг другу идеалистического и реалистического понимания права, а по нашей условной терминологии это не что иное, как философия права и догматическая юриспруденция, профессор Санкт-Петербургского Императорского университета В.М. Нечаев в свое время писал, что они не могут быть примирены между собой³.

² Регельсбергер Ф. Общее учение о праве / под ред. : Ю.С. Гамбаров ; пер. : И.А. Базанов. М. : Т-во И.Д. Сытина, 1897. С. 2.

³ Нечаев В.М. Указ. соч.

По существу, схожие точки зрения известны в идеологическом контексте советского правоведения, а также высказываются в настоящее время в ходе дискуссий о природе права и типах правопонимания.

Так, например, согласно хрестоматийному определению, принятому в 1938 г. Первым совещанием научных работников права по докладу А.Я. Вышинского, право есть «совокупность правил поведения, выражающих волю господствующего класса, установленных в законодательном порядке, а также обычаев и правил общечития, санкционированных государственной властью, применение которых обеспечивается принудительной силой государства в целях охраны, закрепления и развития общественных отношений и порядков, выгодных и угодных господствующему классу»⁴.

Позже, в 60–80-е гг. XX в. данное определение все чаще стали называть «узконормативным» в противовес «широкому», модифицированному в различных вариациях, так или иначе включающих в дефиницию права правосознание, правоотношения, правовые принципы и т.п.

Тем не менее, как «узконормативное» понимание права, так и «широкое» в целом оставались на платформе догматической юриспруденции, мягко говоря, крайне осторожной в возможностях введения в правоведение элементов иного гуманитарного знания. Лишь в 2000-х годах попытки преодолеть такую замкнутость стали тенденцией.

Как отмечал в данной связи И.Ю. Козлихин, по мере утраты марксистско-ленинской философией своего монопольного положения в методологии правоведения его новую парадигму все чаще стали искать вне права, привлекая философию постмодерна, феноменологию в различных ее видах, герменевтику, синергетику, семиотику и даже математику⁵. Но если взаимодей-

ствие между науками и взаимное использование достижений продуктивны, то простое терминологическое «переодевание» бессмысленно или даже вредно, ибо «чужая» терминология, перенесенная на почву юриспруденции из философии, социологии, истории, литературоведения, культурологии, теряет свой особый смысл, сложившийся в лоне иных наук, и приводит либо к путанице, либо к банальности.

Выход из этого тупика И.Ю. Козлихин усматривает в отказе от общей теории права, вместо которой следует развивать самостоятельные юридические науки, имеющие и свой предмет, и свои методы исследования: философию права, социологию права и догму права.⁶

А.Ф. Черданцев в остро полемической статье, направленной против широких интегративных концепций правопонимания, перечисляет нормативность, системность, генетическую и функциональную связь с государством, волевой характер, общеобязательность и обусловленность общественным бытием в качестве элементов устоявшегося правопонимания, сложившегося в советское время на базе материалистической диалектики и идей марксизма. Иное видение права, включающее точку зрения об идейном его содержании, воплощающем представления о справедливости и свободе, названный автор считает «не более чем красивыми словами неопределенного содержания», кроме того, автор квалифицирует его как попытки «влиять» в право «водицы либерализма» в виде «греющих душу либерала» идей, резко осуждает их и полагает, что при таком взгляде право предстает уже не волей господствующего класса, а неким «юридическим кентавром» с «головой, повернутой назад» — бесплодным и устрашающим⁷.

Подобные утверждения представляются нам излишне категоричными, не вполне

⁴ Вышинский А.Я. Основные задачи науки советского социалистического права. М.: Госюриздат, 1949. С. 83.

⁵ Козлихин И.Ю. О нетрадиционных подходах к праву // Правоведение. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2006. № 1. С. 31.

⁶ Там же. С. 40.

⁷ Черданцев А.Ф. Интегративное непонимание права // Журнал российского права. 2016. № 10 // СПС ГАРАНТ-Максимум.

согласуемыми с современными правовыми и жизненными реалиями. Другое дело, что привнесение в юриспруденцию иного понятийно-категориального аппарата и, шире, некоторая интеграция гуманитарных наук в изучении различных аспектов права в известном смысле подобны донорству: и в том и в другом случае важна совместимость «донора» и «реципиента», иначе развивается так называемый кризис отторжения. В данном случае мы имеем в виду то обстоятельство, что обращение к междисциплинарности в исследованиях права вообще и цивилистики в частности продуктивно лишь при условии согласованности базовых допущений и гипотез каждой из наук, в совокупности дающих специфическую интерпретацию сведений о реальности и ее организации. В противном случае, действительно, нас ожидает тупиковая, методологически бесперспективная ситуация.

Итак, условная «догматическая юриспруденция» представляет собой так называемое реалистическое направление в изучении права, является описательной, формально ориентированной и замкнутой в пределах текстуального выражения права, что практически исключает осуществление междисциплинарных исследований.

Условная «философия права» представляет собой так называемое идеалистическое направление в изучении права, является оценочной, аксиологически ориентированной и открытой, выходящей за пределы текстуального выражения права, которое лишь принимается за некую исходную точку, формирующую междисциплинарность. Это своего рода «выход в открытый космос» теорий разной степени общности, разработанных в различных дисциплинах, в категориях которых может происходить новая интерпретация данных о праве.

Здесь мы подразумеваем ту же изначальную терминологическую оговорку: «условная догматическая юриспруден-

ция» и «условная философия права» — это абстрагированное от конкретных, строго очерченных дисциплин обозначение двух основных граней теоретической юриспруденции. Что же касается терминов «реалистическое направление в изучении права» и «идеалистическое направление в изучении права», то их мы заимствуем у Н.М. Коркунова⁸.

Важно подчеркнуть, что, например, в сфере цивилистики упомянутые грани не являются антагонистами. Так, еще в конце XIX в. в специальном руководстве, посвященном изложению общего гражданского права, профессор Геттингенского университета Ф. Регельсбергер писал о естественном праве, заключенном в «жизненных отношениях как таковых», и праве положительном, установленном — оно подобно крепкому фундаменту, в котором нуждается оборот и его движение, и «среди путаницы мнений, желаний, надежд... стоит как скала, о которую разбиваются своекорыстные стремления»⁹. По положительному праву, нормирующему общественную жизнь, решают процессы и судьбы преступников.

Вместе с тем присущие положительному праву непреклонность и неповоротливость могут обернуться и нередко оборачиваются «невыгодой», так как «действуют на жизнь задерживающим образом»¹⁰. В подобных случаях возникает своего рода противоречие между ограниченностью юридической нормы и разнообразием оборота, а снимается оно привлечением к решению юридических вопросов норм, «вырабатываемых при помощи высших принципов права»¹¹.

Таким образом, между положительным правом, установленным и подкрепленным принуждением, и правом естественным, заимствованным из природы

⁸ См.: Коркунов Н.М. Указ. соч. С. 17–64.

⁹ Регельсбергер Ф. Указ. соч. С. 21–23.

¹⁰ Там же. С. 22.

¹¹ Там же. С. 23.

вещей, *naturalis ratio* — непреодолимого барьера нет и быть не может.

С одной стороны, «всякому члену общества должна быть предоставлена возможность прочитать в ясном письме то, с чем ему приходится сообразовать свой повседневный образ действия, и осведомиться, в каких случаях он может ожидать для себя защиты права»¹².

С другой стороны, «разумное, тщательное изучение жизненных отношений» позволяет отыскать «природу вещей» и, «опираясь на стремление к нравственному порядку», добыть оттуда юридические идеи, с тем чтобы затем воплотить их в положительном праве и тем самым вновь поставить «на службу нашим жизненным отношениям»¹³.

В итоге получаем своего рода круговорот: «постоянно развивающееся в мыслящем человечестве представление о справедливом и целесообразном порядке жизненных отношений вызывает стремление к дальнейшему развитию положительного права, к поддержанию соответствия его с потребностями юридической жизни каждого данного момента этой жизни»¹⁴.

Близкие по смыслу утверждения находим у немецкого правоведа Г. Радебруха, известного своими штудиями права как культурной ценности, утверждающей приоритет и исключительность личности. В частности, указанный исследователь в составе наук о праве различает две ветви: науку о действующем и науку о правильном праве, изучающие, соответственно, позитивный (установленный) правопорядок и правопорядок идеальный. Правопорядок, правовые нормы являются понятиями, которые по сути своей призваны служить справедливости, а правовая жизнь по своему смыслу должна соответствовать правопорядку и правовым нормам¹⁵.

Таким образом, *наука о действующем праве* оперирует фактическими суждениями, а *наука о правильном праве* — суждениями ценностными. Между собой указанные науки совместимы, находятся в диалектическом соотношении как идеал и реальность.

Обсуждая вопрос открытости юриспруденции для междисциплинарного анализа, упомянем также и один из фрагментов классической отечественной цивилистики, а именно — точку зрения Ю.С. Гамбарова, обоснованную им, в частности, на вступительных лекциях по праву на экономическом отделении Санкт-Петербургского Политехнического института. По его мнению, гражданское право — это самая скучная, сухая и труднейшая из юридических дисциплин, но не по сути своей, а только лишь потому, что таков «господствующий теперь способ его изучения и изложения», ибо принцип его — «все, что не есть толкование закона, — не юриспруденция»¹⁶.

Юриспруденцию, заключенную «в пределы действующего закона», ставящую на место действующего права одно лишь действующее законодательство, правоведа уподобляет скованной цепями служанке законодательства, тогда как ее истинное положение — быть такой «служанкой», которая «носит на голове корону властителя». Ведь «едва ли что-нибудь так глубоко проникает в человеческую жизнь, как право, и едва ли какой-нибудь род человеческой деятельности так близко затрагивает каждого члена общества и распространяется от него на все общество, как деятельность юриста. Все, что касается производства, обмена, распределения и даже потребления экономических благ, постоянно служило и служит до сих пор предметом юридического регулирования». Поэтому юриспруденция не может и не должна

¹² Там же. С. 21.

¹³ Там же. С. 21, 23.

¹⁴ Там же. С. 23.

¹⁵ Радебрух Г. Философия права. М. : Международные отношения, 2004. С. 127–128.

¹⁶ Гамбаров Ю.С. Задачи современного правоведения : [Две вступ. лекции в Экон. отд-нии С.-Петерб. политехн. ин-та] // Журнал Министерства юстиции. СПб. : Сенат. тип., 1907.

быть безразлична к содержанию толкуемого ею права, ей не должно быть все равно, разумно или бессмысленно, благотельно или мучительно это право¹⁷.

Поскольку же содержание права формируется самой жизнью, а в ее изучении взаимодействуют представители различных дисциплин, постольку и междисциплинарность имманентна юриспруденции.

Считая самодостаточность науки права глубоким заблуждением, Ю.С. Гамбаров утверждает, что отрешенность юриспруденции от всех знаний, кроме знания закона, ведет эту науку к банкротству. На самом же деле «то, что принимают за несоединенные между собою острова, представляет в сущности один материк» — и юриспруденция вообще, как и гражданское правоведение в частности, должны пользоваться всеми завоеваниями человечества в области знания¹⁸.

Приведенные выше фрагменты, избранные нами из классического юридического наследия, могут быть представлены в виде «диалога идей», то есть своего рода встречи логических позиций, уникальных точек зрения на объект, выраженных в ходе рассуждений о правовых феноменах. Имеется в виду, что четко сформулировать и продуктивно развить мысль мы можем лишь в том случае, когда поставим ее в отношении явного или скрытого диалога с другой мыслью, так что каждая мысль окажется в множественных необозримых связях со всеми прочими идеями и мнениями.

Только в диалогических отношениях, понимаемых нами, вслед за М.М. Бахтиным, как общий принцип всякого гуманитарного познания, «вспыхивает свет, освещающий и назад, и вперед», тогда как вне явного либо скрытого диалога мысль, «как рыбка в аквариуме, наталкивается на дно и на стенки и не может плыть дальше и глубже»¹⁹.

В такой диалогической соотнесенности двух полюсов научной мысли о праве — «замкнуто самодостаточной» догматической юриспруденции, с одной стороны, и «междисциплинарно открытой» философии права — с другой, — при всех различиях между ними обнаруживается линия соприкосновения, обусловленная семиотической природой права, которая заключается в том, что право, вне зависимости от конкретных его интерпретаций, по существу своему есть не что иное, как знаковая, символическая модель определенных фрагментов мира, выстраиваемая в ходе познавательной и практической деятельности людей.

Следует отметить, что в семиотической проблематике как таковой различаются три взаимосвязанных и взаимосводимых аспекта:

1) **синтактика** занимается изучением структуры сочетаний знаков и правил их образования и преобразования безотносительно к их значениям и функциям знаковых систем;

2) **семантика** рассматривает знаковые системы как средства выражения смысла, делает акцент на интерпретации знаков и их сочетаний;

3) **прагматика** изучает отношение между знаковыми системами и теми, кто воспринимает, интерпретирует и/или использует содержащиеся в них сообщения²⁰.

Конкретизируя перечисленные аспекты общей семиотики по отношению к научному знанию о праве, также имеющем семиотическую природу, получаем, что догматическая юриспруденция, сосредоточенная только на юридических нормах, институтах и деятельности юрисдикционных органов, а равно на возникающих при всем этом правоотношениях между субъектами права, относится к сферам синтактики и семантики, тогда как философия права, выходящая за пределы узко-

¹⁷ Там же. С. 1–3.

¹⁸ Гамбаров Ю.С. Указ. соч. С. 5–7.

¹⁹ Бахтин М.М. К методологии литературоведения // Контекст. 1974: литературно-критические исследования. М., 1975. С. 207.

²⁰ Финн В.К. Семиотика // Новая философская энциклопедия. М.: Мысль, 2000.

реалистического контекста, соответствующему аспекту прагматики.

Подводя итог, представляется возможным обобщить изложенное в виде таблицы.

Таблица

Догматическая юриспруденция	Философия права
описательность, формальная направленность	оценочность, аксиологическая направленность
дисциплинарная замкнутость	междисциплинарная открытость
соотнесенность с синтактикой и семантикой (при интерпретации знаковой символической системы права)	соотнесенность с прагматикой (при интерпретации знаковой символической системы права)

Литература

1. Бахтин М.М. К методологии литературоведения / М.М. Бахтин // Контекст. 1974 : литературно-критические исследования. Москва : Наука, 1975. 362 с.
2. Вышинский А.Я. Основные задачи науки советского социалистического права / А.Я. Вышинский. Москва : Госюриздат, 1949. 419 с.
3. Гамбаров Ю.С. Задачи современного правоведения : [Две вступительные лекции в Экон. отделе С.-Петерб. политехн. ин-та] / Ю.С. Гамбаров // Журнал Министерства юстиции. 1907. Январь. С. 49–82.
4. Козлихин И.Ю. О нетрадиционных подходах к праву / И.Ю. Козлихин // Известия высших учебных заведений. Серия: Правоведение. 2006. № 1 (264). С. 31–40.
5. Нечаев В.М. Право / В.М. Нечаев // Энциклопедический словарь / под редакцией И.Е. Андреевского. Санкт-Петербург : Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон, 1890–1907. URL: <http://www.vehi.net/brokgauz/all/082/82475.shtml> (дата обращения: 26.06.2019).
6. Радбрух Г. Философия права / Г. Радбрух. Москва : Международные отношения, 2004. 240 с.
7. Регельсбергер Ф. Общее учение о праве / Ф. Регельсбергер ; под редакцией Ю.С. Гамбарова ; перевод И.А. Базанова. Москва : Т-во И.Д. Сытина, 1897. 312 с.
8. Сборник статей Н.М. Коркунова, профессора Петербургского университета. 1877–1897 : Общие вопросы права. История права. Государственное право. Международное право / Н.М. Коркунов. Санкт-Петербург : Н.К. Мартынов, 1898. 568 с.
9. Финн В.К. Семиотика / В.К. Финн // Новая философская энциклопедия / Научно-редакционный совет : В.С. Степин [и др.]. Москва : Мысль, 2000. Т. 1–4. 2659 с.
10. Черданцев А.Ф. Интегративное недопонимание права / А.Ф. Черданцев // Журнал российского права. 2016. № 10 (238). С. 5–15.

References

1. Bakhtin M.M. K metodologii literaturovedeniya [On the Methodology of Literary Studies] / M.M. Bakhtin // Kontekst. 1974 : literaturno-kriticheskie issledovaniya. Moskva : Nauka — Context. 1974 : literary-critical research. Moscow : Science, 1975. 362 s.
2. Vyshinskiy A.Ya. Osnovny'e zadachi nauki sovetskogo sotsialisticheskogo prava [The Main Tasks of the Soviet Socialist Law Science] / A.Ya. Vyshinskiy. Moskva : Gosyurizdat — Moscow : State Publishing House of Legal Literature, 1949. 419 s.
3. Gambarov Yu.S. Zadachi sovremennogo pravovedeniya : [Dve vstupitelny'e lektzii v Ekon. otd-nii S.-Peterb. politekhn. in-ta] [Tasks of Modern Legal Studies : [Two Introductory Lectures at the Department of Economics of the Saint Petersburg Polytechnic University]] / Yu.S. Gambarov // Zhurnal Ministerstva yustitsii. 1907. Yanvar — Journal of the Ministry of Justice. 1907. January. S. 49–82.
4. Kozlikhin I.Yu. O netraditsionny`kh podkhodakh k pravu [On Non-Traditional Approaches towards Law] / I.Yu. Kozlikhin // Izvestiya vysshikh uchebny`kh zavedeniy. Seriya : Pravovedenie — News of Higher Educational Institutions. Series : Legal Studies. 2006. № 1 (264). S. 31–40.
5. Nechaev V.M. Pravo [Law] / V.M. Nechaev // Entsiklopedicheskiy slovar / pod redaktsiey I.E. Andreevskogo. Sankt-Peterburg : F.A. Brokgauz, I.A. Efron, 1890–1907 — Encyclopedic Dictionary / edited by I.E. Andreevskiy. Saint Petersburg : F.A. Brokgauz, I.A. Efron, 1890 to 1907. URL : <http://www.vehi.net/brokgauz/all/082/82475.shtml> (data obrascheniya : 26.06.2019 — date of access : June 26, 2019).
6. Radbruch G. Filosofiya prava [Legal Philosophy] / G. Radbruch. Moskva : Mezhdunarodny`e otnosheniya — Moscow : International Relations, 2004. 240 s.
7. Regelsberger F. Obschee uchenie o prave [General Theory of Law] / F. Regelsberger ; pod redaktsiey Yu.S. Gambarova ; perevod I.A. Bazanova. Moskva : T-vo I.D. Sy`tina — edited by Yu.S. Gambarov ; translation by I.A. Bazanov. Moscow : I.D. Sytin's partnership, 1897. 312 s.

8. Sbornik statey N.M. Korkunova, professora Peterburgskogo universiteta. 1877–1897 : Obschie voprosy` prava. Istoriya prava. Gosudarstvennoe pravo. Mezhdunarodnoe pravo [A Collection of Articles by N.M. Korkunov, Professor of the Saint Petersburg University. 1877 to 1897 : General Issues of Law. History of Law. State Law. International Law] / N.M. Korkunov. Sankt-Peterburg : N.K. Marty`nov — Saint Petersburg : N.K. Martynov, 1898. 568 s.
9. Finn V.K. Semiotika [Semiotics] / V.K. Finn // Novaya filosofskaya entsiklopediya / Nauchno-redaktsionny`y sovet : V.S. Stepin [i dr.]. Moskva : My`sl, 2000. T. 1–4 — New Encyclopedia of Philosophy / scientific editorial board : V.S. Stepin [et al.]. Moscow : Thought, 2000. Vol. 1 to 4. 2659 s.
10. Cherdantsev A.F. Integrativnoe nedoponimanie prava [Integrative Misunderstanding of Law] / A.F. Cherdantsev // Zhurnal rossiyskogo prava — Russian Law Journal. 2016. № 10 (238). S. 5–15.

DOI: 10.18572/1812-3805-2019-9-73-80

Гносеологические и ментальные основания правовопонимания

*Сигалов Константин Елизарович,
профессор кафедры теории государства и права
Московского университета Министерства внутренних дел
Российской Федерации имени В.Я. Кикотя,
профессор кафедры истории права и государства
Юридического института Российского университета дружбы народов (РУДН),
доктор юридических наук, доцент
Sigalovconst@mail.ru*

Правопонимание, несмотря на хрестоматийный характер данной категории, обладает рядом не до конца уясненных смыслов, тонкостей и нюансов, могущих во многом изменить представление о таковой. В статье автор попытался связать становление правовопонимания с существом гуманитарного знания, «гносеологическим восприятием» правовой жизни, значимостью правовой доктрины и обусловленностью правовопонимания интеллектуальной составляющей.

Ключевые слова: правовая культура, юридическая модель, гуманитарное знание, предмет понимания, интерпретация, доктрина, гносеология, духовная деятельность, правовой нигилизм, гражданское общество, государственно-властные отношения.

Gnoseological and Mental Grounds of Legal Consciousness

*Sigalov Konstantin E.
Professor of the Department of Theory of State and Law of the Kikot Moscow University of the
Ministry of Internal Affairs of Russia
Professor of the Department of History of Law and State of the Law Institute of the Peoples'
Friendship University of Russia (PFUR)
LL.D., Associate Professor*

Legal understanding, despite the textbook nature of this category, has a number of not fully understood meanings, subtleties and nuances that can largely change the idea of such. In the article the author tried to connect the formation of legal understanding with the essence of humanitarian knowledge, epistemological perception of legal life by the significance of legal doctrine and the conditionality of legal understanding of the intellectual component.

Keywords: legal culture, legal model, humanitarian knowledge, object of understanding, interpretation, doctrine, epistemology, spiritual activity, legal nihilism, civil society, state-power relations.

В любой науке есть целые классы понятий, которые считаются раз и навсег-

да определенными, установленными и в дальнейшем своем уточнении не нуж-

дающимися. В самом деле, зачем тратить время на доказывание аксиом, которые мы берем за принимаемое без доказательств, если эта истина абсолютно очевидна и в этом самом доказательстве не нуждается. Однако усложняющаяся социальная, экономическая и духовная действительность предъявляет новые требования. Жизнь вносит реальные изменения в то, что считалось непререкаемым: появляется не только новая информация, получение которой ранее было просто невозможным в силу ограниченности гносеологических возможностей, но и новые способы осмысления той реальности, которая предъявляется миру. Это касается всех сфер науки, и право в этом смысле не представляет никакого исключения. Понимать новое в глубине всех его смыслов требуется не только потому, что это любопытно и представляет академический интерес, но и жизненно необходимо в силу постоянно совершенствующейся практики.

Право понимается не только как рупор знания, транслирующий информацию о нормах и правилах, это еще и огромная сфера теоретического мышления, формирующего не только желательный образец поведения, но и идеальный образ мира. Право — наиболее актуальный и гармоничный сегмент гуманитарного знания, сфера перманентных и органичных дискуссий, вектор верификации теории практикой.

Теория и философия права, разумеется, поднимается над эмпирией, но никогда не порывает с ней, если не желает превратиться в фантастику. «В отличие от правовой нормативности, в “чистом виде” являющейся предметом теории права, правовая реальность — не только и не сколько юридическая, сколько социологическая и политологическая. О праве как юридической модели знают немногие, о праве как фактическом явлении, документе, поступке знают

(в смысле — имеют свое представление и мнение) и судят практически все. При этом наличие либо отсутствие юридического образования и личного опыта в сфере практической юридической деятельности никак не сказывается на эмоциональном напряжении многочисленных дискуссий»¹. Антропологический параметр права чрезвычайно важен, ибо правовая наука отличается от всех других сфер гуманитарного знания своей праксиологичностью. С одной стороны, деятельность юристов сопряжена с практикой, затрагивает интересы реальных людей, занята решением конкретных вопросов. И в этом смысле имеет некоторую «технологическую» составляющую, сегментарно разрешая совершенно конкретные проблемы социальной жизни людей, чем, собственно, и занимается отраслевое юридическое знание, и занимаются юристы, специализирующиеся в конкретных областях юридической науки. Порой отраслевое юридическое знание достигает поистине блестящего владения конкретикой и непревзойденного совершенства в разрешении реальных дел. Но, как известно, «юриспруденция, тяготеющая исключительно к обслуживанию практики, выталкивает за свои пределы все, что не приносит очевидной пользы и не может быть непосредственно использовано, в область отвлеченного размышления о правовой жизни в контексте глубинных духовных оснований (в область философии). Фактическая роль такой юриспруденции напрямую зависит от степени связанности общества с созданной государством системой условий, гарантий и источников, поддерживаемых государственно-властными средствами»². Именно в силу этих при-

¹ Ромашов Р.А. Право: нормативность и девиантность. СПб. : Алетейя, 2018. С. 39.

² Малахов В.П. Общая теория права и государства : курс лекций. М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2018. С. 3.

чин юридический редукционизм старается «упростить» сложные и противоречивые социальные явления, свести их к формуле «прав — не прав».

С другой стороны, право — это та сфера гуманитарного знания, полнотерную значимость которого многие явно недооценивают, сводя его содержание исключительно к сфере «обслуживания практики» и «выплескивая» существо права как фундаментальной и мировоззренческой науки. И дело даже не в функциональной роли правовой теории как методологической основы юриспруденции, дело в гораздо большем объеме значимости права как сферы человеческого знания и понимания содержания процессов, происходящих в обществе, возможности и умения их регулировать не в прикладном, а в ментальном плане, не на уровне явления, а на уровне сущности. Право воспринимается человеком, вовлеченным в параметры современной правовой культуры, как поле его свободы и защиты от различных аутодеструкций — от личностных до государственных. Право воспринимается человеком, не вовлеченным в правовую культуру, как внешняя чуждая сила, транслирующая волю сильного. Между этими полюсами — огромное количество смыслов и фактов личностного поведения, но все они, так или иначе, сопряжены с человеком и воплощением права в его сущности. Поэтому право как форма общественного сознания сопоставимо по значимости, по объему рассматриваемых проблем, по своей ментальной ценности с философией, ибо является не только сферой определения должного и сущего, но и сферой выявления ценностных приоритетов, величина которых имеет жизненно значимый смысл цивилизационного масштаба. «Традиционно право воспринимается в качестве единой целостной нормативной системы, при помощи которой в государственно орга-

низованном сообществе определяются, получают свое формально-юридическое закрепление и реализуются общезначимые правила поведения — правовые нормы. Вместе с тем в современной юридической науке такое видение права подвергается существенной коррекции, что обуславливает состояние дисбаланса как в теории правопонимания, так и в юридической практике правотворчества и правореализации»³. Все же право в первую очередь необходимо для защиты интересов отдельного человека, ибо государство, а в наши дни и крупная корпорация всегда смогут себя защитить, сколь бы сложные задачи перед ними ни стояли на этом пути.

Правопонимание, равно как и всякое другое понимание, есть познание сущности познаваемого, а это процесс чрезвычайно сложный и противоречивый. Во-первых, познание «предмета понимания» с необходимостью обнаруживается в зафиксированной статике: т.е. что из себя представляет это явление здесь и сейчас, какое оно именно в момент его рассмотрения. В этом есть определенный и несомненный смысл, ибо очень часто фиксация именно самого последнего состояния чрезвычайно важна. Но и этого недостаточно, ибо все в мире развивается, в том числе и право. Поэтому, во-вторых, необходимо понимать динамику рассматриваемого явления, ту череду трансформаций, которая происходит с объектом понимания. Порой явление в начале своего пути противоположно по своей сути конечному пункту этой трансформации. Тем не менее важно проследить весь путь развития явления, ибо в противном случае невозможно понять и его сущность. В-третьих, существенное значение имеет локализация объекта понимания, и в первую очередь правовых феноменов, — в различной среде, в различных

³ Ромашов Р.А. Указ. соч. С. 26.

правовых культурах одни и те же явления могут и проявляться, и пониматься по-разному. В-четвертых, не менее важным является постижение и динамики процесса, и объекта познания самим субъектом понимания — «наполняемости» им этим пониманием. Познание — длительный и крайне противоречивый процесс, он связан с постоянной оценкой сути познаваемого. А это может меняться в зависимости от целого комплекса различных причин. Кроме всего прочего, следует принимать в расчет и «вычленение» предмета понимания из массива знания об объекте, т.е. конкретизацию информации из всего того, что знаешь об этом. То есть заявление, что нечто обязательно обладает именно такими свойствами и характеристиками, будет лишь частью правды, и уж точно не будет полноценно *понимаемым* явлением. Эту вполне банальную истину отчетливо понимал творец марксистской диалектики В.И. Ленин, когда говорил о познании первого порядка, второго порядка и т.д. В настоящий момент становится ясным, что «все большее проникновение в предмет, углубление в толщу его бытия заставляет постоянно перестраивать знания о нем, а не просто их накапливать. Всякое более глубокое суждение не поглощает предыдущее, а отрицает его, хотя бы частично. Система знаний, таким образом, настойчива или просто не успевает по-настоящему сформироваться, знания на самом деле пребывают в совокупности, недостаточно согласованной. Система знаний оформляется при условии, если находится на одном и том же уровне, в одном и том же «пласте» предмета. Накопление знания происходит за счет его непрерывной дифференциации. Индикатором получения нового знания о предмете является несогласованность его с уже имеющимся. Приведение их в согласование — уже не познавательный процесс, а процесс понимающий, отвле-

ченный; это уже не познание предмета, а его домысливание. Степень научности этого понимания снижается, или вообще научное познание перестает выполнять свою задачу»⁴.

Юридическое правопонимание в плане «овладения реальностью» обладает такими же свойствами, как и всякое другое, так сказать, официальное «доктринальное» понимание существа дела. Оно в минимальной степени позволяет правовому существу вмешиваться в процесс, приводя при этом не дозволенные с точки зрения формальной логики приемы, ссылаясь на букву и дух закона, процессуальные аспекты правопонимания, сложившуюся традицию и т.п. Это понимание подобно врачебному пониманию, когда врач ставит диагноз и прописывает больному лечение, а на его субъективные ощущения и сомнения отвечает, что только он и знает, как действительно должно проходить лечение и как больному действительно должно быть от этого хорошо. К сожалению, порой и диагноз ошибочен, и метод лечения выбран неверный. Так и юридическое правопонимание — это часто «оправдание диагноза» и «метода лечения», а не отыскание реальности и поиск ответов, объясняющих причины появления тех или иных социальных феноменов, ждущих правового уяснения и толкования.

Но все же право может быть понято именно как результат вышеупомянутых параметров, когда субъект правопонимания вынужденно поставлен в положение постоянного выбора линии своего поведения и верификации имеющейся социальной, духовной, правовой и политической информации, исходящей как от государственно-властных структур, так и от общества и от других людей. Человек постоянно находится в точке би-

⁴ Малахов В.П. Методологическое мышление в познании и понимании права. М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2018. С. 8.

фуркации, в состоянии перманентного выбора — всегда ментального и аксиологического, но чаще всего — именно банального практического или просто морального относительно совершения тех или иных правовых действий. Обусловлено это рядом обстоятельств как объективного, так и субъективного характера.

Во-первых, понимание права — это результат длительной и напряженной духовной работы, переосмысление существа происходящих событий и своей роли в этих событиях. Однако это идеальный случай, который характерен для крайне узкого сегмента даже здравомыслящего населения, но игнорировать его невозможно, ибо именно он задает основную интенцию развития феномена правопонимания.

Во-вторых, понимание права — это всегда результат внутренней интерпретации познаваемого. На чем это строится — на основе доктринального, профессионального или обыденно-массового правосознания? — это другой вопрос, но внутренняя интерпретация познаваемого присутствует всегда.

В-третьих, это не только результат духовной работы, но и результат того воспитания и культурного наследия, который всегда с человеком, является привычным и порой единственно возможным. Конфессиональные, национальные, профессиональные и региональные установки порой настолько довлеют над человеком, что он не способен воспринимать ничего другого. В правопонимании чрезвычайно важно именно то, «как думает» человек, какой стиль мышления преобладает у него в силу господствующей правовой культуры. То, что представители различных цивилизаций мыслят по-разному, понимают право по-разному не только содержательно, но и по форме правового мышления, в определенной мере объясняет различие между романо-

германским и англо-американским правом. Закон и далее кодификация являются порождением дедуктивного и абстрактного мышления, прецедент — порождением индуктивного и конкретного мышления.

Следствием этого являются и различные установки в правовой идеологии. Правовая идеология определяет характер превалирующего материального права, первоочередной задачей которого является регулирование социально-экономических и политических отношений в обществе. Основополагающим принципом идеологии романо-германского права является этатизм, отсюда и достаточно высокая степень вмешательства государства в деловую и даже личную жизнь гражданина и регулирование социальных отношений. Коллективистские начала здесь сильны, и гражданин воспринимается в первую очередь частью общества. В основе идеологии англо-американского права лежит принцип индивидуализма, общество воспринимается как некая совокупность индивидов, интересы каждого индивида должны быть соблюдены, даже если это может нанести ущерб обществу. Таким образом, заложен последовательно проводимый принцип деэтатизации общества — государство самым минимальным образом вмешивается в деловую и личную жизнь гражданина и регулирование социальных отношений.

В-четвертых, если возвратиться к «духовной работе» в правопонимании, то очень часто ровно никакой духовной работы не происходит просто вследствие неспособности субъекта делать что-либо и преодолевать то субъективно воспринимаемое культурное наследие, которое лично ему было дано изначально. Часто это обусловлено возможностями овладения правовыми знаниями и юридическим образованием.

В-пятых, чрезвычайно важны именно точные методологические установки,

желание и умение рассматривать правовые явления в их полноте и многовекторности. Симптоматично, что даже самые строгие мэтры современной правовой теории признают, что поиск «новых методов исследования нужно только приветствовать, и это аксиоматично для любой науки, в том числе и для юридической»⁵.

Разумеется, правовой нигилизм, присущий значительной части российского населения постепенно изживается в силу многих причин, но считать его совершенно преодоленным невозможно. «Заповедники» правового нигилизма остались как в отдельных социальных, демографических и профессиональных группах и слоях населения, так и в некоторых российских регионах. Это обусловлено как проблемами доверия к власти, эффективности правовой политики и значимости политической идеологии, так и проблемами неравномерности регионального развития и ошибками в социально-экономической и политико-правовой деятельности местной власти, а также правовым менталитетом определенных социальных групп и слоев.

Серьезные проблемы имеет и система юридического образования в России, которое чрезвычайно разнообразно: а) имеется существенная разница в уровне и в параметрах образования различных университетов; б) в рамках даже самого сильного университета можно и не получить полноценного юридического образования в силу всем известных организационных проблем, персонального менталитета и личных способностей обучаемого; в) по-прежнему сильны позитивистские установки, и правопонимание в этих рамках, обусловленных, чаще всего, отраслевым представлением о праве, очень условно можно назвать

правовым: основной постулат здесь такой — каким образом можно применить имеющиеся знания и навыки для решения конкретных вопросов, порой не только неправовыми, но и просто противозаконными методами?; г) современное отечественное юридическое образование сильно отличается как от англо-американской, так и от континентальной традиции получения такового, так как теория практически очень часто не соотносится с практикой, даже не в том смысле, что последующая практика является противоправной, а в том, что многое из того, чему мы учим на деле, является чрезмерно идеальным и в этом смысле избыточным; д) представление о юридическом знании, его глубине, месте в системе знания, значимости в комплексе духовного освоения мира и, следовательно, о понимании самого существа **правового**, получаемое в комплексе технического, естественно-научного и даже гуманитарного знания, как правило, поверхностно и примитивно.

Российское правопонимание невозможно вне историко-культурного фона восприятия права. Собственно, это необходимое условие для любого национального правопонимания. Однако не следует питать иллюзий относительно самого факта освоения всеми российскими субъектами правоотношений этого культурного фона. Несмотря на то что крайности правового нигилизма в России изживаются, для значительного числа наших сограждан представление о **правовом, юридическом, законном** является и не понимаемым, и не принимаемым, ибо не входит в сферу их интересов и не является значимым фактором их индивидуального понимания сущего. Формальная юридическая культура существует как бы параллельно реальной юридической культуре. Однако это не есть исключение, ибо на Западе налицо сходные процессы. Но, если на Западе «право, обретающееся в народ-

⁵ Власенко Н.А. Методологические проблемы современной теории права // Журнал российского права. 2019. № 4. С. 8.

ном сознании», признает значимость и верховенство «права на бумаге», в России этого не происходит. Народное правопонимание правовым не является, а официальное правопонимание настолько «юридизировано», формализовано и администрировано, что его тоже невозможно признать реально правовым.

Включенность гражданского общества и каждого индивида в процесс правового функционирования делает и общество, и индивида соучастниками государственно-властных отношений. Диапазон проявлений этого функционирования различный, равно как и различно таковое правопонимание, ибо он зависит от комплекса социально-экономических, политико-правовых, духовных и ментальных факторов. «Правопонимание — это понимание как природы, так и существа права. Они связаны, но понимание сущности права вывести из понимания его природы невозможно. И наоборот. Парадоксальность ситуации с правопониманием заключается в том, что оно возможно только при условии, что оно уже есть. Иными словами, проблема правопонимания есть проблема развития, обоснования, рационализации существующего понимания права»⁶. Каков же реальный лик правопонимания, что оно из себя представляет? Это профанное, примитивное, наивное, вульгарное правопонимание, очень далеко отстоящее от права, или это утилитарно понимаемое государственно-властное правопонимание (тоже весьма далеко отстоящее от права, воспринимающее **юридическое** исключительно как способ административного воздействия). Истина здесь не посередине, а где-то совершенно вдали от этих двух феноменов. Важно также не только то, **что** вырабатывает юридическое правопонимание, но и то, **кто** занят этим. И боль-

шой страх здесь в том, что речь идет о сконструированном узким слоем интеллигенции своем представлении о правопонимании. Оно идеально, прекрасно, желанно, но мозаично, а главное, очень далеко от реальности. Но все же в конструировании есть глубочайший смысл, ибо если этого не делать вообще, то общее состояние правопонимания так и будет разрываться между Сциллой холлопской пошлости и Харибдой барского хамства. Главное здесь то, кто, собственно, **способен** к выполнению функции «конструктора» правопонимания. Чаще всего в роли таких «гуру» выступают практикующие юристы, чьи концепции редко выходят за пределы юридического правопонимания, носящего в первую очередь чисто утилитарный характер. Однако некоторым из них все же удается преодолеть этот «узкоюридический» прагматизм. Можно говорить о значимости таких «гуру» — в народе, да и в среде юристов и неюристов к ним отношение самое разное, но без них обойтись нельзя. Ибо реально именно иудейские гаоны, классические римские юристы, мусульманские муджтахиды создавали и право, и правопонимание. При этом если в одних случаях государство помогало этим авторитетам от юридической теории и практики, то в других случаях не помогало, а иногда и мешало. Собственно, и государства как такового порой не было или его «присутствие» было минимальным. То есть государство для создания доктрины очень часто совершенно ни при чем. Доктрина — это, скорее, не обязанность видных юристов, а подарок для государства, некий бонус при благоприятных условиях существования теоретиков и философов права. Повезет — хорошо, правопонимание в этом случае станет осязаемым и красиво оформленным, не повезет — будет аморфным и размазанным. Это еще один пример паразитирования юридического права на праве общественном. Но это и маркер

⁶ Малахов В.П. Общая теория государства и права : курс лекций. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2018. С. 40.

того, насколько общество созрело, для того чтобы появились персонажи, которые готовы интеллектуально воспроизводить новые идеи, ментально и социально их продвигать, это также и одна

из возможностей за счет интеллектуального потенциала социума разрешать многие реальные проблемы, стоящие перед гражданским обществом и государством.

Литература

1. Власенко Н.А. Методологические проблемы современной теории права / Н.А. Власенко // Журнал российского права. 2019. № 4. С. 5–19.
2. Малахов В.П. Методологическое мышление в познании и понимании права : монография / В.П. Малахов. Москва : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2018. 239 с.
3. Малахов В.П. Общая теория государства и права : курс лекций / В.П. Малахов. Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2018. 271 с.
4. Ромашов Р.А. Право: нормативность и девиантность / Р.А. Ромашов. Санкт-Петербург : Алетейя, 2018. 274 с.

References

1. Vlasenko N.A. Metodologicheskie problemy` sovremennoy teorii prava [Methodological Issues of the Modern Law Theory] / N.A. Vlasenko // Zhurnal rossiyskogo prava — Russian Law Journal. 2019. № 4. S. 5–19.
2. Malakhov V.P. Metodologicheskoe my`shlenie v poznanii i ponimanii prava : monografiya [Methodological Thinking in the Perception and Understanding of Law : monograph] / V.P. Malakhov. Moskva : YuNITI-DANA : Zakon i pravo — Moscow : UNITI-DANA : Act and Law, 2018. 239 s.
3. Malakhov V.P. Obschaya teoriya gosudarstva i prava : kurs lektsiy [The General Theory of State and Law : course of lectures] / V.P. Malakhov. Moskva : YuNITI-DANA — Moscow : UNITI-DANA, 2018. 271 s.
4. Romashov R.A. Pravo: normativnost i deviantnost [Law: Normativity and Deviation] / R.A. Romashov. Sankt-Peterburg : Aleteyya — Saint Petersburg : Aletheia, 2018. 274 s.

Уважаемые авторы!

Для оформления заказа на приобретение одного и/или нескольких печатных экземпляров журнала с опубликованной статьей просим вас при получении уведомления о включении вашей статьи в содержание журнала обратиться в авторский отдел по телефону: (495) 953-91-08 или по электронной почте: avtor@lawinfo.ru